

Джейд Дэвлин

Злата. Медвежья сказка

Глава 1

Я это сделала, я это сделала!

Эта мысль билась в голове ликующей птицей всю дорогу до причала. Старенький пикап подпрыгивал на ухабах и громыхал сложенным в кузов снаряжением, и в такт с этой жизнеутверждающей музыкой сердце билось и подпрыгивало в груди.

Я! Буду! Смотрителем острова! Йес-с!

— Голди, ты уверена? — Джексон озабоченно нахмурился, в пятый раз проверяя укладку. — Мне кажется, это не очень подходящее для девушки занятие, и...

— Я тебя умоляю, кэп, только не начинай опять! — я засмеялась, выдергивая из кузова пикапа свой рюкзак. — Я пять лет мечтала об этой работе и не намерена от нее отказываться.

— Ты ненормальная. В твоём возрасте и с твоей внешностью надо рваться в Нью-Йорк и Голливуд, мечтать о карьере звезды или об удачном замужестве. Ну, на крайний случай — о клевом бойфренде и горячих вечеринках со знаменитостями. А ты едешь в самую глушь, на этот забытый богом остров, чтобы сидеть на нем безвылазно три года! И я бы понял, если бы платили миллионы, а то...

— Кэп, я это уже тысячу раз слышала, смени пластинку. — Пока Джексон бухтел, я успела проверить снаряжение, пристегнуть к поясу фляжку и забрать из кабины ноутбук. — Катер скоро будет?

— Через пятнадцать минут, Карсон уже ответил. Ненормальная русская девчонка, куда только твои родители смотрят... чтобы выходила на связь каждый вечер, поняла? Любая, слышишь, любая нештатная ситуация — сразу докладываешь и вызываешь помощь.

Я только молча закатила глаза. Кэп все никак не мог смириться с тем, что я добилась своего. Смотритель острова Вайкувер — эту вакансию я ждала несколько лет, подвывая от нетерпения, хотя никто в целом свете не разделял моего энтузиазма. К тому же в самый последний момент была почти что драчка за это место с нашим «первым парнем на деревне» Винстоном Грином, и я выиграла! Ха!

Утерся, красавчик-задавака, обладатель самых бугристых мускулов в округе и самой ослепительной улыбки на пятьсот миль вокруг. У-у-у, морда самодовольная, он меня бесит еще со школы. В основном из-за того, что проходу не дает, урод по кличке «мистер Вселенная». И ни фиги не потому, что я ему нравлюсь, всё наоборот — как только он и его кодла меня не дразнили всю младшую и среднюю школу. И больше всего их дергало то, что я не реагирую на словесные подначки, а если кто-то полезет физически — вломлю не по-честному: коленом по яйцам со всей силы, зубами до крови и лабораторным стулом по башке. Бешеная заучка, короче, лесная дикарка и чокнутая русская медвежатница.

— Хей, Голди! — мои воспоминания грубо прервали, сначала ревом выметнувшегося из-за мыса водного мотоцикла, а потом и хвастливым возгласом.

Я, не оборачиваясь, мысленно застонала. Как в воду глядела же — приперся! Соперник, пнем его об сову!

— Даю тебе последний шанс, детка! Откажись от этой идеи, и я, так и быть, приглашу тебя на свидание, конечно, когда вернусь с острова!

Чертов Грин соскочил с лихо, с пеной и брызгами пришвартованного у пирса водного мотоцикла и выпрямился передо мной, насмешливо глядя сверху вниз. Плечи развернул, руки в боки, бицепсы напряг... глазница голубые, волосы белобрысые, улыбка во все тридцать два... мистер Вселенная, мать его! Так бы и треснула.

— Отвали, Гринч, вместе со своим последним шансом, а на свидание сходи с козой! — не люблю грубить, но он меня еще со школы бесит до мурашек в глазах. — Все равно у тебя мозгов на большее не хватит, раз с первого раза не понимаешь. Я не откажусь от места.

— А ты всё такая же грубиянка, детка. — Ослепительная улыбка чуть поблекла — Винс терпеть не мог кличку, которой я наградила его еще в первом классе, переделав обычную фамилию в имя вредного сказочного персонажа, укравшего Рождество. Я это знала и пользовалась, когда слишком уж доставал. — Ладно, провожу тебя до места, полюбуюсь, как ты оценишь, с чем придется столкнуться, и сама убежишь домой к мамочке.

Он снова вспрыгнул на водный мотоцикл и умчался нарезать зигзаги по заливу, благо волн сегодня

почти не было, а я сама едва не позеленела от злости, глядя на эти выкрутасы. Попрется за нами на остров, гад, все нервы же вымотает! Настроение испортит в самый лучший день. Тьфу.

С какого зеленого хрена этот Грин-Гринч тоже в биологию подался — загадка. У него любви к природе, на мой взгляд, не больше, чем совести и мозгов у комара. Конечно, в наших краях всё, что связано с экологией и сохранением лесов, — престижная профессия, и зарплата не самая плохая. Но ему с его самомнением и накачанными в тренажерном зале мышцами прямая дорога куда-нибудь на пляжи Калифорнии, шанс ловить.

— Голди, не спи, вон уже катер, — скомандовал тем временем Джексон. — Чем быстрее отправимся, тем больше светлого времени суток останется на обустройство лагеря. А этого клоуна можно припахать в качестве носильщика, если уж твой обожатель за нами всё равно увяжется.

Я забросила рюкзак под скамейку и пошла проверять, как сложены на корме ящики с моим оборудованием, всё еще бурча себе под нос неприличные русские ругательства.

Всё то время, пока катер шел через пролив, белобрысый придурок нарезал круги вокруг нас, фигуруя и выделяясь, как петух перед целым курятником. Джексон ржал и доставал меня намеками на то, что одиночество мое на острове будет весьма относительным, с таким-то поклонником, упорным и хорошо плавающим. Капитан катера вполголоса ругался на особо рискованных виражах, когда белобрысый наездник проносился слишком близко от борта, и почему-то осуждающе косился на меня, а не на долбаного мотоциклиста. А я тихонько сатанела, мысленно посылая заразе в задницу самые горячие иголки от ежа.

Вот какого дохлого лося он приперся меня «проводить», засранец? Просто чтобы испортить радость от победы? А похоже.

Старательно глядя только прямо по курсу и не обращая внимания на рискованные пируэты Гринча, я решила — не буду о нем думать, обойдется. Лучше вспомню свой путь к этому выигрышу, он был хоть и непростым, но увлекательным.

Когда больше двадцати лет назад мои родители иммигрировали в Канаду, я, сопливая девчонка с польским именем Злата и русской фамилией Бероева, впервые пришла в младшую школу. И надо же — совпадение. Ровно в тот же день к нам с лекцией и ручной рысью приехала женщина-егерь из ближайшего заповедника.

Как она про лес рассказывала! А слайды! А настоящая почти дикая рысь, которая сидела на поводке у ног гостя до конца урока! И нам всем позволили очень осторожно и бережно потрогать мягкие чутко шевелящиеся уши зверя! До сих пор помню это волшебное ощущение под пальцами.

Конечно, после этого урока почти все дети в классе на пару дней захотели стать егерями и учеными- натуралистами, но только я одна заболела этим всерьез и надолго.

— Хей, Голди! Опять замечталась? Ты смотри, на острове так спать с открытыми глазами нельзя! — Джексон добродушно ткнул меня в плечо, и я встрепенулась. Точно! Зубчатый край материкового леса таял в туманной дымке над проливом, а катер уже выруливал к ветхому деревянному причалу на галечном пляже, над которым торчал шест с немного выцветшим и потрепанным канадским флагом.

— Выгружайся, детка. И зови своего ухажера, пусть приносит пользу, раз ему так нейдет производиться на тебя впечатление.

Я выпрямилась и посмотрела вдаль, туда, где над темно-зеленой кромкой путался в облаках Утес Мертвой Медведицы, и на мгновение даже забыла про Гринча. Моя мечта! Там, у подножия, должна быть заброшенная землянка, а выше по течению реки — старый-престарый прииск. И это всё мое! Всё можно исследовать, сфотографировать, описать в блоге, привязав к старым легендам! Как раз времени хватит до большого нереста, когда основная работа займет всё мое время.

Я выпрыгнула из катера на пошатнувшийся под ногами пирс и счастливо засмеялась. Скрип старых досок показался веселым хихиканьем, которым меня приветствует остров мечты.

— Берегись! — вдруг истошно заорал Джексон откуда-то сзади, и я дернулась, резко обернувшись. М-мать!!

Долбанутый в башку Гринч, явно задетый тем, что я не обращаю на него ни малейшего внимания, решил проверить очередной кульбит чуть ли не у самого пирса, явно намереваясь окатить меня морской водой. Только вот не рассчитал, а может, просто не заметил прибрежного камня, коварно притаившегося под самой поверхностью сразу за линией прибора.

Водный мотоцикл со всего маху налетел на это препятствие, его подбросило в небо, кувыркнуло, я еще успела заметить мелькнувшие в воздухе ноги чертова выпендренника...

А вот сама никуда отскочить уже не успела. Неуправляемый мотоцикл врезался в старые доски, мгновенно смяв их, как бумагу, ровно в том месте, где я стояла.

Последнее, что я увидела, — это как окрашенное алой краской дно мотоцикла несется на меня, заслоняя горизонт, а потом...

Потом всё.

Глава 2

Нестерпимо чесался нос, такое впечатление, что по нему кто-то ползал и кусал. Именно это ощущение выдернуло меня из небытия, оно было настолько сильным и отчетливым, что я сначала фыркнула, сдувая назойливое насекомое, потом попыталась достать нос рукой и только после этого открыла глаза.

И тут же закрыла их обратно.

Еще бы, испугаешься тут, когда прямо перед твоим лицом сгребает хвою и сухие травинки здоровенная медвежья лапа с во-от такенными когтями!

Я замерла, стараясь даже не дышать. Самое лучшее, что можно сделать в такой ситуации, — это притвориться мертвой. Тогда есть шанс, что медведь оставит тебя немного поразлагаться на солнышке, а сам пока пойдет займется другими делами. Медведи, они любят мясо с душиком...

Не знаю, сколько бы я еще так лежала, если бы не тот самый распроклятый муравей. Он опять нагло забрался прямо мне в ноздрю и принялся там расхаживать, как конь по бульвару.

Кончилось все тем, что я оглушительно чихнула и непроизвольно хлопнула-таки себя рукой по лицу... то есть лапой по морде. Той самой медвежьей лапой по самому натуральному медвежьему носу!!!

А-а-а-а-а-а-а!

Никто и никогда не слышал, как визжат медведи. И больше не услышит, потому что вряд ли я когда-нибудь смогу повторить этот трюк на бис. Но шишки с ближайшей ели посыпались очень впечатляюще.

И словно в ответ на этот странный звук где-то вдалеке раздался выстрел, потом вроде как крик, а потом... высоко-высоко на той самой елке, с которой сыпались шишки, заплакал медвежонок.

Сначала меня пробило морозом до самого нутра — любой житель севера Канады в курсе, что надо делать при встрече с медвежонком: со всех ног драпать от него в противоположную сторону. Потому что, если этот милый детеныш решит с вами поиграть, а потом вдруг обидится и пискнет, придет мама-медведица и сделает из вас ужин для себя и своего отпрыска.

И только через пару секунд, уже вскочив на... все четыре лапы и издав горлом странный призывный полурывк- полустон, я поняла... упс. Очень похоже, что мама-медведица здесь я.

На секунду небо в верхушках елей и усыпанная опавшей хвоей земля поменялись местами, но я быстро встряхнула головой, и бешеное головокружение унялось как по волшебству. Паника и ужас от произошедшего никуда не делись, но именно они пробудили во мне инстинкты зверя, вытянули их на поверхность и временно заменили сознание. Может, и к лучшему... а то так и с ума можно сойти.

Это человек может ужасаться чему-то в прошлом или страдать по несбывшемуся. У зверя все просто. Страшно и непонятно? Надо спасать детеныша и бежать. Всё.

Медвежонок кубарем скатился с елки на первый же мой требовательный рык, был обнюхан, облизан и шлепком могучей лапы направлен в самые густые заросли, непроходимые на первый взгляд. Вот только зверь, в которого я превратилась, то ли чуял, то ли знал, что именно там пролегает знакомая звериная тропа, которая уведет нас в безопасное место.

Мох и еловые иголки мягко стелились под ноги, медвежонок торопливым колобком перекатывался в паре метров впереди меня, мы всё дальше уходили от места, где зверю было страшно и неудобно, и разум все яснее проступал сквозь инстинкты. Причем вместе получилась странная смесь, когда я могла осознать, что говорят мне все эти запахи и чувства медведицы, и проанализировать их человеческим разумом.

Что вообще со мной случилось? Кто я? Нет, кто я — помню. Злата Бероева, двадцать шесть лет, биолог, аспирантка и смотритель острова. Так? А почему тогда мое сознание в теле медведицы?

Стоило задуматься — и память как последние кадры замедленной съемки прокрутила перед глазами трюк Гринча и водный мотоцикл, несущийся прямо на меня. Я на секунду задохнулась от осознания. Это что... я умерла? И моя душа переселилась в... Но это же ерунда, чушь какая-то, этого не может быть! И что мне теперь делать?!

К счастью, инстинкты зверя не дали мне свалиться в новый колодец, вырытый паникой и неверием. Как-то так наши мозги сплывались в одно целое, что рассудительная и практичная медведица вполне уравновесила перепуганную и шокированную девчонку.

Я медведь. Я медведь?! Я медведь, твою мать!!! Почему?

Ничего. Толку паниковать, все равно я не узнаю ответа на этот вопрос. И если задуматься, что лучше — лежать переломанной инвалидкой в госпитале, возможно с трубкой в горле, а потом, если повезет, всю жизнь передвигаться на коляске или топтать по лесу здоровой и, судя по ощущениям, молодой медведицей, то я, по зрелом размышлении, знаю, что бы я выбрала.

Значит, что? Топаем по звериной тропе и тщательно принимаемся.

Как только я приняла это решение и сосредоточилась на том, что чувствует мой нос, чуть не упала от резкого удара самых разных и очень ярких ощущений, вдруг нахлынувших на меня как горный водопад.

Кажется, до этого момента человеческий мозг, занятый паникой и мыслями, не давал медвежьему полностью проявить все, что заложила в него природа. Миллионы запахов, звуков слились в один неразборчивый поток, а затем сами собой разбились отдельными ручейками, снабжая меня информацией об окружающем мире.

Это было так... захватывающе! Знать, что справа за деревьями, метрах в тридцати, невидимая олениха чутко повернула уши в нашу сторону и замерла. А вон там, слева и впереди, деловито копается под корнями старой сосны упитанный барсук. А позади...

М-да. Немного увлеклась.

В уютной пещерке, вырытой прямо в глинистом склоне под береговой кручей, было сухо и как-то очень... спокойно. Медвежонок кубарем скатился туда с небольшого уклона и завозился в дальнем углу, а потом вывалился обратно, прямо мне под ноги, то есть под лапы. Я инстинктивно ткнулась в него носом и шумно втянула воздух.

Э... не поняла. А почему этот звереныш пахнет... мной? Причем не мной-медведицей, а мной-человеком?!

Я еще раз тщательно принялась, плюхнулась на хвост и помотала головой. Ничего не поняла. Такое впечатление... что... э-э-э-э... что это мой ребенок. В смысле — мой человеческий ребенок, которого я родила и выкормила, когда человеком была!

Нет, ну я же еще в своем уме. Правда же? Я точно помню, что детей не рожала. И вообще это дурдом — как может медвежонок быть моим... тьфу. Нет. Это сейчас слишком сложный вопрос для моего медвежьего разума, того и гляди, его окончательно переключит, и я спячу.

Мелкий, точнее, мелкая тем временем приютилась мне куда-то в район пуза и там затихла. Спит, что ли? Ну точно. Хорошо быть детенышем, причем независимо от видовой принадлежности. Как бы ни было страшно и ужасно полчаса назад, вот есть мама, вот есть дом, все хорошо, значит, забываем бяку и радостно живем дальше.

А мне что делать?

Обдумать этот вопрос я не успела, потому что прикорнувший между лап лохматый шарик вдруг опять вскинулся и тревожно запищал, рванув из пещеры наружу. Я и сама подскочила так, словно меня за хвост укусили. Это еще что за звук там, левее откоса, за тремя соснами?!

Глава 3

Стон? Или мне показалось?

Нет, точно, это стонет человек. Почему тогда мой медвежонок рванул на этот звук так, что толстые пятки засверкали? Вроде не похож он еще на хищника, который стремится дожрать добычу, пока теплая. Не дорос еще.

Я бы, если честно, поостереглась соваться к источнику стонов, слишком странно это все. Но выхода не осталось, нужно было топать вслед за ускакавшим дитем.

Бурча тихонько себе под нос что-то медвежье-неодобрительное, я выбралась на глинистый склон и раздвинула лапой заросли. Попутно старалась принюхать и прислушаться — что вообще в округе происходит? По- хорошему надо было стоять на месте и сканировать окрестности, но толстый бурый задок уже скрылся за очередной сосной, и времени на вдумчивые исследования не осталось.

Вместе с медвежьим обликом ко мне пришло умение двигаться тем особым способом, когда ты вроде неуклюжий косолапый колобок, который никуда не торопится и вообще даст фору любому ленивцу, но при этом расстояние до цели куда-то девается словно само собой, не успеешь и глазом моргнуть.

Вот я вроде осторожничала и точно никуда не торопилась, а источник стонов вдруг оказался буквально в метре от меня. В самых густых зарослях. Ну, закон подлости никто не отменял.

Дите совсем по-человечески всхлипывало и скулило, вошкаясь среди листьев, но не было испугано, и вообще опасностью оттуда не веяло. Там просто лежал кто-то раненый, потому что я отчетливо чувствовала запах крови.

Тяжело вздохнув и покачав головой, я сделала несколько шагов и носом отстранила мешающие ветки деревьев. И чуть не грохнулась в обморок, как перетянутая корсетом институтка.

На ковре из пропитавшейся алым хвоей лежал чертов Гринч с расшибленной башкой. В полной отключке. И мой медвежонок, тихо плача, вылизывал его лицо.

Я села. Закрыла глаза.

Не помогло. Дурацкий Гринч пах на весь лес, и если еще секунду назад я не узнавала этот запах, то теперь...

А-а-а-а! Блин! Фейспалм медвежьей лапой делать неудобно — там когти, и этими когтями я сама себе врезала по носу, рывкнула от неожиданности и чуть не кувыркнулась в кусты.

Так, Златка, спокойно. Думай! Но почему этот белобрысый везунчик остался в своем теле, а ты тут мнешь мохнатой попой сосновые иголки, а?! Несправедливо!

С другой стороны... какая, к лосям, теперь разница?

Я осторожно прихватила детеныша за холку зубами, приподняла и переставила в сторонку, тихо рыкнув, чтоб не лез под лапы. И принялась подробно изучать «находку».

Это точно Гринч, даже одет в его собственной любимой манере — в костюм первопроходца и золотодобытчика середины девятнадцатого века. Чего уж ему так полюбились эти старомодные рубашки и штаны из парусины на подтяжках, фиг его знает. Но он старался соблюдать «дресс-код» даже в мелочах, вешая на ремень вполне аутентичные ножны со специальным ножом тех времен. Ну и куча других прибабасов тоже при нем...

Хотя странно. Точно помню, что, когда сегодня утром этот белобрысый наездник подкатил к катеру, рубашка на нем была ярко-красная в шотландскую клетку. А теперь синяя и без узора и сшита... словно руками. Хм.

Тут мне в ноздри ударил новый запах, и зверь во мне аж отпрянул с рыком. А через секунду человеческая память его опознала — так пахнет сторевший порох.

Стоп. У него что, не только голова разбита, но еще и огнестрельное ранение?! Откуда?! Вообще ничего не понимаю.

— Р-р-рмы-ы-ы-ы! — жалобно сказала моя медвежонка и попыталась пролезть у меня между лапами, чтобы снова вылизать Гринчу лицо. Пришлось строго рыкнуть и прихватить за холку, но добилась я только жалобного писка и упрямого брыкания четырех толстеньких лап.

Уф-ф-ф...

Радует одно: Гринч все же живой. Те раны от огнестрельного оружия, которые я на нем вынюхала, — несерьезные. Рука выше локтя и по ребрам вскользь. А вот головой он приложился крепко.

Хотя... несерьезно смотрятся такие ранения в городе или хотя бы поселке, где есть доктор и средства первой помощи. А в лесу, когда под рукой вместо стерильных пакетов и прочего обеззараживающего хозяйства только медвежья слюна... м-да.

Потом, вспоминая случившееся, я была довольна собой. Стресс, шок, непонятки, а у меня даже мысли не возникло бросить неожиданную проблему там, где лежит, и оправдать себя тем, что я все равно ничего не могу сделать.

Во-первых, могу. А во-вторых... нельзя бросать людей без помощи. Никаких. Никогда.

Что у него с головой, мне было не определить. Может, просто сотрясение, а может, дело дошло до внутреннего кровоизлияния или вообще повреждений мозга. Но на первый взгляд череп все же не проломлен, только здорово ушиблен и кожа содрана. Отсюда и крови столько — ранения головы всегда очень обильно кровоточат, сосудов много под кожей.

Остальные повреждения... так. Рубашку бы с него снять. А как?! Медвежьими лапами это затруднительно.

— Мы-ы-ы-ы-ы?! — вопросительно прогудела моя медвежонка, когда я аккуратно, чтобы не слишком трясти его башкой, приподняла тело зубами за кожаную перевязь поперек груди и понесла в сторону реки.

Я промолчала, только строго зыркнула на детеныша. Как бы так осторожненько... и вот с этого бока сосну обогнуть... так, на спуске надо проследить, чтобы он сапогами ни за что не зацепился... ага.

Слава лосиным богам, тут очень удобная отмель на изгибе реки. Мелкая галька, прозрачная водичка. Если уложить свою ношу у самой кромки, можно будет аккуратно по одной откусить с его рубашки все пуговицы. И выплюнуть их в специально вырытую ямку. Очнется — пришьет. Если очнется...

Стаскиваем с тела рубашку... а-а-а-а, черт, лапами и зубами — страсть неудобно. Еще ведь надо не порвать и этого мускулистого паразита не поцарапать. Уф-ф, теперь в воду его, голову придерживать, чтобы не захлебнулся, а раны пусть промоет, я еще и языком помогу. Кстати, медвежья слюна — довольно мощный антисептик, как и собачья.

Сначала, оказавшись в ледяной воде, Гринч никак не отреагировал. Ну спустя примерно секунд тридцать острые ощущения таки достучались до его ушибленного мозга, и он слабо завошкался у меня в лапах, застонал и попытался отпихнуть.

И все это не открывая глаз и под тихий жалобный бубнеж моей медвежонки с берега. Эту заботливую козявку пришлось еще отпугнуть рыком, чтобы под лапы не лезла и не мешала.

Я тщательно прополоскала свое несчастье в воде, проследила, как перестает сочиться из суженных от холода капилляров кровь, и с чувством выполненного долга выволокла добычу на бережок.

Ну что? На всякий случай еще раз вылизать или так сойдет? О! Где-то по пути этот наездник полудохлый цеплялся сапогами за знакомые пучки полезной травы. Сейчас мы их... ага.

Нет, в медвежьем облике есть и свои плюсы. В частности — очень густая и липкая слюна, с помощью которой листочки подорожника отлично приклеились к ранам.

Уф-ф-ф-ф-ф, ну, самые первые меры по спасению дурного Гринча предприняты. А дальше что?

Глава 4

Лежа на спине в своей сухой глинистой пещерке, я всем телом грела недобитого Гринча, уложив его себе на живот и обняв лапами. Дурацкая поза... а куда деваться. Еще и медвежонку, периодически пытающуюся вскарабкаться туда же и прикорнуть рядом с раненым, приходилось отпихивать. М-де...

Нет, я всегда мишками интересовалась, не говоря уже об остальной живой природе. Но никогда не думала, что, забравшись в шкуру косолапого, не только почувствую, как устроена его жизнь изнутри, но еще и буду думать, которым боком ее поудобнее развернуть, чтобы приспособить к человеческим нуждам.

Чувствуя, что начинаю засыпать, я отпустила контроль над мыслями, и перед глазами начала прокручиваться яркая и манящая кинолента прошлой жизни. Почему-то ни боли, ни сожаления я не чувствовала, один только интерес, словно смотрю на свою жизнь заново, незнакомыми глазами.

Школа, уроки, одноклассники... мечты о будущей работе с природой... мама и папа...

Родители были не в восторге от того, каким будущим я загорелась, но и не отговаривали — с ними мне повезло. Они смирились с легким помешательством дочери на теме дикой природы, способах выживания, индейских легендах и многодневных походах в районы крайнего севера. А я... я поняла раз и навсегда, что гораздо счастливее среди вековых елей и россомах, на обрывистом берегу ледяного горного ручья, в котором больше века назад первопроходцы мыли золото, чем в самом дорогом ночном клубе или шикарном отеле Майами у голубого бассейна с коктейлем в руках.

Ну бывает, чего. Я ж не запрещаю другим ни коктейлей, ни бассейнов. Главное, чтобы меня не заставляли всем этим заниматься, а отпустили с богом в индейский лагерь, где старая Джа учит таких же «странненьких» девчонок и мальчишек, как правильно сложить костер в зимнюю стужу, чтобы он горел до утра, а ты не примерз к валежнику насмерть.

На биофак я поступила по гранту, потому что таких долбанутых в голову энтузиастов еще было поискать. Конкурс экологических проектов? Я!

Летняя практика на побережье с вдумчивым изучением помета скального нырка? Я!! Снять документальный фильм про барibalов острова Вайкувер? Я!!!

И фигня-война, что это был конкурс для старшеклассников и вообще взрослых, что маленькую русскую никто не подпустит к живому потапычу на пушечный выстрел.

Мы стырим лодку у спасателей, поплывем с камерой через пролив, утопим весла в прибое, кувыркнем из лодки к хренам медвежачьим всё походное снаряжение в воду, исключая только ту самую камеру...

И три дня весь округ будет иметь головняки по поводу пропавшего ребенка, спасатели и добровольцы будут прочесывать леса и моря, родители поседеют, учителя полысеют... пока не найдут оставленное мною письмо. Ну кто виноват, что форточка была открыта и сквозняком его сдуло в щель между столом и комодом?

М-да... ну десять лет мне было. Зато я сняла, как медведь-пестун ловит лосося в ручье! И несет его медвежонку помладше, а когда тот пытается влезть в воду там, где глубоко, и орет с перепугу, приходит мама-медведица и дает обоим понять, как они не правы. С высокой елки, на которую я, как умная девочка, влезла с перепугу, это очень здорово было видно и офигенно вошло в кадр.

Во-от... я получила первое место на всеканадском конкурсе документальных фильмов о природе, причем соревновалась не с такими же детьми, а со студентами!

Ага, и по заднице получила так, что неделю присаживалась только после вдумчивой примерки. Первый и последний раз папа настолько вышел из себя... ну, без обид. Заслужила.

Эх... память... всё, что мне осталось?

Ну нетушки. Я жива, недобиток тоже вроде помирать передумал, пригрелся у меня на животе. Еще и незапланированное потомство под боком сопит. Предаваться унынию некогда. Лучше... поспать. А потом найти что-нибудь поесть.

Медленно уплывая в крепкий сон, я крутила перед мысленным взором кусочки из своей жизни и лениво размышляла, как прежний опыт применить в нынешнем мохнатом положении. Если бы я была одна... ну, на крайний случай, с медвежонкой — вопросов таких срочных не было бы. Медведь в лесу с голоду не умрет, а умный медведь не умрет вообще ни от чего.

Но у меня тут Гринч на нежной женской груди, покрытой мехом. Надеюсь, поправится. И не

простудится — всё же я его аккуратно купала, верхнюю голую часть мужчины полоскала в воде, а нижнюю, одетую в штаны, старалась не намочить, пристроив на берегу... а теперь вот грею.

Сон смежил веки, и я уплыла в него, тихо покачиваясь, как на лодке.

Пробуждение вышло «веселое» и энергичное. Драгоценный недобиток, судя по всему, выспался и решил-таки прийти в себя. А может, это медвежонка виновата, которая выспалась первая и принялась карабкаться на меня, как отважный альпинист на высокий Эверест.

Вскарабкалась и по недавно усвоенной привычке начала вылизывать мор... в смысле, лицо Гринча. То ли ему уже просто пора было очнуться, то ли влажный и шершавый язык мелкой подействовал наконец, но белобрысый выпендренник открыл глаза.

К чести его надо отметить, что он не заорал. Только захрипел чего-то тихонько. Ну... они так энергично с детенкой вошкались на моем объемном пузе, что я тоже проснулась и именно в этот момент сладко зевнула.

Я понимаю, понимаю, отчего он опять потерял сознание. Раненый, ушибленный, только веки расклеил — на тебе, прямо перед носом алая звериная пасть с вот такенными зубами.

Но всё равно... как-то немного обидно.

Бережно стряхнув вновь бесчувственное тело на сухой глинистый пол, я внимательно обнюхала его голову — ну... сырыми мозгами не пахнет. Рана покрылась коркой, кровь больше не идет. Раз уже один раз вынырнул из обморока — значит, и второй раз придет в себя. Надо его перевернуть на спину и обследовать другие ранения, а то он с меня скатился не слишком удачно — попой вверх, носом в пол, и...

Э... э-э-э-э-э...

Сейчас, когда он лежал в такой позе, я вдруг заметила нечто, чего не видела раньше, пока таскала бесчувственное тело и даже раздевала-купала. Занята была, не обратила внимания.

На гладкой мускулистой спине, прямо между лопаток, красовалась татуировка. Здоровенная медвежья оскаленная морда, прямо как моя — я ее в отражении речном видела. Эта морда, значит, оскалилась, а от нее вниз, вдоль позвоночника, шли какие-то письмена, скрываясь под поясом брюк.

На мгновение мне захотелось оттянуть на Гринче штаны и заглянуть туда... на задницу его. Вдруг там разгадка, что означают эти смутно знакомые закорючки?

А потом меня догнало мыслью и я застыла.

Вчера в кампусе была прощальная вечеринка. Пенная. И я точно видела, что на выплясывавшем в кругу университетских красоток блондине никаких татуировок не было!

Это... это...

Глава 5

Так. Может, между ударом водным мотоциклом по голове и вселением в медведицу прошло гораздо больше времени, чем я думала?

Вряд ли. Время года то же самое, конец мая — начало июня, это я и мишкиной частью чужая, и человеческой головой осознавала. Не мог же целый год пройти!

И потом, странное совпадение — если все же прошел год, то как Гринч с новой татуировкой оказался в том же самом месте, где я возродилась в медведице?

Хотя о чем я думаю... То, что я в этой самой мохнорылой громиле очутилась, меня уже не удивляет, что ли? Все странно. Все очень странно.

Лучше всего привести недобитка в чувство и спросить у него... э... Да, сначала придется научиться разговаривать медвежьей пастью. Вот что за жизнь, а?

Осторожно перевернув Гринча на спину, я еще раз внимательно всмотрелась в его лицо. Ну вот же родинка его над губой, я еще все время вспоминала старый фильм из детства, про мальчишку-гардемарина и «мушку» под названием «роковая тайна». Значит, все же он? Откуда тогда тату? Уф-ф-ф.

Примерилась и тоже лизнула загадочного всего такого, совсем как суetyающаяся рядом мелкая. Только моим языком получилось сразу всю физиономию ему умыть.

Гринч хрюкнул, икнул и открыл глаза.

Я очень хотела сказать ему, чтобы не смел обратно в обморок, но, во-первых, не умела, а во-вторых, не успела. Потому что моя медвежонка радостно подпрыгнула и с воплем «Папа!» ринулась обнимать недобитка за шею... человеческими ручонками.

Вот теперь мне и самой срочно захотелось ненадолго в беспмятство. Полежать, отдохнуть от странностей и прочих... приключений. Но я только грузно осела на хвост и уставилась на обнимающихся людей как баран на новые ворота.

Мама дорогая! Что это было? Я своими глазами видела, как в одно мгновение силуэт моей медвежонки задрожал, поплыл, сделался прозрачным, и изнутри него выпрыгнул человеческий ребенок! Это как? Это... этого не может быть, потому что не может быть никогда?

«Угу, — сказал внутренний голос. — Именно поэтому ты теперь медведица, тебя ничего не напрягает, нет? Или вот тут у тебя бывает, а вот тут — фигу, законы физики включаются?»

Тьфу!

Только раздвоения личности мне теперь не хватало. А ну ша! Уф-ф-ф...

Но вообще-то... вообще-то... если она превратилась... может, и я могу?! Обратно в человека?

Пока я проморгалась от этих мыслей и подобрала челюсть, в пещере произошли изменения. Очнувшийся Гринч тоже успел протереть глаза, закинуть пискнувшего ребенка себе за спину, выкопать откуда-то из плотно утоптанного глинистого пола осколок камня и теперь злобно сверкал на меня глазами, зажав его в кулаке.

Ни фигу себе «спасибо» за все мои старания! Кинется и покусает, псих, на голову стукнутый.

Я от обиды даже отвернулась от него и нос сморщила. А этот дурак только еще больше напрягся и на меня зарычал. Утробным таким рыком, каким злые мужики бешенство изображают, прежде чем наброситься с кулаками.

Блин! Я, конечно, его один раз лапой приложу, и он обратно в беспмятство скovyрнется, берсерк недобитый, но это что выйдет, я зря его полоскала-таскала-лечила-откачивала?!

Напряжение в пещере можно было резать ножом, воздух уплотнился и дрожал как стеклянный.

— Папа, не трогай маму! — пронзительный детский вопль разбил это напряжение в осколки. Мелкая из-за Гринчевой спины выскользнула ловко и стремительно, как хорек из пластикового контейнера с кормом. Мы оба и моргнуть не успели, а шустрая мелкота — лет пять ей на вид было — проскакала несколько шагов до меня и впечаталась мне в пузо всем телом, обняв обеими руками за мех и мокро всхлипнув куда-то в грудь.

Я оторопела, Гринч тоже замер. А ребенка еще раз всхлипнула, упрямо мотнула головой и, не

отпуская меня, обернулась к мужчине:

— Папа! Не трогай маму! Она же твоя жена, ты ее защищать должен! Ты сам так учил!

Вот тут меня накрыло окончательно. Да бли-и-ин! Мало того, что я медведь. Мало того, что Гринч не тот. Мало того, что у меня, оказывается, есть дочь — то ли мишка, то ли человек. Так я еще и замужем за этим идиотом!!!

— Голди? — хриплым шепотом переспросил Гринч, грузно осел на глинистый пол, выронил свой каменный огрызок и закрыл лицо руками.

А я недовольно взрыкнула, потому что опять, черт возьми, ничего не поняла. Если это не мой Гринч, то откуда он знает, как меня зовут?!

А, ну да, мы же женаты. Типа. Но бли-и-ин! Меня вообще-то зовут Злата, Голди — это прозвище, из-за цвета волос и еще из-за того, что одноклассники язык сломали, коверкая мое родное имя.

Так меня называли в школе и потом в колледже, но!

Только чужие. То есть одноклассники, однокурсники, коллеги — те, с кем я всего лишь приятельствовала или была поверхностно знакома. А все, кто по-настоящему был мне близок, прекрасно научились произносить мое русское имя!

И как я умудрилась родить дочь от татуированного придурка, который зовет жену школьной кличкой даже в самой стрессовой ситуации?

— Голди, но... Золотинка... как же... — продолжал бормотать Гринч.

Меня это почему-то вывело из себя, и я открыла пасть, чтобы сердито рявкнуть на него. Но в последний момент сдержалась, потому что прильнувший ко мне ребенок дернулся и всхлипнул, словно почувствовав мою злость.

Нет, так не пойдет. Как бы я ни хотела пристукнуть одного белобрысого придурка, как бы ни обижалась на судьбу

— маленькая девочка не виновата в моих проблемах. Ее нельзя пугать и отталкивать.

Поэтому я только мягко отстранила ребенка лапой, ласково дунула ей в лицо и лизнула в мокрую щеку, а потом встала и выбралась из пещеры на вольный воздух.

Мне не хотелось оставаться рядом с этим непонятным и странным Гринчем, он меня и раньше-то раздражал до чертиков, а теперь и вовсе смотреть на него стало противно. Нужно было отдышаться, проветрить голову и спокойно подумать.

— Голди! Золотинка! — несло мне вслед, но я только прибавила шагу, быстро растворяясь в сумерках, сгустившихся между ровных сосновых стволов. Далеко я уходить не собиралась. Пока не собиралась... но всего случившегося со мной сегодня было слишком много для меня. Если я сейчас начну действовать наобум, в запале и на эмоциях, — наделаю непоправимых глупостей.

Вот еще бы кто объяснил этому упертому недобитку, что бежать за мной следом с воплями не надо! Р-р-р-р!

Глава 6

Если бы не малышка, мысли о которой все время крутились где-то на заднем плане, я бы, скорее всего, просто ушла в лес с концами. И кто знает, возможно, в своем смятении, от неизвестности и непонятности происходящего, позволила бы медвежьей части взять верх над человеческой.

Да, это могло случиться — я стала бы просто зверем, молодой медведицей без малейшего проблеска прежней памяти человека. И просто прожила бы обычную медвежью жизнь.

Но тревога за малышку, которую теперь не защищает даже толстая и довольно надежная медвежья шкурка, не давала полностью погрузиться в мир звуков и запахов, доступных зверю. Даже то, что рядом с ребенком остался Гринч, не утешало, вовсе даже наоборот. Этот недобиток не внушал никакого доверия в деле заботы о потомстве. О нем о самом бы кто позаботился.

Если бы не они... мне бы, наверное, было даже интереснее побыть медведицей, чем человеком. Не зря же я все детство ими бредила. Не зря рвалась на остров с самой большой изолированной популяцией барибалов на западном побережье.

А кстати... Я резко остановилась, села на хвост и стала разглядывать собственное пузо. Потом хлопнула себя лапой по лбу — у мелкой-то белый треугольник на груди точно был. Значит, я барибал. И я точно на острове.

Что из этого следует?

Ну-у-у... теоретически, учитывая, что сейчас начало лета... меня ждет райская жизнь в процессе наедания толстой попы для комфортной зимовки. И, возможно, свидание с каким-нибудь brutальным гигантом-медведем, от которого я забеременею новым медвежонком, раз прежний все равно оказался человечкой.

Э-э-э... м-да.

Чего-то я увлеклась. Размножаться в мои ближайшие планы точно не входит. И вообще, чем дальше я ухожу от пещеры, тем беспокойнее мне становится: эти два человека — один маленький, другой раненый, — как они там без меня? А вдруг их найдет тот самый brutальный самец, о котором я только что подумала? А вдруг не такой brutальный, но тоже злой и голодный? Или волки? Или...

А-а-а-а-а!

Вот как тут подумаешь в тишине, наслаждаясь медвежьей неприхотливостью? Надо разворачиваться и топтать обратно. Криков Гринча давно не слышно, есть надежда, что ему хватило мозгов не убежать далеко от пещеры и от ребенка. Значит, можно незаметно подобраться, устроиться поблизости и одновременно осуществить две вещи: спокойно думать и охранять эти два недоразумения.

Кстати, почему Гринч так легко поверил дочери? Ну, в смысле, вот вы очнулись после крепкого удара по голове, и тут ваш ребенок, перепуганный, полуголый и грязный, как чертенок, кидается к сидящей с вами в одной пещере горе меха и заявляет: «Папа, это мама, как ты мог ее не узнать?»

Почему он сразу поверил? Он ведь не видел, как мелкая была медвежонком, — она перекинулась ровно в ту секунду, когда он глаза открыл, но взгляд еще не сфокусировал, и девчонка на него налетела уже человеческая.

Все эти мысли крутились в голове как бы фоном, потому что путешествие сквозь живой лес было само по себе захватывающим, волшебным, и... мне почему-то казалось, что так уже когда-то было. Было, было! Еще до того, как я ослепла и оглохла, потеряв нюх и урезав все органы чувств до человеческих. Что это? Медвежья память? Или моя?

А, потом разберусь. Сейчас можно просто идти сквозь объемный и такой понятный мир и тихо радоваться... Угу, вот ровно до пещерки радоваться.

Я обошла это место по кругу, неслышно ступая по мягкому лесному ковру, и прилегла на холме, над самым входом. Положила морду на лапы и прикрыла глаза. Что там, внутри? Нос говорит, что оба недоразумения на месте, живы, шевелятся и общаются. Вот и хорошо, послушаем, может, чего нового о себе узнаем?

— Кристи, подожди, не скачи... Черт, голова раскалывается, — голос Гринча звучал немного невнятно и очень устало. Я на секунду переполнилась сочувствием — по башке ему прилетело знатно, наверняка сотрясение мозга хватанул. Ему лежать надо, а не за медведями по лесу гоняться.

— Кристи... ну не плачь, детка. Слава богу, этот зверь нас не разорвал, просто ушел.

— Папа! Это...

— Маленький... ну не плачь. Я понимаю, ты испугалась и от испуга... я и сам не до конца понимал, что делаю, когда невольно подыграл. У меня в голове все помутилось, я даже на секунду поверил, что Голди... ох, — он болезненно застонал, заглушая тихие всхлипывания малышки.

Я села и почесала затылок. Та-ак. То есть он малость опомнился и решил, что ему все почудилось?

— Папа, но бабушка Бера же говорила!

— Крис, бабуля просто рассказывала сказки. Ты уже большая девочка, должна понимать: люди не умеют превращаться в зверей, а пращур — это такая легенда из давних веков. Красивая, но только легенда. Наша мама... — тут я услышала, как Гринч мучительно переглотнул, потом откашлялся — у него словно голос пропал от сдерживаемого горя. — Наша мама... она уже не здесь, и...

— Папа же! Ты не понимаешь! Я ведь тоже... я была!

— Ты умничка, ты убежала и спряталась, ты маленькая, и поэтому зверь на тебя не напал, — Гринч говорил таким тоном, словно старался убедить не только дочь, но и себя самого. — Завтра, когда рассветет... мы пойдем и найдем ма... — тут он запнулся, и я поняла, что хотел сказать и не сказал мужчина.

«Мамино тело».

То есть Гринч был уверен, что я... то есть его жена, умерла. Он видел этот момент? Или что? Или...

— Найдем помощь, — твердо поправился «муж». — И все будет хорошо. Мы вернемся в Славскую империю, к дедушке и бабушке.

— Да папа же! Послушай меня!

Э, нет, детка. Не услышит он тебя. Во-первых, если мужчина что-то вбил себе в голову, лося лысого ты его переубедишь. А во-вторых, этому еще и натурально голову проббили, она у него наверняка зверски болит, и общее самочувствие паршивое. Соображает он с трудом, а потому цепляется за «логичное и рациональное» с особенной силой.

Я сама бы так поступила, будь я на него месте. А на своем месте я...

Твою мать! Дура я на своем месте, если до меня только теперь дошло, что двое в пещере разговаривали по-русски! На чистом, чистейшем русском языке, которого настоящий Гринч никогда не знал и не смог бы до такой степени выучить при всем желании за то время, что прошло с несчастного случая.

И что это еще за Славская империя?!

Глава 7

У меня голова кругом пошла. Это не мой мир! Это не мой Гринч и... не мой ребенок? Но она пахла мной! Именно моим, я откуда-то до глубины души уверена, что именно такой запах должен быть у моих родных детей.

Лысые лоси... как все запуталось.

Я прикрыла глаза, чутко шевеля ушами: мало ли еще чего интересного скажут там, в пещере. Но на самом деле больше всего хотела, чтобы они уже утомонились со своими ненормальными новостями и поспали, что ли. Иначе у меня мозг лопнет.

Словно уловив мое горячее желание, двое людей там, под слоем земли и переплетенных древесных корней, еще какое-то время возились и дышали, а потом я поняла, что слышу, как первым отрубился Гринч, а у него на груди прикорнула ребенка. Я так ясно это увидела мысленным взором, что на секунду даже испугалась, помотала головой и открыла глаза.

Несколько секунд глядела в темноту между соснами и елками, потом вздохнула и снова положила морду на лапы.

Ночь мягкой поступью пришла на остров, разбудив тех, кто отсыпался днем, и всё вокруг наполнилось их суетливой жизнью. Я лежала, слушала, старалась ни о чем не думать и только краем сознания удовлетворенно констатировала, что моего запаха и дыхания достаточно, чтобы ко мне и моим людям, там, в пещерке, никто не сунулся.

Поесть бы... от всех треволнений у меня разыгрался зверский аппетит. Но я боялась уйти на поиски добычи теперь, когда недобитый Гринч спит, а ребенку больше не защищает густая медвежья шерсть. Потерплю. Лучше отдохнуть и завтра, свежими мозгами и с новыми силами, обдумать, во что же я вляпалась.

Сама не заметила, как задремала.

И вот тут началось... Что это было? Сон? Или чья-то еще память, не медвежья и не моя? Или все же моя? Но...

— Не беспокойся, я тебе все покажу, — сказал вдруг кто-то совсем рядом. Я резко обернулась и уставилась на свое собственное отражение. Во всяком случае, мне именно так показалось — будто в утреннем лесу между двумя соснами кто-то поставил зеркало без рамы и я в нем отразилась.

Только через пару секунд до меня дошло, что в отражении я, да не совсем. Такого платья на шнуровке, с орнаментом одного из местных племен, у меня никогда не было. Да и племя это, если верить историкам, вымерло еще в позапрошлом веке...

А еще у отражения были другие глаза — печальные, усталые и словно погасшие. А медно-золотые кудряшки, с которыми я вечно не могла сладить, были сбиты набок, чуть ли не в колтун, и перепачканы... кровью, что ли?! Мама!

Я машинально схватилась за собственную голову, а потом осмотрела себя: нет, всё в порядке — джинсы, рубашка, прическа. Это не отражение! Это просто другая... я.

— Не бойся, — серьезно и печально кивнула мне незнакомка с моим лицом. — Я просто хочу рассказать тебе, что происходит и как все случилось. Будешь слушать и смотреть?

Я судорожно вздохнула и решилась:

— Да. Буду.

— Тогда дай мне руку. Вот так. Смотри!

Утреннее небо в резной рамке причудливо изогнутых веток завертелось и исчезло, а я, как в теплую воду, погрузилась в чужие воспоминания.

— Я сам устрою свою и твою жизнь, Золотинка, у родителей и так много хлопот... Ничего не бойся, я купил хороший участок, это на острове. У нас достаточно денег, чтобы купить оборудование и материалы для строительства дома, все устроится!

Совсем молоденькая девчонка с чуть раскосыми глазами и огненно-рыжими локонами, смуглая и улыбчивая, смотрит на своего мужа светящимися от счастья и доверия глазами. Сирота-полукровка, которую когда-то зимой подобрали в лесу индейцы, неожиданно получила самый главный приз в

жизни — она любит и любима, ее мужчина, пришедший из-за моря, сильный, умный и уверенный в себе. А что волосы у него почти белые и глаза голубые... непривычно и, на ее взгляд, не слишком красиво — ну так и она не первая красotka в племени, со своими ненормально-рыжими непослушными кудряшками и слишком светлой кожей. Настоящая скво должна иметь тяжелые черные косы, яркие, блестящие черные глаза и крепкое тело, пригодное и к охоте, и к длинным переходам, и к рождению детей. Тощие рыжие пигалицы парням не нравятся...

— Опять глупости думаешь, Золотинка? Про то, что таких, как ты, мужчины не любят? — засмеялся муж, подхватил девчонку на руки и закружил под аккомпанемент собственного хохота и ее счастливого визга.

Сильный... добрый... любимый.

— Мы построим дом на вершине холма, и от нашего крыльца между соснами будет видно море. — Айвен поставил жену на землю и ласково погладил ее чуть округлившийся животик. — Наш малыш будет играть под окнами под крики чаек...

Не все вышло так, как рассчитывал и обещал белый муж. Но все равно хорошо. Айвен приехал на западное побережье работать в фактории по контракту, и ему неплохо платили в местной закупочной компании. Золотинка, или Голди на местном, бриттском (так здесь называли английский), наречии, быстро привыкла к новому имени. И считала, что ей грех жаловаться. Даже когда через пять лет брака Айвену вдруг захотелось освободиться от скучной участи клерка и попробовать свои силы в деле золотоискательства, она только во всем поддерживала мужа — а как иначе?

Айвен горел предвкушением, он купил один из участков на золотоносном острове, и «знающие люди» заверили его, что счастье непременно улыбнется, надо только упорно трудиться и быть внимательным.

Муж теперь подолгу отсутствовал, работая на своем участке на далеком острове за проливом, но и ее не забывал. Пристроил в поселке при фактории, оплачивал жилье, а потом и маленький домик, где они с Кристиной неплохо жили и ждали папу. Любил, баловал незатейливыми гостинцами, обещал, что скоро, вот-вот уже, все наладится и они снова будут жить вместе...

Однажды на большом корабле в затерянную на севере факторию приплыло еще двое белых людей — мужчина и женщина. Золотинка как раз купала Кристину, когда в дверь маленького домика на краю поселка постучали.

— Здесь живет Иван Агренов? — по-бриттски спросила красивая статная блондинка в годах, когда Золотинка, торопливо вытерев дочь и завернув ее в добытое мужем меховое одеяло, открыла дверь.

Она как-то сразу поняла, кто эта женщина. Наверное, потому, что Айвен был похож сразу и на нее, и на высокого и такого же светловолосого мужчину, улыбнувшегося знакомой улыбкой из-за плеча своей жены.

Родители мужа.

Робость робостью, неожиданность неожиданностью, но Золотинка всегда считала себя очень хорошо воспитанной скво. Ерунда, что разные белые сороки в фактории смеялись над ней и называли ее манеры дикарскими, сама она твердо знала: так, как ее научили в племени, и есть правильно.

— Здравствуй, мама моего мужа, — Золотинка улыбнулась женщине, старательно произнося эти слова на родном языке Айвена — она вообще быстро схватывала такие вещи, знала наречия всех племен в округе, и славское не стало исключением. — Добро пожаловать в мой дом, отец моего мужа. Проходите!

Мужчина и женщина переглянулись, и девушке показалось, что в их глазах вместе с удивлением мелькнуло еще что-то — словно они не ожидали, что это удивление будет... приятным.

Они вошли, огляделись и явно хотели еще что-то спросить, но тут Кристине надоело лежать молча, и она громко запищала, пытаясь выкарабкаться из мехового кокона.

Глава 8

Поток исторически-познавательных картинок вдруг был прерван каким-то звуком извне, я дернула ушами и в следующую минуту вскочила на лапы, развернувшись в сторону угрозы. Низкий утробный рык сам вырвался из горла. Ответный рев заставил затрепетать листья на деревьях и осыпаться подсохшие иголки с ближайшей ели. Медведь! Чужой! Самец! Ах ты...

Я чуть присела в напряженном ожидании, но тут у меня под ногами, там, в глинистой пещерке, завозились, и вдруг испуганно вскрикнул ребенок. И у меня мгновенно прошел не только страх, но и вообще всё на свете. В том числе и мозги.

Злобно зарывчав, я сама бросилась туда, где в предутренних сумерках ломал тонкие стволы подлеска огромный черный самец. Он был угрозой для моего потомства, и могучий древний зов выключил к чертям собачьим не только человеческий интеллект, но и инстинкт самосохранения.

Яростно вопя что-то по-медвежьему матерное, я со всей дури врезала незваному пришельцу когтистой лапой по морде и ощерилась, стараясь достать зубами до горла. Дурацкий самец был крупнее меня, причем значительно, но мне было все равно. Мой детеныш! Не дам! Пошел вон, скотина косолапая!

Возмущенный таким поворотом дела, мишка попытался отмахнуться, но тут мои материнские инстинкты, наконец, договорились с человеческими мозгами, и результат этой кооперации получился внушительный: мелкая баба (относительно) раз за разом применяла против крупного мужика (реально, зараза, здоровенный был медведюга) запрещенный прием — колошматила его лапами не куда придется, где когти, даже медвежьими, все равно увязнут в густой шубе, а прицельно била по нежному и незащищенному носу. Раскровянив последний в момент.

Незванный брутальный пришелец сначала пытался увернуться и огрызнуться, пару раз очень чувствительно заехав мне по уху и по морде, а также цапнув желтыми кривыми клычищами за бока и холку. Он все норовил мимо меня протолкнуться к спуску в пещерку, где явно чуял то ли добычу, то ли конкурента-детеныша, которого надо прибить, чтобы симпатичная медвежья самка опять стала фертильна и свободна для оплодотворения его бесценными генами. Но в итоге решил, что эта дура психическая слишком нечестно дерется, медведиц в лесу, в конце концов, много, а нос у него один.

От души рывкнув что-то напоследок, толстяк развернулся ко мне бронированной кормой и обиженно скрылся в кустах. Вали-вали, орясина шерстистая! А то вообще нос откушу! Ишь, оплодотворитель нашелся! Моего медвежонка... шиш тебе!

Стало тихо-тихо. Ну, в смысле, после того, как треск веток за незванным гостем затих. Я села на хвост и помотала головой. И тут звуки вернулись — словно теплую шапку с туго завязанными ушами сняли.

Сразу всем организмом ощутилась целая куча вещей. Как за резной кромкой леса на востоке солнце первыми лучами-разведчиками робко щупает небо над материком. Как саднят раны от клыков и когтей пришедшего медведя. Как в ближайших зарослях испуганная птичка-невеличка встряхивается всем оперением и тихонько попискивает.

И как там, внизу, у пещерки, шепотом ругается Гринч-который-не-Гринч. О, зашипел. Чего это он? Ой! Я ушами тряхнуть не успела, как по утоптанной звериной тропинке простучали босые пятки и мне на грудь бросилось что-то маленькое, голое и растрепанное.

— Мама-а-а-а-а!

— Кристина! Крис! — Гринч там, внизу, явно был в ужасе. — Крис, вернись сейчас же! Отойди от зверя!

— Папа, ты дурак?! — уже со злыми слезами мелкая оторвала лицо от шерсти на моей груди и обернулась к торопливо ползущему по тропе мужчине. — Это не зверь! Это мама! Она прогнала другого медведя, а он ее поранил!

— Ыр-р-р! — сказала я несколько озадаченно, склонив голову к плечу. Ссадины и раны, кстати, уже почти перестали кровоточить и скорее чесались, чем болели. Это, наверное, хорошо, хотя потом обязательно надо зализать, где достану, чтобы не загнило. Но жамкающий меня ребенок смущал и порождал в душе странные чувства — мощный такой спектр от желания свалить подальше, ибо чего это? Чье это? Зачем это? А вдруг нечаянно лапой наступлю, оно слишком маленькое и хрупкое... До бешеной ярости при мысли, что ребенка может кто-то обидеть.

А доползший до верха тропинки Гринч... ну что Гринч? Замер. Вытаращился. Не верит, но пока малышка так близко от меня — боится даже вздохнуть.

— Крис-с-стина... — буквально одними губами и дыханием. — Детка, иди с-с-с-сюда...

Не, если бы меня таким голосом и тоном подзывали, я бы тоже не пошла. Вот и дите упрямо мотнуло растрепавшимися льняными косичками и втиснулось в меня еще плотнее.

— Уруру... — я вроде как вздохнула. Вышло задумчиво и обреченно. Очень неловко — потому что все еще боялась не рассчитать силу медвежьих конечностей — я одной лапой обняла девочку за плечи, а другой попыталась погладить по голове. И только тут поняла, что ребенок дрожит не столько от слез и страха, сколько потому, что замерз! И этот придурок, пока сидел в пещере, даже не догадался на ребенка свою рубашку с откушенными пуговицами надеть, дундук недобитый, а еще папаша! Самого нельзя в лес без няньки отпускать, судя по всему, и жену потерял, и ребенка омедведил, пуль каких-то посторонних нахватался как блох, башкой приложился... не муж, а недоразумение одно. Я отказываюсь дальше жениться на таких условиях!

— А-х-х-р-р-р-р! — Я глянула исподлобья на отпрянувшего Гринча и, если бы могла, заржала бы ему в лицо, обнаружив, что он «незаметно» для меня уже вооружился каким-то сукон и явно приготовился идти войной на дикого зверя. Ну как он себе это представляет, а? Или просто реально еще головой нездоров, от слова

«совсем»? Ну, сотрясение там точно есть. Вон, шипит, змей блондинистый.

— Кристина, медленно... медленно подойди ко мне.

Крис замотала головой и снова прижалась к моему меховому пузу. Упертый у нас вышел отпрыск, надо сказать. Если решила, что мама — медведь, так теперь клещами от теплой шкуры не отдерешь.

— Крис-с-стина... маленькая, — а все же сообразил, что пугать ребенка не надо, старается говорить медленно, тихо, спокойно. Меня, то есть дикую зверюгу, тоже не пугает. Резких движений не делает. А сук для драки приготовил. В пасть мне надеется вставить как распорку, что ли?

— Крис, иди ко мне, детка. Иди, а потом мы разберемся с... мамой.

— Да не подойдет она, не видишь, что ли, дурак слепой, замерз ребенок, а так хоть согреется! — не выдержала и рывкнула я, а потом... раскрыла пасть и уставилась на Гринча... то есть на этого Агренева Ивана, такими же перепуганно-охреневшими круглыми глазами, как он на меня.

Потому что выдала я это ему на чистейшем русском языке, с искренней экспрессией и правильной модуляцией, но совершенно без помощи медвежьего языка и медвежьей глотки.

А чем тогда я это сказала?!

Глава 9

— Что?! — тупо переспросил Гринч и... медленно осел. В обморок. Честное слово, если бы я не знала, что мужик просто серьезно ранен и по голове ударен, решила бы, что внутри него прячется трепетная институтка. Подумаешь, медведь разговаривает человеческим голосом, чего сознание-то терять?

Но ему простительно, ладно. Недобиток, что с него взять. Жаль вот, что моя мгновенная горячая надежда на превращение обратно в человека растаяла так же быстро, как появилась. Потому что вот они, мохнатые лапы, вот оно, шерстяное пузо. Никуда не делись. И мелкая все так же греется о мою шерсть.

А может, и хорошо, что не превратилась. Судя по Кристине, я тоже рисковала бы оказаться в незнакомом лесу голышом и с полудохлым мужем в придачу.

Медведем я все же хоть не замерзну, о ветки не поранюсь и все такое прочее. Еду, опять же... проще добывать. И посторонних медведей гонять, кстати!

Ох, грехи наши тяжкие... вот так и вспомнишь бабушкину присказку. Ну и что мне теперь делать? Ребенок голый, голодный и замерзший, еще немного — и, как пить дать, заболеет. Муж объелся груш. В смысле тоже валяется на холодной земле дохлой тушкой мертвого тела и в дело утепления потомства употреблен быть не может. Дела...

— Залезай на меня верхом, — велела я девчонке, все еще немного сомневаясь, что это не я с ума сошла и у себя в голове сама с собой разговариваю. Но нет, дите понятно пискнуло и стало проворно карабкаться по моему боку, цепляясь за шерсть пальцами рук и ног. Умная обезьянка, проворная. И послушная.

— Ложись всем телом, заройся в мех и грейся.

— А папа?

— А папу тоже не оставим на холодной земле лежать, — вздохнула я. Ну чего, транспортировка недобитого Гринча... то есть Айвена, дело, можно сказать, привычное. Зубами за ремень на брюках — и понесла, как собака кутят носит. Даже удобно, что он без сознания — тихо висит, не брыкается.

В пещере было немножечко теплее, но все равно если устраивать тут более-менее постоянную берлогу, то для ребенка уровень комфорта надо повышать. Зря я, кстати, на Гри... Айвена наезжала по поводу того, что он на мелкую даже свою рубашку не надел. Он и не мог, потому что кое-какая косолапая и очень самоуверенная склеротичка забыла ее на берегу реки.

Сгрузив мужчину в уголок, я кое-как устроила его на спине, Кристине велела лечь сверху ему на грудь, чтобы грели друг друга, а сама со всех четырех лап кинулась добывать комфорт своему новому семейству. А куда деваться, если они уже есть и уже здесь?

Выбравшись из логова, я на секунду остановилась, соображая, куда двинуться первым делом. Так... уже утро, но все равно, далеко отходить от пещеры не стоит. Этих двоих оставлять без присмотра чревато — мало ли, давешний носитель медвежьих генов вернется, или муж придет в себя и решит, что от опасной медведицы надо убежать подальше. Затащит ребенка не пойми куда, еще уронит или потеряет, да и сам убьется — в таком состоянии люди вообще плохо соображают.

Я, конечно, их потом по запаху найду, но как бы поздно не было... Так. Значит, поход на отмель за рубашкой пока откладывается. К тому же выпала роса и ткань наверняка ею пропиталась; прежде чем надевать на ребенка, эту одежду придется высушить.

Значит, утепляемся природными компонентами. Хорошо все же быть медведем — хоть целую елку на лапник обдерешь и не вспотеешь!

Конечно, всю ель я заламывать не стала — эколог я или где? Аккуратно, мысленно прося у дерева прощения, поотгрызала тут и там молодые ветки с более мягкой хвоей, аккуратно сложила кучкой и только потом в охапке понесла ко входу в пещеру.

Внутри эту охапку пришлось пропихивать носом, потому что в полный рост с прижатыми к груди ветками я б туда просто не вошла. Так что изнутри, наверное, это выглядело совсем шизофренично: все шуршит, пыхтит и лезет в пещеру невнятной темной колючей массой.

Неудивительно, что ребенок испуганно взвизгнул, а мне в лоб прилетело тем самым осколком камня. Тьфу! Очнулся, недобиток...

— Щас как дам! Прекрати швыряться, псих долбанутый, — раздраженно рявкнула я, протискиваясь в логово. У-у-у, хорошо еще, что медвежий череп такой крепкий. Откуда только силы взялись у

этого задохлика, приложил так, что у меня аж между ушами звон пошел и глаза к носу чуть не съехались.

— Папа, я тебе говорила, говорила! — Детенок сделал попытку выскочить из-за недобитковой спины и опять ухватить мою мохнатую тушку всеми четырьмя конечностями, но не тут-то было. Айвен оказался проворнее, в момент поймал прыгучего ребенка поперек туловища и запихал обратно себе за спину, еще и шикнул строго. А потом обернулся ко мне и...

— Только не обратно в обморок! — торопливо попросила я. — Ну хватит уже. Что, говорящих медведей никогда не видел?

— Золотинка? — Мужчина растерянно потер лицо руками и осел на пол. Но не без сознания, слава богу, а просто обессиленно прислонился к глинистой стене и на секунду закрыл глаза. — Это... это правда ты?..

Вот ведь вопрос. Теоретически я вовсе не его жена. А практически... из тех картинок-сновидений я почерпнула не только чужие воспоминания, но еще кое-что вроде смутных ощущений. Такую память своеобразную, но не мысленную и даже не телесную, а, скорее, эмоциональную.

Именно благодаря этой памяти чувств я воспринимала Кристину как своего ребенка. Ну и запах еще, он был таким родным, что сомнений не оставалось. То есть в этой части я действительно ребенкина мама и, получается, Айвенова жена.

А вот в отношении него все было сложнее. Вроде бы та самая память чувств тоже где-то маячила на краю сознания, но так уж вышло, что образ тупоголового Гринча напрочь ее забил в те самые первые мгновения нашей встречи. И теперь именно мое отношение к бывшему однокласснику играло первую скрипку в моей душе.

То есть я воспринимала мужа как непроходимого придурка, всю школу не дававшего мне спокойно жить, трепавшего мне нервы в колледже, потом в университете и, наконец, даже в аспирантуре. Ну и как вишенка на торте — я его прямо сильно не любила за идиотский трюк с мотоциклом. Слишком дорого мне он обошелся...

Понятно, Гринч вовсе не хотел меня убивать, понятно, что это был несчастный случай. И Айвен, сидящий передо мной на глинистом полу, — вообще не Гринч. Но хоть тресни, а отношение к нему в голове уже сложилось. И чтобы переломить его, мне надо делать усилие над собой.

Так что же мне ответить на его вопрос? Вон он как замер, не дышит почти, глаза горят лихорадочным огнем то ли надежды, то ли отчаяния, то ли безумия. Что мне ему сказать? Что его жена неизвестно где и, скорее всего, действительно умерла, а я только непонятная пришельца из другого мира и другого времени, странным образом оказавшаяся в теле медведицы?

Да у него окончателно крыша поедет. Я сама стараюсь сильно на эту тему не задумываться, чтобы не сойти с ума. А у мужика и без того голова продырявлена.

Значит...

Глава 10

— Можно сказать и так. — Я протиснулась в пещеру и ворчливо перевела тему: — Подвинься, сделаю подстилку для ребенка. А потом тебя осмотрю, надо проверить, как раны заживают. Хотя прыгаешь ты шустро, значит, все более-менее в порядке.

— Золотин...ка... — Кажется, ему опять плохо. Дохлый какой-то мужик, а еще золотодобытчик. Ну ладно, ладно. Это я вредничаю и придираюсь. А кто бы на моем месте вел себя как пушистый зайчик?

— Давай сначала сделаем так, чтобы у нас ребенок не умер от переохлаждения, а потом будем между собой разбираться, — предложила я компромисс.

Мой муженек тем временем немного пришел в себя и начал коситься на меня с подозрением. Но не с тем подозрением, с которым смотрят на дикого зверя — что ему в башку стрельнет, непонятно, но вдруг кинется. А с другим таким. Более человеческим. И я даже поняла, что его насторожило. Золотинка-Голди, сирота-полукровка из индейского поселения, была способной девочкой и старательно учила не только английский, который здесь называли бриттским, но и славский-русский. Вот только говорила она на нем все еще не так уверенно и с акцентом. А я на эмоциях шпарила с подвывертом, да еще и с такими интонациями, с какими Голди, наверное, никогда с мужем не разговаривала.

— Если ты не заметил, рот я для разговора не открываю. И слова произношу не языком. Я медведь, вообще-то. Поэтому обращаюсь напрямую к твоему разуму и душе, — постараюсь сразу развеять его подозрения, хотя сама ни фиги не понимаю. Но тут главное — напустить туману и вещать уверенно. — У души акцента не бывает, потому ты так хорошо понимаешь, что я говорю.

— Золотинка... но как?! Что произошло?! — Кажется, «объелсягруш» немного расслабился. Не то чтобы поверил до конца, но признал, что все так странно, что даже подозревать сейчас не время.

— Не помню, — быстренько отмазалась я. И даже почти не соврала. Этих воспоминаний Голди мне не успела показать, но были у меня смутные надежды на следующий сеанс сновидений. Поэтому я постаралась успокоить и себя, и Айвена: — Но постепенно память восстанавливается. Вот твою маму я уже вспомнила, и как они с отцом приезжали... может, и другие кусочки картинки вернутся со временем.

Айвен кивнул, но скорее не мне, а своим мыслям.

— Так, все вопросы потом! — Ух, прямо Златка-командир, а не медведица. Но так надо, потому что Айвен может сомневаться, и подозревать, и сходить с ума до бесконечности, а у меня тут ребенок замерзает. — Раз ты в сознании, значит, сумеешь подстилку из лапника соорудить и залезть туда с Крис. Обними ее, и пусть сидит у тебя на коленях, я вас ветками сверху закидаю. Будет теплее и меньше запаха, на который может прийти хищник. А мне нужно на реку за твоей рубашкой, потом найти что-то из еды, потом... потом видно будет.

— Ох... Золотинка, — улыбнулся вдруг бледными губами Айвен. — Даже в медвежьей шкуре все такая же суетоха и хозяйюшка... я... прости, родная...

— Не-не-не! — забеспокоилась я, видя, как ярче проступают на его бледном осунувшемся лице синяки под глазами. — В смысле, я прошу, как только вспомню за что. А сейчас не смей тут умирать и впадать в меланхолию, у нас ребенок! Голодный и холодный. Живо полезайте в гнездо из веток, я вас укрою.

Уф-уф... Мне кажется, Айвен меня послушал только потому, что ему на самом деле плохо еще после ранения. Вот ведь зараза, еще осмотреть его надо и облизать по необходимости, а позволит ли он так с собой обращаться, будучи в сознании? Ладно, будем решать вопросы по мере поступления. Сейчас топ-топ к реке за рубашкой, заодно по дороге попытаемся поймать что-нибудь съедобное.

Вообще, избыточного пропитания в дикой природе севера не предусмотрено. Но умеючи с голоду помереть сложно, особенно медведю. А здесь, на острове...

Первозданный лес острова Вайкувер — настоящее чудо сам по себе. Елки, сосны, всякое лиственное — это ерунда. Главное — исполинские кедры! Они росли здесь непрерывно десять тысяч лет, с ледникового периода. Местные индейцы из резервации рассказывали, что средний возраст дерева в этом лесу — пятьсот лет. Это настоящие влажные джунгли, которые так редко встречаются на земле; здесь все растет бесконечным нагромождением слоев, в темноте мхи тянутся по стволам на стометровые высоты, с веток капает, даже когда не идет дождь, а между камней текут прозрачные ручьи. Красота!

И изобилие. Очень жаль, что человеческий ребенок и его папа вряд ли будут есть гигантских

слизняков, например. Их здесь видимо-невидимо! Я, пока вдоль ручья топала к реке и потом уже вдоль нее к отмели, с большим удовольствием подкрепилась — медвежья сущность находила этих существ весьма аппетитными. И это хорошо, потому что я вдруг задумалась над тем, что моему звериному телу нужно гораздо больше калорий, чтобы не потерять силы. Как тогда выкроить достаточно еды для двух людей?

А вот если я буду спокойно лопать протеины, от которых моих человеческих новых родственников в лучшем случае стошнит, — вопрос не то чтобы решен, но сильно упрощен.

О, вот и рубашка... как я и думала — мокрая от росы насквозь. И вкусный слизняк размером с ладонь взрослого человека приполз зачем-то на рукав. Оппа... маловато будет. Но сейчас важнее накормить ребенка.

Так, сырым мясом лесных зверей дите кормить все же не рекомендуется. Ибо гельминты и все такое прочее. Лучше подождать, пока появится возможность развести костер. Может, Айвен что-то придумает, не знаю. Вроде я у него спичек или огнива не заметила, но все может быть. А пока самая безопасная еда — это рыба.

Да, тоже сырая. Да, и у нее бывают паразиты. Но тут важно уметь выбирать более здоровую на вид и тщательно очистить тушку от внутренностей. Эх, медведь, конечно, умеет ловить рыбу, но дело это не быстрое, и в целом лучше всего получается только в конце лета, когда на нерест идет лосось. А сейчас...

Стоп.

То-то мне все казалось странным что-то в лесу. Кое-какие цветы, каких не бывает в начале июня, опять же ночью был такой звездопад... С чего я взяла, что раз мотоциклом меня ударило в первых числах лета, то и здесь я оказалась ровно по календарю в тот же день?!

Меня ввела в заблуждение знакомая зелень, а еще поначалу я в принципе думала, что осталась в своем мире на том же острове, просто стала медведицей. Но мир — другой. И время, судя по воспоминаниям Голди, — в лучшем случае середина девятнадцатого века. Так что мешает расцвести вокруг августу? Тем более что вон же, вон! И вон! Этот серебристый плеск на мелководье я ни с чем не перепутаю — идет лосось!

Живе-е-е-ем! Даже не придется пугать ребенка и мужчину слизнями. Красная рыба — что может быть здоровее, питательнее и вкуснее? Ну, медвежья натура, как тут у тебя с инстинктами? О, порядок! Слюни потекли, лапы сами вспенили воду на отмели. Вперед, рыбалка наше всё!

Глава 11

Так-так-так... Оппа! Есть! Оп-оп-оп! Ай, блин! Эдак даже мою медвежью тушу с ног собьет! Уф-ф-ф-ф...

Это оказалось крайне увлекательное занятие — ловить рыбу, руководствуясь одновременно человеческим разумом и медвежьими инстинктами. Самка, в тело которой я попала, была еще довольно молода, а потому проворна, увертлива и сильна, но при этом нам с ней явно не хватало практического опыта.

Хотя, конечно, во время нереста лосось — добыча не слишком шустрая. Тем более здесь, довольно высоко по течению одной из рек острова, да еще выше отчетливо шумевшего где-то там, за поворотом, водопада.

Когда я схватила первую рыбку прямо зубами за жирную спинку, медвежья сущность временно взяла верх над памятью о том, что где-то там в пещерке сидят двое голодных людей и им нужна моя добыча. Желудок взревел бешеным зверем, и я очнулась только в тот момент, когда, сидя на мелководье, уже облизывала свою довольную морду, всю вымазанную в рыбьем жиру.

Упс...

Ладно, ничего, просто мишку надо вовремя кормить, и она будет хорошей девочкой. А ну пошла, толстая попа, обратно в реку и поймай еще рыбку!

Вот наберусь опыта, приловчусь и отправлюсь за добычей вниз по течению. А то тут лососи хоть и вялые, но их сравнительно немного по сравнению с тем бесчисленным потоком, что вливается из океана в устье реки. А еще добравшийся почти до самого места нерестилища рыбец очень сильно теряет в качестве. Лососи, они ж как камикадзе — идут не только размножаться, но и умирать. Мало того, что ничего не жрут с момента попадания в пресную воду, двигаются вверх на старых запасах, так еще и стремительно «стареют» по мере продвижения к цели.

Ну, короче, даже на вид отличается та рыба, что бодро двигает хвостом, пробиваясь сквозь толпы собратьев сразу у устья, и та, которую только что сожрала я. У моей даже «клюв» на морде уже отрос, верный признак, что еще пара сотен метров — и эта рыба выпустит икру и мирно скончается.

Ничего, пока нам не до жиру, быть бы живу. В заготовку такая тушка не годится, первый и самый острый голод утолить — сойдет. Оппа! Лети-ка на бережок... вас там уже штук пять бьется на камнях. Хватит? Или еще немного порыбачить? Так, надо все же и самой наесться. А то черт его знает, как поведет себя мой звериный инстинкт, если решит, что его обделяют пропитанием... Не хватало, как с первой рыбой, прийти в себя и обнаружить, что доедаю Гринча... тьфу, Айвена. Мужа, короче.

Прошло, наверное, около часа, если судить по солнцу. Моя медвежья сущность налопалась так, что явственно отяжелела, и, выбираясь на бережок, я чувствовала себя, как тот жаб из старого-престарого русского мультяка про Дюймовочку: поели? Теперь можно и поспа-ать...

Ага, разоспалась одна такая! Пока ты, дура черношкурая, в речке бултыхалась, лопая в свое удовольствие, тут на твою добычу другие желающие нашлись. А ну брысь, падла рыжая! Прочь пошла! А то сейчас хвост оторву ребенку на воротник! Ух!!!

М-де. Из пяти приготовленных для моего семейства рыбин осталось только три. И хвостатая ворюга явно ни при чем — она только подбиралась к добыче, когда я ее шуганула. Значит, двух жирных рыбцов кто-то другой увел. Желающих тут хватает...

И что делать? Залезть еще половить? А толку? Пока я буду в воде плюхаться со своей сытой сонливостью, этих трех еще кто-нибудь сожрет. Ладно, в конце концов, две рыбы Айвену, одна Кристине — на завтрак хватит. А там будем посмотреть.

Так, теперь надо сообразить, как доставить в пещеру рыбу и рубашку одновременно, причем не перемазать вторую первой. М-де... ы-ы-ы-ы...

Вряд ли этот остров видел медведицу, у которой на шее повязана мужская рубашка на манер пионерского галстука, как в книжке времен маминого детства. Мы такую «с родины» привезли, «Тимур и его команда» называется. Только у меня галстук не красный, а синий. Как у скаутов. Нормально. Рыбу в зубы — и пошла.

— Моя дочь не будет есть сырую рыбу!

Да чтоб ты провалился, дурак стукнутый! Уже полчаса, наверное, прошло с того момента, как я вернулась в берлогу, гордая и довольная добытчица. И главное, «объелсягрush» сначала

обрадовался, выполз из довольно уютного гнезда, которое успел свить из еловых лап в мое отсутствие... Косился все равно с подозрением, Кристине строгим голосом велел сидеть там и не высовываться, но при виде лосося глаза у него разгорелись. Он схватился за пояс... и вот тут нас настигла первая неприятность.

Нож в ножнах, рыболовный крючок с леской и еще какая-то нужная мелочь в специальных кармашках были на месте, а вот ни спичек, ни огнива, или что там у него было на этот случай, не обнаружилось. Потерял где-то.

Ну и все. Переклинило мужика — вот прямо сейчас он пойдет на то место, где его били-били-не добили, найдет там свое приспособление для добывания огня, вернется, разведет костер, пожарит рыбу, и тогда...

— Слушай, начнем с того, что далеко ты в таком состоянии не уйдешь, — попыталась урезонить этого недобитого живчика я. — Это первое. А второе: сырая рыба — это же лучший источник всяких полезных веществ, ее даже от цинги едят! Ты столько лет прожил на западе, неужели никогда...

— То, что годится взрослому работающему мужчине, не подходит маленькому ребенку, тем более девочке! — не терпящим возражений тоном выдал этот... патриархал доморощенный. — И не спорь со мной, Золотинка, я лучше знаю.

Вот тут я натурально глаза на него вытаращила и даже пасть приоткрыла. Да он... да он... нет, вы на него только посмотрите! Пофиг мне, что смутная Золотинкина память подсказывает: она ничего против такого обращения не имела, типа примерная скво и хорошая жена, вот это все. Мужик — хозяин в доме, начальник всех начал... так бы и треснула поварешкой по башке!

Нету у меня поварешки, жалость какая. А лапой его приложить — убью ненароком. И что делать? Он же уперся как баран!

— И куда ты в таком состоянии пойдешь? — переварив желание немножко загрызть мужа, ехидно спросила я. — Упадешь под ближайшим кустом, и мне придется воевать с армией падальщиков, которые наверняка сбегутся на запах. Это первое. А второе — ты не подумал, что там могут быть те, кто на нас... напал? И ты приведешь их сюда?

— Не беспокойся, — вот тут он так улыбнулся, что у меня шерсть на загривке дыбом встала. — Не придут. Я не сумел вас защитить, — тут я просто почувствовала, как ему трудно произнести эти слова. — Но сумел отомстить, и...

— Это все хорошо, но ребенок голодный, а ты раненый. Где ты сейчас будешь искать такие мелкие вещи и, главное, зачем?! Нормальная еда, в лососе нет паразитов, и индейцы спокойно дают ее де...

— Мы не индейцы, и наша дочь — маленькая девочка из хорошей семьи! — вспыхнул вдруг этот в голову стукнутый. — Она не будет есть сырую рыбу, как дикарка!

— Ах вот, значит, как?! — У-у-у-у, от злости просто в глазах потемнело. Расист нашелся! Угнетатель! Приличный!

— То есть жениться на дикарке тебе ничего не помешало, а теперь про семью вспомнил?!

— Золотинка... — Айвен мгновенно сдулся и виновато опустил глаза. — Прости... но моя дочь — не животное и сырую рыбу есть не...

— Р-р-р-ням-ням-ням-чавк-хр-р-р-р-р! Р-р-р-ня-а-а-а! — перебил его вдруг громкий и странный звук. Ну как странный. Я-то мордой в сторону елового гнезда стояла и источник его разглядела сразу. А вот Айвен как обернулся, так и сел на земляной пол.

Пока мы тут спорили, наше дитяtko решило проблему по-своему. Как это у нее получилось, а?! Я тоже хочу! Но вместо голой чумазой девочки на лапнике возилась упитанная медвежонка, одну рыбу она торопливо грызла, вторую прижала к полу лапами, всхлипывая от жадности, а когда Айвен попробовал шевельнуться в ее сторону, визгливо и ужасно смешно рявкнула на него прямо сквозь пожираемого лосося.

Глава 12

— Что это?! — слабым голосом спросил муж, все еще сидя на глинистом полу и делая слабый жест рукой, словно пытался отогнать от лица кошмарное видение.

— Голодный ребенок, не видишь, что ли? — Ну да, я бываю ехидной до невозможности, но он меня так разозлил, что сейчас я просто не могла удержаться. — И слава всем богам, разом две проблемы решились сами собой. Теперь она хотя бы не замерзнет, а у тебя больше не будет дурацких аргументов по поводу сырой рыбы.

— Это... это... Кристина?!

А, он ведь опять спиной к ней стоял, когда детенкин силуэт на секунду подернулся туманом и на месте тощенькой малявки образовался округло-упитанный медвежонок. Кстати, как так? Откуда дровишки? В смысле, закон сохранения энергии никто не отменял, а в медвежке по весу штуки три Кристины, должно быть. Как она умудрилась этот жирок из воздуха нарастить?

— А ты здесь какого-то другого ребенка видел? И нечего на меня так недоверчиво коситься, я имею право пребывать в дурном расположении духа. Меня на этом острове явно обижали, хотя я и не помню как, родной муж сначала узнавать отказывается, потом ребенка нормально покормить не дает, да вдобавок ко всему я хочу как Крис туда-сюда свободно превращаться, а не получается!

— Кристина? — все тем же слабым голосом позвал Айвен, и поскольку мелкая уже сожрала обе захваченные в

«честном» бою рыбины, более-менее налопалась и пришла в благостное расположение духа, то добился муж несколько неожиданного результата. Дочь радостно уркнула, подпрыгнула на месте, как неуклюжий мячик, и кинулась к папе обниматься.

Медвежонка. С детской координацией движений и медвежьими когтями. И массой тела сильно побольше, чем у пятилетнего ребеночка. К раненому, стукнутому и вообще сильно потрепанному последними событиями папе.

— Слезь с отца и отойди в сторонку, — строго выговорила я дитю, ловя ее зубами за холку и, не дожидаясь ее действий, просто снимая увесистое тельце с поверженного мужа. — Смотри, что ты наделала, чуть было не затоптала больного папочку. Ладно, нет худа без добра... Я там рубашку его повесила на куст, скоро высохнет, а пока он вот так лежит, можно заняться медицинскими процедурами. Иди и сорви слева от пещеры несколько листиков свежего подорожника. Крис, слышишь? Поняла? Как выглядит подорожник, помнишь? Умница. Топай громко, чтобы я слышала тебя и знала, что ты рядом, а не поскакала на поиски приключений.

Кристина угукнула по-медвежьи и укусолапила наружу, а я так и осталась в недоумении — умеет ли моя дочь в зверином облики разговаривать по-человечески, или нам придется еще и эту проблему как-то решать? И как часто она теперь будет прыгать туда-сюда-обратно из девочки в животинку? Можно ли этим процессом как-то поруководить?

И тут в мои размышления вмешался странный звук. Вообще нынешнее мое существование на странные звуки богато, но этот был особенно...

Распростертый на полу Айвен, на этот раз, слава всем богам, оставшийся в сознании после дочкиных нежностей, смотрел на меня снизу вверх блестящими серыми глазами и... смеялся. Я бы даже сказала — ржал как конь.

С ним точно все в порядке, а? Я не умею на вид и на запах определять, поехала у человека крыша насовсем или это временное помутнение... что же делать, что же делать, что...

— О боги... Золотинка... — сквозь смех простонал этот болезный. — Я сойду с ума! С нами такое случилось, а ты осталась все такой же ворчливо-хлопотливой суетохой с замашками домашнего тирана, совсем не изменилась!

Я опешила от такого поворота, но на всякий случай тут же надулась и сделала вид независимый и гордый. И как такое понимать? Только пять минут назад он мне тут ножкой топал, про «мужик сказал — все подпрыгнули» и я вроде как даже вспомнила, что его скво с этим соглашалась, а теперь, значит, это я тиран и деспот и так было всегда?

«Мужчина командует за порогом, женщина командует в доме. Так правильно и заведено веками».

О! Это откуда всплыло? Вроде бы что-то похожее говорила мне старая шаманка из резервации, я обо-жала ездить к ней на выходные в «учебный лагерь для девочек». Ее слова? Или все же Золотинка где-то из глубин памяти подсказывает?

Нет, ну в целом логично. Когда разделение труда по-честному и ни один из партнеров не филонит и не хитрит, чтобы свалить на другого побольше грязной работы, — у меня даже с феминистской точки зрения возражений нет. Другое дело, что мужики частенько хотят иметь привилегии командира без нифига ответственности... но это другой вопрос. У индейцев в дикой природе, кстати, редко такое прокатывало. Потому как ты сегодня жене козью рожу скорчил, а завтра она твои мокасины за порог фигвама выставила, и гуляй, гордый орел, отныне ты холостяк. А детей, кстати, будь добр обеспечить свежими оленями, ты с женой развелся, а не с потомками.

Ну-у-у... и все равно, с какого такого перепуга он насчет питания ребенка выступал? Это сугубо внутреннее фигвамное дело, нечего всяким в него влезать. Правильно мелкая на него нарычала, это он, значит, пакт о ненападении нарушил! Уф...

Но самое главное, судя по его взгляду, он перестал во мне сомневаться. Признал женой дикую медведицу. А разборки по поводу того, как это вообще получилось, решил отложить на потом. Это хорошо. Только непонятно, что мы в дальней перспективе с этим делать будем... но сейчас надо сначала с близкими перспективами разобраться.

— Лежи смирно, я твои раны осматрю. Не похоже, что там завелось воспаление, а то у тебя был бы жар, но лучше проверить... ну лежи спокойно! Чего ты вошкаешься, как червяк на печке, я же не цапля, чтобы через тебя на цыпочках переступать. У меня лапы большие! И тяжелые. Тьфу... ну и чего ты опять ржешь?

— Ве... вечно у тебя сравнения как из учебника по естествознанию для гимназистов среднего корпуса, — сквозь смех выдавил Айвен. — Но когда ты их с акцентом проговаривала, было еще смешнее.

— Подумаешь, — бормотнула я, тщательно и, похоже, щекотно вынюхивая его рану на ребрах. — Я тебе клоун, что ли? Ну чего ты дергаешься? Не укушу.

— Щекотно, — подтвердил мои догадки Айвен и улыбнулся.

Так-так-так. То ли я такой отличный доктор, то ли у меня слюна для микробов ядовитая. То ли на моем татуированном муже все само заживает, как на собаке... или на медведе. Я ведь тоже уже не чувствую царапин, нанесенных во время утренней битвы с чужим самцом. Вот и у Айвена под подорожником раны покрылись корочкой запекшейся крови, и ни следа воспаления. И они у него явно чешутся, а значит — активно заживают.

На всякий случай, несколько бесцеремонно ворочая мужчину лапой, я тщательно вылизала кожу вокруг рубцующихся ранок и решила, что еще один компресс из подорожника лишним не будет. Где там дите с нужной зеленью? Вроде я все время слышу ее шаги, контролирую, значит, далеко не ушла.

— М-м-м-ма-а-а-а-ар-р! Ма-а-а-а-а! — словно в ответ на мои мысли завопили снаружи, и я едва не вписалась головой в потолок пещеры, потому что подпрыгнула, узнав голос своей медвежонки. Она была испугана и зла и вопила как резаная.

— Кристина! — кажется, вскрикнули мы хором и одновременно кинулись к выходу из пещеры.

Глава 13

У меня сердце остановилось и попыталось провалиться куда-то в задние лапы. Потому что, когда солнечный

свет ударил по глазам, прямо над головой раздался оглушительный выстрел, а потом крик, и я от ужаса даже не поняла чей.

Поскольку габаритами я мужа все-таки сильно превосходила, вырваться из логова первым он не сумел, хотя пытался, но отлетел обратно в темноту от мощного тычка лапой. Там, снаружи — опасность!!! Дети и раненые должны быть в убежище, а не врать с бешеным криком под пули.

Реветь, имитируя злобное чудовище, я не стала. Ну, потому что хорошо помнила, как нас егерь в заповеднике учил стрелять на звук. Я, может, и медведь, но с мозгами! И предпочту подло напасть на владельца ружья со спины без предупреждения. Если он только тронул мою медвежонку, я его...

Но тут мне прямо под ноги бросился с детским обиженным ревом черный шерстяной колобок, и я, недолго думая, зафутболила его лапой в темный зев логова, прямо в объятия к папочке, который тоже рвался в бой и лез наружу.

Обоих унесло вглубь, это хорошо.

Черт, дура все же, вот куда сама-то рванула? Что я могу сделать против заряженной двустволки, направленной мне прямо в лоб?! Хорошо еще, не в упор, до стрелка было метров тридцать, но я очень хорошо чуяла его медвежьим чутьем, а человеческой своей частью прекрасно разглядела и оценила направленное на меня ружье.

Как во сне или в набившей оскомину книжке, где картинно описываются два темных зрачка ружейного дула, которые смотрят тебе прямо в лицо. И ты парализован, не можешь пошевелиться, смотришь в эти глаза смерти, и...

И фигу вам! Это, может, человека опасность парализует, а моя медвежья часть такую заднюю скорость включила, что любо-дорого, только комья земли из-под копыт... в смысле когтей.

Но, конечно, даже скорости зверя недостаточно, чтобы уйти от пули. Ствол ружья дернулся, отслеживая мои метания, человек, стоявший на косогоре среди листвы и пушистых кедровых лап, не собирался выпускать добычу.

Я отчетливо услышала, как щелкнул курок, и даже успела увидеть вспышку выстрела, и у меня была только одна мысль — поймать пулю телом, а не лбом, тогда есть шанс.

Мне повезло, мне чертовски повезло, я уж не знаю почему. Готова была к удару и боли, но в это ненормально длинное мгновение, которое все длилось и длилось огнем из дул и грохотом выстрела, к стоящему в позе стрелка мужчине из-за ближайшего куста кинулся некто и ударил по ружью снизу, уводя стволы к небесам.

— Нельзя! Хозяйка убьет!

Удивительно, но этот крик перекрыл даже звук выстрела, хотя прозвучали они одновременно. Или у меня медвежий слух настолько хорош и избирателен? А-а-а, какая разница, лапы в лапы и в кусты, в кусты! Этот, белый господин с ружьем, вон как матерится на помешавшего выстрелу индейца, аж прикладом винтовки ему по башке засветил и торопливо свою пукалку перезаряжает. Господи, только бы Айвену не встряло в башку высунуться наружу и попытаться права качать! Сама я уже залегла в подлеске, слилась с темной опавшей хвоей, и лося лысого меня какой охотник выцелит.

На бравого охотника тем временем налетел еще один персонаж, вроде европеец, поскольку с бородой, но одет так, как одеваются местные индейцы. И они вдвоем со стукнутым силой поволокли уroda с ружьем прочь, а тот отбивался, матерился и все водил дулом ружья, целясь по кустам. Ждал, что я сейчас выскочу под выстрел. Нашел дурочку!

— Шеф! Шеф! — на два голоса орали индеец и ряженный. — Не гневи хозяйку, не надо! Иначе живыми не отпустит!

— Идиоты! Мракобесы! — ругался охотник. — Какая еще хозяйка, это просто медведица с медвежонком!

Ах во-о-от оно что... В мозгу забрезжила смутная догадка. У местных индейцев есть такая легенда про остров — что на нем живет дух матери-медведицы, прародительницы всех медведей и местных людей. Дама эта весьма строгая и неласковая, так что народ ее не просто побаивается — трясется при одном упоминании. Хм-м-м... А еще вовремя память Золотинки подоспела — не то чтобы с полными объяснениями, но с четким ощущением: это враги. Их надо... что? А...

Их надо бы убить, но если не получится — выследить, подслушать и желательно напугать. Так, чтобы при одном воспоминании до туалета добежать не успевали.

Выследить, напугать... нет, выследить я попытаюсь, конечно, но из медведя контрразведчик так себе. Ступать бесшумно зверь умеет, но куда девать харизму? Не за всякий куст ведь спрячешь обаяние такого размера. Мне пока ни фигя не понятно, кто вообще эти люди и почему они враги, но Золотинке я верю. По-хорошему вернуться бы в берлогу и спросить Айвена, но некогда, и радуется по-прежнему только одно: сидит тихо, наружу не лезет. Кто кого в пещере охраняет, папа дочку в медвежьей шкурке или наоборот, я не знаю, но какая ж разница? Пусть сидят.

А я... ну, не шугану, так хоть подслушаю, о чем супостаты между собой говорят. Глядишь, обстановка прояснится. А там разберемся, за какое место их пугать покрепче. Нефиг шляться по моему лесу с огнестрелом и нехорошими намерениями! У меня тут ребенок! И муж.

— Да вы рехнулись, уроды, со своими дикарскими байками, — ругань белого человека была слышна на весь лес, даже особенно близко подкрадываться не пришлось. — Придурки! Я нарочно пуганул медвежонка у логова, чтобы выскочила его мамаша, выстрел в лоб — и можно было бы обыскать берлогу, наверняка нашли бы труп Агренева и убедились, что он мертв!

— Шеф, вы же видели его рубашку на кусте, окровавленную и драную, и следы на песке, как зверь его волок, — чуть задыхаясь, втолковывал ругачему гаду индеец. — Хозяйка взяла его тело себе, и хорошо, возможно, ей хватит его крови, чтобы насытить свой гнев. Зачем дразнить духа?

— Скоты! Недоумки! — В холодном голосе стрелка звучала настоящая ярость. — Ничего нельзя поручить. Я уже почти добился, чтобы Агрнев подписал купчую на участок, а вы все просрали! Как он вообще попал на остров? Его не должно было тут быть! Это кто-то из вас, недоумков, спяну распустил язык и навел?! Где эти подонки, что должны были охранять бабу с девчонкой? Где сами пленницы?!

Та-ак. Чем дальше, тем страшнее, как говорится. И кое-что начинает проясняться. Но мало информации, мало! А ироды эти подуспокоились немного и разговаривают все тише, звериный слух мне в помощь, конечно, но желательно все же подобраться поближе. Эх... толстая медведица — красивая медведица. Здоровая, ибо сытая, и приспособленная к выживанию в дикой природе. Но большая попа в деле маскировки по кустам — вот прямо крайне неудобно.

И беспокойно... уходим все дальше от пещеры. Как-то там мои семействы?

Глава 14

Ничего, как-то справилась. С маскировкой, в смысле. Кралась следом, внимательно слушала ругань главного с ружьем, вялые оправдания его помощников и пыталась выстроить в голове целую картинку. Не совсем получалось, конечно, но общее направление, как мне казалось, я угадала правильно.

Этот хмырь огнестрельный — он заказал похищение Золотинки с дочерью, чтобы шантажировать Айвена и заставить его что-то сделать. Что — пока не имеет значения. И он почти добился своего.

Здесь, на острове, пленниц прятали под присмотром двух или трех — я пока не поняла — наемников-отморозков, согласных за деньги на грязное дело. Их задача была сохранить «бабу с приплодом» в целостности и сохранности, а белый господин, настоящий заказчик похищения, на большой земле делал вид, что он посредник между Айвеном и преступниками. И вел переговоры, «сочувствуя» бедному мужчине, у которого украли семью. Уговаривал продать от греха этот участок, не задаром же, за деньги, и хорошие, мол, он постарается и сделает все, что в его силах, чтобы женщина и девочка не пострадали и господин Агренов не остался без гроша в кармане — ему же семью кормить.

Тьфу... падла мерзкая. Читала про таких, всегда хотелось попасть в книгу и лично придушить. Сейчас у меня вроде бы появился шанс, вот только ружье бы у паразита отобрать. А пока он с ним в обнимку шастает — ищи дураков под пули соваться. Я медведица, а не дебилка.

Но вот эта мысль, которую усиленно транслируют пособники злыдня... она прямо интересная. Про дух хозяйки острова и вот это все.

Мне кажется, знаю я эту легенду. Мир, может, и другой, но уж больно похожий, значит, и мифология вполне совпадает в некоторых деталях. А про хозяйку острова нам в резервации шаманка много рассказывала. Мол, есть такая. С древности еще. Когда-то давным-давно была лютая зима, и медведица сладко спала в своей берлоге. Пока прямо ей на голову не провалился приبلудившийся непонятно из каких краев раненый охотник. Почти дохлый, голодный и обмороженный.

Удивительно, но есть его хозяйка-медведица не стала, хотя, на мой взгляд, имела полное право — шляются тут, будят в неположенное время. Крышу ломают, опять же. Но, видать, мужик оказался красавчик. И медведице понравился настолько, что она залечила его раны путем целительного зализывания, а потом бодро заимела от означенного пришельца потомство. От которого и произошли все местные племена.

Но главное в другом. Эта медведица бессмертна и до сих пор охраняет свои земли. Сердить ее смертельно опасно, а узнать и отличить от обыкновенного мишки довольно просто. У нее на морде белые полосы, какие рисуют себе шаманки перед камланием, а на шее ожерелье, заменяющее вампум, из ягод и птичьих перьев.

Ожерелье прямо тут мне взять неоткуда, а вот полосы... хм. Кстати, они и для маскировки полезны же. Но это чуть позже, пока надо разузнать, куда вся эта компания направляется, да и вообще, какие у них дальнейшие планы.

Тихой сапой пробираясь по следам злодеев, я довольно далеко ушла от медвежьего логова, но больше ничего полезного не услышала. Вот досада! Но тут вся компания выбралась на довольно большую поляну, у дальнего края которой торчало нечто похожее на сарай. Или на заброшенное зимовье, какие строят охотники в наших лесах.

Ага, кажется, именно здесь держали Золотинку и Кристину.

Ох... когда я увидела бревенчатые стены под крытой дранкой кровлей, мне стало нехорошо. Опять в голове закрутились смутные образы из чужой памяти. Они совершенно точно были неприятными и даже страшными, но ни один из них я пока не могла рассмотреть и осознать. Да и надо ли оно?

Злыдни на подходе к домику совсем перестали переговариваться, шли гуськом, стараясь ступать неслышно, и держали наготове ружья. Вот блин! Как бы им их попортить? Тогда б и поговорили душевно.

Вот они подобрались к двери, замерли... а потом всей толпой вломились внутрь. И через пару секунд индеец и ряженный с воплями вылетели обратно. Бородатого еще, кажется, и стошнило под куст.

Что они там увидели? Э-э-э-э... кажется, знаю.

Из открытой двери на меня повеяло свернувшейся кровью, вспоротым кишечником и прочими

прелестями расчлененки. Причем человеческий разум внутри медвежьего мозга ужаснулся, опознав запахи, а звериный — пожал плечами и поставил маркер «проверить на съедобность». А еще там, где-то в самой глубине, было сытое удовлетворение от хорошо проделанной работы. Э-э-э-э-э еще раз...

— Шеф... — прохрипел индеец, обращаясь к только слегка побледневшему охотнику. — Уходить надо... здесь никого живых не осталось. Хозяйка забрала всех. И бабу с ребенком тоже — там обрывки платьев в крови.

— Заткнись, — рыкнул на него главный злыдень. — Просто кто-то из недоумков, поставленных охранять пленниц, раздражил или приманил дикого зверя. На острове медведей как собак нерезанных, ничего удивительного. Никакой мистики, понял?! Надо вернуться к пещере и обыскать ее. Наверняка медведица с детенышем уже на другом берегу острова. Я хочу видеть труп Агренева.

Ой-бай!

Так говорила бабушка моя, со стороны мамы... От нее я унаследовала несколько монголоидный разрез глаз и смуглую кожу, из-за чего меня в Канаде частенько принимали за местную полукровку из резервации. Сама бабуля была откуда-то из Поволжья, но была ли она татаркой... сказать сложно. Время такое, редко кто в детдоме сильно доискивался до национальности подкидыша.

Так вот.

Ой-бай! Это ж они сейчас попрутся к пещере, а никто оттуда не уходил. Во всяком случае, я на это надеюсь. Уроды с ружьями! Напуганные до мокрых штанов... и упертые, как сволочи.

Я не должна этого допустить. Надо что-то сделать... что-то сделать... чтобы раз и навсегда шугануть сволочей с моего острова, чтобы смотреть через пролив в его сторону боялись!

Так. Этот белый господин ничего не боится, потому что человек разумный, его цинизм ему не позволяет в духов верить. А вот его помощники... этих можно попробовать застрашать, и есть надежда, что они либо сами ломанутся отсюда куда подальше, либо, в самом лучшем случае, и хозяина своего утащат силком.

Они про духа поминают? Медведицу в боевой раскраске местных племен. Вампум пофиг, без него пока обойдемся, а вот полосы на морде... белые полосы... стоп!

Я, стараясь не буриться сквозь кусты с треском, тем не менее развернулась и ломанулась по своим собственным следам в сторону пещеры. Всего за несколько минут до того, как я выбралась на край поляны, мне пришлось перебираться через небольшой овраг, по дну которого журчал один из бесчисленных ручьев. По дну из белой глины.

С разбегу сунув морду в раскисшую грязь, я отпрыгнула и зафыркала, чувствуя, как по шерсти стекает липкая жижа. Села на берегу и старательно лапами с растопыренными когтями протерла-расчесала морду. Белые полосы получились что надо. В шаге от меня ручеек образовывал тихую заводь, и в ней отразилась такая чудовищная харя, что я сама испугалась.

Ну, берегитесь, злыдни!

Глава 15

Так. Пока я наносила боевой макияж, изверги с поляны куда-то делись. Вот досада! Хорошо, что нюх у барибалов примерно в пять раз острее, чем у самых лучших собак-ищеек. А перца сыпануть на свои следы злыдни не догадались. А может, перца не было с собой. Ладно, главное — результат: по следам я нашла всю компанию очень быстро, догнала и убедилась, что вот прямо не зря разрисовала себе морду устрашающими полосами.

Эти сволочи шли обратно к пещере! Медленно шли, потому что индейцу и ряженому явно туда не хотелось, они всеми силами саботировали это дело, плелись нога за ногу. Но главгад с ружьем упорно топал по едва видимой среди влажного мха звериной тропе и подгонял подручных, как пастушья собака гонит перед собой строптивное и обленившееся стадо овец.

Эх, что бы такое придумать, чтобы ружье у гада отобрать? Или чтобы он его уронил, потерял, утопил... сам себе в задницу выстрелил, ага. Ладно. Медвежья командос вышла на тропу войны, так что посмотрим еще кто кого, к пещере я точно ни одного гада не пущу, даже если придется под пулями рисковать.

В идеале вообще загнать их куда-нибудь в топь или на край скалы, откуда некоторое количество врагов может сверзиться без посторонней помощи. Но о таких далеких перспективах я подумаю чуть позже, пока главное — свернуть их с тропы. Эхе-хе-хе-хе... неудобно ползать по-пластунски, когда ты медведь. А куда деваться? Причем ползти надо быстро, чтобы супостатов обогнать и явить им расписанную харю из кустов в нужном месте.

Представляю, как это выглядело со стороны... точнее, сверху. Топает по тропе компания людей, а вокруг них по кустам попой вверх на пузе бульдозером сквозь густую зелень бурится черная туша, мало того, что в глине перемазанная, так еще и увешанная самым разным растительным мусором по самые уши. Вот этот гигантский мохнатый слизняк приподнимает голову, убеждается, что диспозиция занята правильно, и...

— Хра-хра-хра-хр-р-р-р-кха!!! — высунув расписную башку в словно нарочно прорубленное упавшим кедром окно в густой зелени, я попыталась изобразить зловещий хохот, но не рассчитала, подавилась ревом и закашлялась.

Но так даже лучше получилось, потому что нормальный медведь в природе таких звуков точно не издает.

— А-а-а-а-а!!!

Заорали все трое, но если местные-ряженные-суеверные под этот крик ломанулись бежать обратно по тропе, то белый господин даже посреди вопля не растерял сноровку и сдернул с плеча двустволку пусть и трясущимися руками, но быстро и четко. Ах ты сволочь!

Я упала на пузо точно как на скаутских учениях, имитируя команду «воздух!», и двойной заряд под грохот выстрела впечатался в сосну где-то значительно выше моей головы.

Чуть хвост не отстрелил, скотина нехорошая! А я не виновата, что задница у меня больше головы и распластать ее по земле не получается. Уй-ю-юй, как же мне не нравятся эти игры с огнестрелом... Ползи, Златка, ползи, в следующий раз нам надо пугануть супостата из того места в кустах, куда его стволы не нацелены. И вообще... БУ-У-У-У! Ах ты зараза! Быстро перезаряжает...

— Шеф! Шеф! Бегите, шеф! — Индеец оказался более верным сподвижником, чем ряженный, тот задал стрекача по тропинке, даже не оглядываясь, а вот местный охотник вернулся и под яростный мат шефа вцепился тому в портупею, силой увлакивая упрямого стрелка прочь от страшного места. — Хозяин! Если вы совсем разозлите духа, она никого с острова не выпустит!

А, значит, индеец не столько преданный, сколько «знающий» и заботится прежде всего о себе. Причем настолько заботится, что плюнул на субординацию, огрел белого человека по башке какой-то палкой, когда тот вырвался и снова наставил ружье на кусты. Правильно! И волокит его теперь подальше, волокит! Р-р-р-р-рбу-у-у-у тебе напоследок для придания скорости! И лик прекрасный из кустов. Кто скажет, что не прекрасный, того сожру к лысым лосям.

Как бы там ни было, про пещерку, в которой надо найти труп Гринча, эти паразиты на какое-то время забыли. Умчались обратно в хижину-зимовку и там забаррикадировались, даже размазанные по всему периметру избушки охранники им не помешали. Вот я какая страшная молодец.

Какое-то время индеец и ряженный удержат там своего шефа. А мне надо успеть бегом бежать к берлоге, убедиться, что с моими подопечными все в порядке, а потом...

А потом хорошо бы посмотреть, как злыдни попали на остров, — в смысле, в каком месте

причалили, где их лодка и нет ли в ней чего-нибудь полезного для меня лично. И как бы поизобретательнее напакастить. Прозрачный такой намек сделать на то, что духи недовольны.

Звериная тропа сама стелилась под лапы, похоже, я совсем освоилась с медвежьим телом и даже превратилась в натурального скакового мишку. Раз-раз — и уже вот он, глинистый откос, под которым вход в логово.

Вокруг тишина, рубашка, действительно простреленная и окровавленная, так и висит на кусте, где я ее пристроила сохнуть. Из темного зева пещерки ни звука. О господи, надеюсь, Айвену хватило ума дожидаться меня, надеюсь, его не понесло раненого-полуголого с ребенком на руках через лес неизвестно куда!

Так, спокойно, Златка, спокойно. Даже если понесло — твой нюх тебе на что? Найдем. И покусаем, чтоб неповадно было так нас волновать...

Подойдя тихо, крадучись, ко входу в логово, я осторожно уркнула, а потом позвала, опять сама не понимая, как я это делаю, не используя медвежий артикуляционный аппарат:

— Айвен? Кристинка?

— Мама! — запищали внутри, и я облегченно выдохнула.

Вот как так вышло? Я прекрасно помню, что это не мой ребенок и не мой муж. И одновременно... мой. И мой. Вот выскочила мелкая мне навстречу, впилилась по недавно усвоенной привычке прямо в пузо, обхватила тонкими ручонками... и меня словно медом по сердцу мазнули.

О! Она снова девочка, а не медвежонок. Вот неугомонный перевертыш. Кажется, я понимаю, почему выбравшийся из темноты Айвен, бледный и осунувшийся, так хмурится и кусает губы.

Скорее всего, когда я зафутболила в него медвежонку, пряча обоих от врагов, эта стрекоза на лету от испуга и эмоций обернулась обратно в человека. Маленького, голого, беззащитного. И с ревом вцепилась в папу руками и ногами.

Разве мог он куда-то уйти, рискнув либо взять с собой перепуганное дитя, либо, тем более, оставить ее одну в логове? Особенно если она орала и рыдала на любую попытку оторвать ее от себя.

Нет, конечно. Явно даже мысли не возникло.

И... как бы я к нему ни относилась, учитывая мое предубеждение, заработанное в другом мире другим человеком, а тут зауважала. Не знаю, какой из него муж, но отец — правильный.

Только крайне недовольный тем, что сражаться с врагами пришлось жене, а он отсиживался в темной норе и носа не высовывал.

Глава 16

Да ни фига, конечно, у меня не получилось убедить Айвена в том, что он поступает совершенно правильно, не создавая мне лишних проблем, когда сидит с ребенком в пещере. В его неиспорченном теорией равноправия мозге в принципе не укладывалось, как это — мужчина, даже раненый и обессиленный, прячется в укрытии, а женщина, даже мохнатая, когтистая и зубастая по самые уши, воюет с вражьиими силами.

Но спорить он мог сколько угодно, а против реальности не попрешь. Если жена просто встает и идет воевать, муж, если он нормальный и правильный папа, остается в патовой ситуации — ребенка тоже надо стеречь и защищать, хочешь ты того или нет. Прямо классический гендерный переворот, когда у привязанной к дитю стороны нет выбора.

— И что ты собираешься сделать с их лодкой? — хмуро спросил Айвен.

По-моему, он просто тянул время, не желая меня отпускать. Я его понимала, понимала, но... во-первых, надо. А во-вторых... ну что ты будешь делать с собственными мозгами, которые пошли вразнос от ударной дозы адреналина? Да я всей медведицей рвусь в бой, и меня даже огнестрел остановить не может, не то что там...

— Первым делом ограблю, — деловито доложила я. — Нам ребенка кормить, одевать и обувать. И вообще... они мне должны. Пусть голодают и боятся. Вдруг у них там кроме запасов провианта еще и боеприпасы запасные? Надо их утащить, все проще будет выгнать или сожрать вражин, когда у них патроны кончатся.

— И как ты собираешься поспособствовать тому, чтобы они у врагов кончились? — очень недобро прищурился Айвен, и я почувствовала, что перегибать палку с декларацией своего права на риск не стоит. Медвежья шкура не спасет, задомостроят, и буду я сидеть в пещере как примерная медведица, лапу сосать. И дите кормить- сторожить.

У-у-ух! Елки-метелки... как он это делает?! Гринч так не умел! Или просто у меня случая не было понаблюдать? Но вот как посмотрел, как плечами чу-уть повел, я сразу почувствовала себя маленькой девочкой рядом с уверенным в себе и непререкаемым защитником. Которого надо слушаться. А-а-а-а!

Не-не, надо побыстрее драпать в грабительскую экспедицию, а то еще немного — и я сама не захочу у него из-под крылышка улетать. Теперь я не удивляюсь, почему Золотинка за него замуж пошла. Сама я еще не настолько мозгами поехала, чтобы забыть, что, по сути, мне он никто, чужой мужик, но ее чувства я поняла.

— Ну, пора идти, пока эти гады не опомнились, — торопливо встряхнулась всей шкурой я, поворачиваясь мордой в сторону тропы, чтобы даже сомнений в моем решении не было. И неожиданно для себя самой добавила: — Я буду очень осторожна, обещаю!

Айвен только хмыкнул, не разжимая побелевших губ. Кажется, я до конца не понимаю, чего ему это все стоит. Ведь он и правда серьезно ранен, но держится так, что я временами об этом забываю. И взгляд...

Словно почувствовав повисшее перед пещеркой напряжение, Кристинка отлипла от моего пуза и как обезьянка, чуть ли не в один прыжок, оказалась на папе. Вскарabalась, обняла за шею и спрятала мордочку у него на груди.

Умница дочка.

И все равно уходила я с тяжелым сердцем. Может, я просто беспокоюсь? Вроде... хм... меня волнует, что Айвен недоволен? С какой стати?!

Я вообще феминистка! Вот. Щас как пойду, как переверну им весь морской флот и дырки в днище прогрызу. Как бобер.

Но сначала я все же бодрой рысцой сбегала к хижине и убедилась, что индеец и ряженный там крепко забаррикадировались, прихватив шефа. Хорошо бы они его там еще к кровати привязали. Ладно... это мечты.

Ближайший час, судя по ругательствам, эти трое точно в лес не выйдут. Значит, идем громить их плавсредство, ибо нефиг.

Пока бежала к берегу по следам бандитской троицы — а это с медвежьим чутьем было совсем нетрудно, словно они маяки расставили по всей продолжительности пути, — все прокручивала в голове, что у меня там нарисовалось из услышанного и обдуманного.

По всему выходит, что Айвен не зря сидел в фактории при конторе эти пять лет. Наобум за золотом не лез, но много слушал, смотрел и думал. На разводку умников, придумавших десятки способов всучить фальшивый золотоносный участок дуракам, не велся, наоборот, смотрел на результат и откладывал в голове на полочку опыт. Читал карты, ненавязчиво расспрашивал старателей и скупщиков.

И вычислил. Приплыл на остров тайком, проверил... и понял, что попал в яблочко. Тихо-тихо вернулся в факторию, снял со счета все свои накопления и оформил собственность на участок, который прежде считался бесперспективным и никому не нужным. Поэтому и стоил дешево.

Все было хорошо, пока он не привез первые самородки и не сдал их в фактории скупщику. Вот тут-то местный криминалитет и встал на уши. Или не криминалитет, просто дельцы... здесь одно от другого отличается чисто символически. Любой старатель не дурак пришибить кайлом излишне любопытного, агрессивного или более везучего соседа. Короче говоря, сначала счастливчика попытались уговорить по-хорошему. А когда не вышло — похитили жену и дочь.

Даже думать не хочу, что случилось там, в хижине зимовщиков. Из-за чего Золотинка вдруг превратилась в медведицу и развесила охранников по интерьеру в виде гирлянды из кишок. Хорошо, что ребенок остался жив и остался собой. Что случилось с матерью и как тут очутилась я, пока непонятно.

Ладно, со временем разберусь.

За мыслями тропинка стелилась под лапы словно сама собой, и очень скоро к лесным запахам стал примешиваться морской бриз, а крики чаек заставляли меня дергать ушами и недовольно трясти головой — очень уж пронзительные и по ощущениям совершенно нецензурные у этих птичек вопли.

Так, и где здесь паразитская лодка? Ага... О! О-о-о!

Какие хорошие, правильные враги. Я даже жрать их не стану. Наверное. Некоторых. Вон сколько полезного можно из их суденышка скоммуниздить, моя хозяйственная натура в глубине медвежьего туловища радостно взревела и потерла лапы.

В детстве мама читала мне вслух «Робинзона Крузо», и больше всего я любила те места, где несчастный лишенец подбирает с разбившихся у его острова флибустьерских кораблей всяческую нужную в хозяйстве утварь и прочие материальные ценности. А теперь я сама тот робинзон, и пусть хоть один пират близко попробует подойти к моим трофеям! Ых! Мешочек с овсом... мешочек с овсом... горшочек с салом... моя пре-е-е- елес-с-с-сть!

Глава 17

Тут одна проблема, но большая. Грузовым медведем я не являюсь, к сожалению. Если только попытаться всю лодку разом уволочь, но ведь по следам найдут, гады. А носить богатства в норку по одному... вон, лисья морда уже в кустах! Нос по ветру, уши лопухами, хвостом подергивает нервно и предвкушающе. Эта рыжая дрянь не только сало уворует, только отвернись, она и овес сожрет и даже мешочек с солью распотрошит, чисто чтобы убедиться, нет ли и там чего-то съедобного.

Лодка, она пахнет людьми, порохом и прочими неприятными, отталкивающими вещами. Поэтому рыжая халда сидит в кустах и думает — рискнуть хвостом или еще подождать? И на меня косится неодобрительно.

А если я начну перетаскивать провиант партиями, как пить дать, дикая зверюга по дороге чего-нибудь скоммуниздит, как бабушка говорила всегда про какого-то особенно злого и хитрого вору. Выкопать ямку и туда спрятать? Э-э-эм-м-м... не годится. Эта тоже умеет рыть, еще и лучше меня. Ой! Ну вот! Пошли все вон, лоси лысые! Еще и барсук приперся. Так нечестно, это мои враги и мои трофеи. Фигу вам, зверье вы невоспитанное.

Но что делать-то? Я же умру от разрыва сердца, если не унесу отсюда все съедобное, рабочее и полезное. Веревки там, инструменты какие-никакие: топорик да два ножа, стамеска, гвозди... еще одно ружье, для Айвена как раз, порох, пули, дробь... чью-то грязноватую, но целую куртку... в хозяйстве все нужно. Мне еще ребенку платьишко шить, штанишки... обувь. Запасной парус очень пригодится! Опять же, муж одет кое-как.

О! Так чего я торможу?! Запасной парус — это же большой-пребольшой кусок ткани, которую можно собрать мешочком! Так-так-так!

Все же медвежьи лапки с коготками — это не совсем тот вид художественного маникюра, с которым удобно что-то быстро-быстро красть. Зато пасть с зубами ничего так, с ее помощью можно как-то управиться, особенно если надо в процессе огрызнуться и рывкнуть на незваных помощников.

Но вид, должно быть, был тот еще. Кстати, вот интересно, что на мой боевой макияж Айвен никак не отреагировал, а как он отнесется к новой картине? Ему в детстве читали русские народные сказки? Там у нас все косолапые хозяйственные, даже иллюстрации соответствуют в детских книжках. Вот, например, про Машу и Медведя — надел Потапыч короб на спину и попер как ни в чем не бывало увесистый груз через лес. Еще и по дороге с этим грузом в дискуссию вступил.

Да, и еще одно важное дело чуть не забыла. Продырявить лодку. Но тут проще — поднять каменюку и хрясь! Со всей барибальей дури! О, какая симпатичная пробоина, и ровно в нужном месте — бодро работая вычерпывателем, уплыть можно, но удовольствие это очень сомнительное. Надеюсь, кое-кто поймет мой намек. Я вон когтями по бортам пошкрябала от души, крест-накрест, вдоль и поперек. Здесь был медведь, в смысле дух, а ну брысь с моего острова! И скажите спасибо, что за беспокойство взяла крупной.

Мне мой мешок из паруса, в который я сволокла из лодки все, что имело хоть малейшую ценность, включая весла, пришлось перебрасывать через плечо. И эта зараза все время сползала куда-то вбок, цеплялась за кусты и деревья, норовила проволочиться по земле и камням. Безобразие сплошное, а не нормальная транспортировка груза.

Ну что, пришлось вспомнить далекий опыт детства — это когда меня в три года еще в Москве в цирк водили. Тамошние мишки даже на велосипеде кататься умели, мячами жонглировать и в трубу трубить, а уж разгуливать на задних лапах — это даже за трюк не считалось. Чем я хуже?

Не хуже, да. Но все же на четырех лапах по лесу быстрее получается, удобнее, и вообще. Так и фигуру испортить недолго, похудею к лосям перед самой зимой, для медведицы это не только смерть красоте, это вообще смерть.

Я шла по уже знакомой тропе и пыхла себе под нос разные интересные мысли, следя, чтобы драгоценное хозяйство из мешка нигде не просыпалось. Так увлеклась, что это едва не стоило мне слишком дорого.

Все же я неопытный еще дух-пугатель. И вообще, агрессором никогда не подрабатывала. Про всяческие военные действия только в книгах читала и в кино смотрела. Не знаю я, не знаю, как правильно врагов укрощать, чтобы они сидели и под ногами не путались!

Мне фантастически повезло, что меня не пристрелили сразу. Просто потому, что разным всяким шефам отродясь невместно было самим на разведку ходить, они всегда посылали подчиненных. Типа, если все же убьют, то менее ценного члена команды.

Почему-то из парочки индеец-ряженный менее ценным был признан индеец. Расизм? Угнетение? Или я все неправильно понимаю, на разведку пошел тот, кто лучше разбирается в следах и читает лес?

Так или иначе, я, раззява косолапая, слишком увлеклась мысленным пересчетом уворованного добра, а индеец, видимо, так же сосредоточенно читал следы и несколько потерял бдительность. Или нет? Или это он из почтительности к местным духам старался идти точно по тропе и при этом достаточно громко топтать? Типа, дух- дух, уйди сам с дороги, а? Будь человеком!

Ну и вот. Столкнулись мы буквально нос к носу. Я топанье услышала, но вовремя не отреагировала — куда, спрашивается, смотрели мои звериные инстинкты?! Их мешком забило, что ли?

Индеец же рассмотрел меня, только когда между нами оставалось меньше десяти шагов. Он застыл.

Я застыла.

Так мы и стояли друг напротив друга, как два истукана, один в национальной бахrome, другая в шубе и с мешком чужого имущества через плечо. И пару секунд натуральнейшим образом не знали, что делать дальше. У пришельца ружье, у меня добро, тропинка узкая, разойтись, сделав вид, что никто никого не заметил, — не получится.

— Бросай оружие! — рявкнула я, приходя в себя, и прикинула уже, что мешком можно попробовать заслониться от выстрела. Или швырнуть его во врага? Но не пришлось, хотя, кажется, этот мистер ни разу моего непонятно откуда берущегося человеческого языка не понял. Для него это прозвучало как повелительный и злой медвежий рявк.

Но сама по себе картина разрисованного в белую полоску по морде черного зверя, идущего через лес на задних лапах и с мешком за спиной, деморализовала его настолько, что чувак уронил свой огнестрел и рухнул на утоптанную звериным населением острова тропинку как подкошенный.

— О, великая мать!

«Сам такой!»

Я очень осторожно, бочком, бочком, подобралась к уткнувшемуся мордой в тропу индейцу и наступила на дуло винтовки лапой. Подумала немного и отпихнула ее подальше. Так... а что дальше? Может, съесть его? Превентивно, так сказать. Э-э-э-э... что-то это... не хочу.

Глава 18

— Р-ры! — Я дождалась, когда придурок приподнимет голову, чтобы оглядеться, и повелительно ткнула лапой в сторону пролива. — Р-р-ры-ы!

— О, великая мать! — Вот дурак с бахромой, повалился обратно носом в тропу, задницу отклячил и лбом... об землю, что ли, бьется? М-да. Сейчас вышибет себе последние мозги и не сможет рассказать остальным, что пора валить отсюда ко всем нафигам бегом.

Пришлось аккуратно, протискиваясь через елки в стороне от тропинки, обойти его и прицельно пнуть в выставленный зад лапой. Ну упс, я медведь, а не кошка и когти втягивать не умею. Зато намек получился более чем прозрачный.

— О, великая мать! Я понял! Я понял!

Ну слава тебе господи. Надеюсь, он понял то, что надо, а не то, что себе придумал. Шас еще раз пну, чтобы точно быть уверенной, и...

— О, великая мать!

Тьфу, заело. Какая я тебе мать, дядя? Ты старше меня раза в два, и вообще несимпатичный. Я отказываюсь рожать таких детей.

Ружье незванный названный сыночка даже не пытался поднять с земли. Я его надежно в траву зафутболила для верности, но это даже не обязательно было делать. А вот попытку индейца прямым ходом рвануть к берегу, забраться в лодку и усвистать отсюда со скоростью света пришлось пресечь.

Ишь, шустрый. Если он сейчас удерет отсюда на плавсредстве, то остальные два вредителя поневоле останутся портить мне нервы. Не, несогласная я. Загнанный в угол белый охотник опасен. Особенно с помощником. Вот если в попытке вытащить с острова шефа два его подчиненных слегка прибьют ретивого дельца — тогда я ничего против не имею. Но это слишком хорошо звучит, чтобы быть правдой.

Надо все самой, самой.

— Р-ры! — Еще один повелительный жест в сторону хижины и красноречиво оттопыренные два когтя. Вот зараза, мелкая моторика в медвежьем исполнении — это трудно. — Р-р-рыть! — И такое движение лапой сделала, словно мусор в море сметаю. Потыкала в индейца, еще раз показала два когтя, потыкала в сторону зимовки... смела мусор. Понял, нет? Или еще повторить?

— О, великая мать! Тьфу.

Полчаса спустя я доволокла свой груз до пещеры и с облегченным выдохом свалила его прямо на землю. Хозяйственная утварь и прочие полезные вещи лягнули в мешке друг о друга с такой громкостью, что уши поневоле прижались к черепу. Ыть!

Осторожнее бы надо быть. Но я так зла, что раздражение готова сорвать на чем угодно, и хорошо, что под руки, то есть под лапы, попала именно неодушевленная часть моего будущего хозяйства.

На шум из пещеры выскочил Айвен. Вытаращился на меня квадратными глазами. Смотрел то на мешок, из которого воинственно торчало весло, то на мою грозную стойку лапы в боки над добычей.

Ну и? Что тут смешного? Нервный какой. И вообще, в его состоянии столько ржать вредно. И нездорово. Кстати! Как там с его ранами? С утра они выглядели хорошо поджившими, я еще подумала о ненормально быстрой регенерации и волшебной силе медвежьей слюны. Но по здоровом размышлении засомневалась — вряд ли у меня в пасти притаился госпиталь с антибиотиками. Значит... вон как шустро шмыгает в нору и обратно, забыл уже и про голову свою ушибленную, и про руку простреленную. И ребра явно не беспокоят. Так не должно быть, заживающие раны все равно болят, я на своем опыте это прекрасно знаю. Не зря же все детство и отрочество по лесам в компании таких же отмороженных юных натуралистов прошлындрали.

Я почесала лапой в затылке, а потом подцепила все еще ржущего мужа лапой за штаны и подтянула поближе. Надеюсь, не испугается и не начнет отбиваться. Не начнет? Уже хорошо.

Но все еще ржет, правда, на истерику это вроде бы не похоже. Можно, конечно, отнести его к реке и пару раз окунуть головой в холодную воду, но, пока задыхаться от смеха не начнет, к крайним мерам мы прибегать не станем...

Так. Начнем осмотр, раз уж пациент не сопротивляется. Ссадина на ребрах... вот я так и знала, что дело нечисто. Не может у обычного, нормального человека зарубцовываться ткань с такой

скоростью. А тут корочка запекшейся крови почти отвалилась во время его энергичных движений, под ней розовая новая кожа и шрам, который ну никак не выглядит свежим.

С рукой та же история, а под волосами на голове уже следа не осталось от внушительной шишки.

Я еще раз очень внимательно исследовала мужа. Для этого притянула не сопротивляющегося мужчину поближе и уткнулась носом ему в шевелюру. Принюхалась... какой запах у него приятный... и словно знакомый... и...

И машинально лизнула, издав довольный, утробный такой смешок-рык. Словно... так, что это было?!

— Я тебя тоже люблю, Золотинка... — как-то грустно сказал Айвен и поцеловал меня прямо в медвежий нос. Чем ввел в окончательный и бесповоротный ступор.

Я так и сидела, пытаюсь выправить в нормальное положение собравшиеся в кучку глаза, пока мой муж вместе с дочкой потрошили мешок с трофеями. Они даже обменивались какими-то фразами, упоминая меня, но все это проскользнуло мимо сознания, почти не оставив следов. Кажется, хвалили. Кажется, хихикали...

Вот странные люди. У них мама обросла шерстью и зубами по самые уши, у них враги на острове, непонятки с прыжками туда-обратно из медвежонка в ребенка, а они хихикают. Ненормальные? Или, наоборот, очень здоровые, стрессоустойчивые люди?

А люди ли?

Я вдруг подскочила, снова поймала в охапку Айвена и, развернув его спиной к себе, принялась тщательно вынюхивать его спину. Ровно там, где с гладкой, незагорелой кожи на меня скалилась вытатуированная медвежья морда.

— Ты пахнешь самцом медведя! — через какое-то время возмущенно констатировала я. — На спине! Эта татуировка — она не просто картинка! Твоя гранма... бабушка об этом говорила, а ты не слушал и мне не велел!

Откуда вылезло это воспоминание, черт его знает. Но вылезло же! И возмущалась я вполне искренне. Кристинка, та сразу поняла главное:

— Папа тоже умеет превращаться в мишку? Папа! Покажи! Покажи! Ну покажи!

— Кристинка, не канючь, — строго сказал ей Айвен и осторожно высвободился из моих лап. — Ничего я не умею. И еще сутки назад был твердо уверен, что бабушкины сказки — это сказки и есть. Но я достаточно разумен, чтобы принимать факты. Только что с ними делать? Золотинка... ты точно не можешь превратиться обратно в человека?

— Понятия не имею, как это делается, — мрачно помотала мордой я. — И вот еще что... пока мы на одном острове с этими подонками и ты в медведя не превратился, мне человеком становиться рано. Даже несмотря на то, что теперь у нас есть два ружья, порох и пули.

Айвен явственно заскрипел зубами и одарил меня тяжелым взглядом.

— Ты больше к ним не сунешься. Хватит. Я разберусь. Без всякого медвежьего облика. Тем более теперь, когда есть, как ты говоришь, оружие. И не смей со мной спорить!

Глава 19

Я бы, может, и поспорила, но мне помешали. Самое интересное, что далекий выстрел услышали мы все трое, хотя, по идее, человеческие уши ни в какое сравнение не идут с медвежьими. Но по тому, как разом повернули головы на звук Кристинка и Айвен, я поняла, что, во-первых, у меня не слуховая галлюцинация, а во-вторых, эти двое точно больше не люди.

— В той стороне зимовка, там эти три урода засели, — напряженно констатировала я, инстинктивно поднимаясь на задние лапы и втягивая воздух ноздрями, хотя понятно было, что на таком расстоянии я ничего не почувствую, — даже воздуху нужно время, чтобы принести запах.

— Сиди здесь! — рявкнул Айвен, мгновенно добывая из мешка со скарбом ружье и патроны, перезаряжая огнестрел и разворачиваясь к тропе с явным намерением топтать на разборки лично.

Ой-бай, он уже один раз сходил, я так и не поняла, что там такое случилось, но конец вышел сомнительный. Золотинка ведь погибла. И этот... если бы не я, его уже не было бы в живых. Даже с бешеной регенерацией странного татуированного чудика у него не было шансов без моей помощи оправиться настолько, чтобы сегодня встретить врагов во всеоружии. Шеф его бы добил без всяких сомнений.

И что делать?! Ускачет же! И ладно бы вдвоем пошли на дело, но с кем тогда оставить ребенка?! А-а-а-а!!!

Маленькая зараза решила этот вопрос за меня. Еще секунду назад рядом со мной стоял испуганный ребенок, а через мгновение черный мохнатый задок медвежьего потомка так шустро скрылся в зарослях, что я пастью щелкнуть не успела. И главное, куда вы думаете, рванула эта маленькая дрянь?! В ту сторону, откуда слышались выстрелы!

— Айвен! — рявкнула я, хватая мужа сзади за пояс штанов зубами и дергая на себя. — Ружье убери! Она туда поскакала, не дай бог, под выстрел попадет! Бегом следом!

— Твою... такую-растакую мать! — выругался мужчина, за что тут же получил легкий кусь в задницу. Подпрыгнул, поперхнулся, оглянулся с дикими глазами. Понял. И дальше ругался без упоминания предков по женской линии.

Знаю, знаю, нашла время оскорбляться. Но мы ж все равно бежим, не задерживаемся, а мать Кристинки чисто технически теперь я. Вот и нечего меня все поминать, если сам дите вовремя не воспитал. Меня тут не было!

Маленькая медведка (да, я нарочно мысленно обозвала егозу личинкой противного насекомого, я зла!) скакала впереди по кустам с какой-то невиданной прытью, мы с ее отцом едва поспевали следом. И главное, ладно я могла орать хоть на весь лес, пытаюсь призвать дочь к порядку, кроме нее и мужа, меня все равно никто не понимал, а побледневший и озверевший Айвен даже голос подать не мог, дабы врага не насторожить.

Да и я, поняв бесполезность своих призывов, заткнулась и бежала, стараясь не терять черный колобок из виду. Ну вот куда? Куда ее несет, поганку эдакую?! И главное, вот-вот уже настигну — нет, в последний момент куцый медвежий хвостик на упитанных окороках ловко уворачивается из-под самого носа. А то схватила бы зубами, как пить дать, не заботясь о том, что так и откусить можно ненароком.

Мы уже почти добежали до домика, в нос ударил кислый запах пота и жуткий — протухшей крови. Только тогда мне удалось-таки набрать скорость, догнать негодяйку и от души шлепнуть мелкую беглянку по пушистой попе так, что она кубарем покатила по тропе. Пока она не опомнилась — догнать еще раз и хватать за холку, встряхнуть непослушную и опять метким шлепком под обиженный писк запустить в сторону свирепого папули, который как раз догнал нас на тропе.

Оппа! Поймал! И тоже шлепнул.

Умная, зараза маленькая, вся в меня. Не стала у папы на руках в человека превращаться, сообразила. Медвежьей лапой чувствительный подпопник получила, а человеческой рукой он ее шлепал — ну что там почувствуешь сквозь мех? Вот если бы обернулась, то по человеческой голой попе ладонью оч-чень даже прилетело бы, вид у Айвена решительный и крайне недовольный.

Правда, мною он еще больше недоволен, потому что я его опять обошла на повороте — запустила в папу дитем и вырвалась в лидеры этого забега. Ну а что? У меня нюх, слух и медвежья сила. Муж с ружьем пусть прикрывает тылы!

Правда, бежать вперед уже было поздно, скорее пришлось красться. Ну я ж не дура, нарываться на выстрел в упор.

Вот только ни у зимовки, ни в ближайших окрестностях никого живых я так и не обнаружила. Остался один запах и один труп.

Индеец. Судя по всему, его застрелили прямо на пороге зимовки, а потом гады-сволочи собрались и куда-то ушли. Мать моя медведица, это как же мы их на тропе-то не повстречали? Я холодным потом под теплой шкурой покрылась при мысли, что Кристинка могла с разбегу выскочить прямо на супостатов.

Обошлось. Но куда они подевались? Шеф и этот второй, ряженный. Так, включаем нос на полную мощность. Нет, сначала Айвен где? А, вот. С дочерью. Все нормально. Все целы. Так. Так...

Злыдни ушли от зимовки другой тропой, более длинной, но, судя по всему, ее сочли и более безопасной. Не знаю, сомневаюсь я, что шеф поверил в индейского духа Великой Матери, но рисковать он явно не хотел. Почему охотник застрелил индейца, я могу только догадываться, но второго поделника он пока забрал с собой.

Надеюсь, они не устроили засаду на новой тропе? На всякий случай стоит двигаться чуть в стороне от нее, среди кустов. Не так быстро, зато незаметно. Медведь при желании умеет не трещать ветками на весь лес.

Так что я, с досадой контролирую еще и упорно прущего следом с медведкой на привязи мужа, медленно двигалась в сторону побережья. Что?! Ну точно. Наученный горьким опытом папа соорудил дитю шлейку с поводком из подтяжек и ремня и теперь вел у ноги, как воспитанного терьера. Правильно! И по заднице потом еще... потом.

Труп второго сообщника шефа мы нашли на галечном берегу под высокой скалой, на которой гнездилась колония морских птиц. В этом месте еще остался след от глубоко засевшей в мелкий галечник лодки, но ни судна, ни шефа уже не было видно. Уплыл, причем за мыс ушел, значит, через пролив и к материку.

М-да... приведет подмогу? Или нет?

— Раз избавился от свидетелей, значит, не вернется, — Айвен словно услышал мои мысли. — Теперь никто не свяжет его с пропажей хозяина перспективного участка и моей семьи.

— Ты думаешь?

— Уверен. Джонс сейчас выждет время и попытается предъявить договор купли-продажи на участок, подделав мою подпись. Он уверен, что вы с Кристиной погибли, и почти уверен, что я мертв. А если и не был мертв в логове зверя, то точно с острова живым не выберусь после таких ранений — он же видел окровавленную рубашку.

— И что теперь? — Я подгрехала недовольно скулящую медведку поближе и обняла лапами. — Что мы будем делать теперь? Лодки, чтобы уплыть с острова, у нас нет. Да и куда я могу поплыть в таком виде? И дочь... она, по-моему, не контролирует свои превращения. Не дай бог на людях...

Глава 20

Жить мы перебрались в бывшее зимовье. Я, как самая равнодушная к чужим кишкам — а медведям на них в большой степени пофиг, — устроила там генеральную уборку. Попутно как раз раздумывала, что же тут произошло. В памяти, конечно, никаких особых новых сведений не всплыло, но дедуктивный метод нам на что?

Судя по размаху действия, кто-то довел Золотинку до крайнего бешенства. Это надо было постараться так качественно размазать охранника по хижине, чтобы я потом ни одной его целой запчасты не нашла. Серьезно, не медведица тут буйствовала, а какая-то разрывная бомба.

Кристинка, кстати, на осторожные расспросы отреагировала совершенно спокойно, заявив, что три злых дяди куда-то побежали, а один самый злой остался и начал кричать на девочку, чтобы она не плакала. И даже ударил, а когда она не перестала кричать, замахнулся топором. А потом... а потом она не помнит. Но злых дядей больше не было.

Я этого злого дядю вымела из дому с большим удовольствием, очень радуясь пофигистично настроенной медвежьей части природы. Запах ей не мешал, вид человеческих запчастей хищного зверя никак не трогал, слава богу еще, что и гастрономического интереса к этой мясной нарезке она не испытывала, а то мне кажется, меня бы и через этот пофигизм стошнило.

Помогала здоровая злость. Без нее я не уверена, что справилась бы. Сволочь такая, да как он мог?! И не жалко ничуть.

Я даже заставила Айвена принести много-много кожаных ведер с водой и от души плескала на пол, на стены, даже на потолок, смывая все это непотребство. Жаль, конечно, у меня под лапами нет современных чистящих средств, но тут уж как вышло, так вышло.

А еще я потихонечку собрала в одну кучку и быстро прикопала за домом окровавленные обрывки женского и детского платья. Не знаю, почему-то это показалось мне очень важным. Словно похоронила бывшую хозяйку этой жизни... а еще мне почему-то не хотелось, чтобы эти страшные обрывки увидели Айвен с Кристиной.

Ну и вот... все равно какое-то время нам придется жить на острове. Как вражий шеф уплыл на лодке без весел, я не знаю и даже не догадываюсь... Ах да, там же был парус! Но мы на веслах без лодки точно не уплывем далеко.

Я уже обдумала вариант перебраться через пролив самой, в одиночку. Медведи отлично плавают и могут держаться на воде очень долго. Но! Медвежата так не могут, а верхом на мне обоих не перевезти, я все же мишка, а не грузовая баржа.

Вода в заливе уже слишком холодная, чтобы Айвен далеко уплыл сам. Короче, жить нам на острове, пока не придумаем, из чего построить лодку или плот. А к людям и вовсе соваться рано.

Все хорошо, одно плохо. Уже конец августа — Айвен сказал, что сегодня двадцать седьмое число. Очень скоро на моем любимом острове станет неуютно и слегка голодно. Если бы не человекоподобный муж и туда-сюда ребенка, я бы даже не заморачивалась: наелась бы лосося и залегла в зимнюю спячку. А теперь номер не пройдет.

Значит, что? Значит, надо обустроиваться. Одевать ребенка, одевать мужа, и все это с учетом приближающихся холодов. Я, конечно, что могла — то награбила в лодке паразита. И дом нам достался не совсем пустой, но в целом положение почти катастрофическое.

Запасов нет. Перспективы их заготовить туманные. Умеет ли Айвен выживать в дикой природе — неизвестно. Если он все то время, что Золотинка его знала, жил в фактории... то ой. Вряд ли он приспособлен к применению его в диком индейском хозяйстве, которое я тут собираюсь организовать.

Значит, что? Значит, Златка, за выживание ребенка и мужа отвечаешь ты. Надо срочно вспомнить все, чему тебя учила индейская старушка, все, что ты читала, смотрела в ютубе и пробовала в скаутском лагере. Плюс рассказы бабушки про суровую российскую жизнь прошлого века.

Ты будешь мозгами, носом и трактором, а ловкими пальцами придется побыть мужчине и девочке. Интересно, кто из них раньше научится шить и готовить — Кристина или Айвен? Это будет даже забавно. Устроим соревнование! Это прописная истина — кроме еды выживальщикам обязательно нужно чем-то занимать разум. И эмоции! Обязательно чтобы положительные эмоции!

Ладно. Начать все же стоит с того, что провести инвентаризацию имеющихся материальных ценностей.

Для начала у нас имеется хижина — сложенная из потемневших от времени кедровых стволов коробка примерно пять на пять метров, с односкатной дерновой крышей, выступающей небольшим навесом над входной дверью. Хижину эту строил явно не дурак, потому что сообразил поднять ее над землей на более толстых стволах, заменяющих фундамент. Что там в глубине под стенами — сваи или просто дикий камень, — я сейчас не угадаю, да это и не важно. Если сооружение простояло столько времени, то и дальше не развалится.

Внутри хижины даже настелен дощатый пол — это уже роскошь, хотя доски — горбыли, не слишком аккуратно и плотно подогнанные друг к другу. Ерунда, застелить их шкурами — и будет жилье суперкомфорт-класса!

Другое дело, что шкуры эти еще надо добыть. А потом обработать. И если с первой задачей я справлюсь, то вторая... ну что поделать, будем лепить из мужа правильную индейскую скво.

— Золотинка, что ты делаешь?

Мою вдумчивую ревизию прервали, и я мельком порадовалась давней примете — долго жить будет муженек, легок на помине.

— Зачем ты повытаскивала все эти вещи? — Айвен с интересом разглядывал художественно разложенные на парусине хозяйственные богатства. — Что ты собираешься с ними делать?

— Да вот решаю, чем раньше заняться, шитьем или консервированием? — Я села на хвост и в задумчивости почесала лапой живот. — А может, стоит связать пару сетей на лосося? Или хотя бы вершу сплести на первое время.

— Эм-м-м... извини? — удивился муж. — А как ты собираешься все это проделывать медвежьими лапами?

— Почему медвежьими? — Я в ответ хитро прищурилась. — Вполне человеческими. Твоими.

— Чего?! — поразился Айвен и уставился на меня расширившимися глазами истинного патриархального мужчины, впервые увидевшего, как выглядит домашнее хозяйство. — Моими?! Но я не умею.

— Ну что поделать, придется научиться. — Я пожала плечами. — Моими лапами, как ты сам понимаешь, много не пришьешь. И не приготовишь. И за ребенком, опять же, надо ухаживать, купать, расчесывать, косички заплетать. Сказку, так и быть, я сама расскажу.

— Ура-а-а, папа будет заплетать мне коси-и-ички! — Весело скакавшая по полянке (строго в пределах видимости!) дочь на бегу перекувыркнулась и шлепнулась на траву уже ребенком. — Папа! Ты не бойся, я тебя научу!

— Вот, половину проблемы уже решили. — Я постаралась не усмехаться во всю пасть. Хорошо быть медведем: можно безнаказанно троллить мужа и на твоей морде ничего особенного не будет написано, вполне невинное выражение между черным носом и моргающими глазками.

Глава 21

— По-моему, это дурная затея, — бурчал Айвен, перекладывая по парусине хозяйственную утварь, пока я задумчиво медитировала на эту картину. — Золотинка, нам надо не выдумывать способ заставить меня заниматься неестественными для мужчины делами, а выбираться отсюда. Бог с ним, с золотом. То, как я вас едва не потерял, мне мозги от амбиций как-то разом прочистило. Вернемся в Славскую империю, я помирюсь с родителями... признаю, какой был идиот. Бабушка с дедом помогут диалог наладить, наверняка. И заживем нормально.

— По-моему, это ты поздно додумался, — хмыкнула я. — Давай разбирай, не отлынивай. Как ты себе представляешь жену-медведицу в большом городе? А ребенка-перевертыша?

— Так вот эту проблему и надо решать! — Айвен в сердцах бросил долото в сиротливую кучку инструментов, состоящую из двух топориков, гвоздя и нескольких железяк неопределенно-гнутой формы. — Надо понять, как превратить тебя в человека, построить плот и...

— Хорошо, если это получится сделать быстро. — Я кивнула. Говорить о том, что, возможно, я вообще никогда не смогу превратиться, сейчас не хотелось. — А если нет? Будем вместе помирать с голоду и морозить ребенка только потому, что в тебе мужской гонор вызыграл?

— Ну хорошо, утеплить эту недоделанную избу я сумею. — Муж с некоторым сомнением покосился в сторону хижины. — С охотой тоже справлюсь и рыбы наловлю. Но, Золотинка, я совершенно не умею готовить или, там, шить. Не говоря уже о прочем хозяйстве. Это противоестественно, ты понимаешь? Что это за ковырялка? Странная какая.

— Это скребок для выделки шкур, положи к инструментам. Очень нужная вещь. А что касается остального, скажи-ка мне, дорогой, а вот эти старатели, у которых ты принимал руду в конторе при фактории, они все на прииск ездили в сопровождении прачки, няньки, кухарки и швей? Нет? И никто не помер? И ни у кого... кхм... мужское достоинство не отвалилось оттого, что они сами себе готовили, стирали и шили, правда?

— Ты очень странно рассуждаешь! — возмутился Айвен, с отвращением распутывая сбившиеся в невнятный куль уворованные одежды. — Раньше ты никогда так не говорила, и вообще! Нашла с кем сравнивать. Ты их видела, этих золотодобытчиков? В каком виде они приходят в факторию? Да к ним подходить ближе чем на пятнадцать шагов боязно, и то с наветренной стороны.

— Ну не преувеличивай, не все такие. — Тут я, что называется, включила угадку, потому что никакой информации Золотинка мне не оставила. — Кто-то, конечно, похож на дикого кабана, выбравшегося из болота, а кто-то вполне сохраняет человеческий облик. И вообще, я что, зря выходила за самого сильного и умного мужчину в округе? Да я уверена, что ты справишься в сто раз лучше любого дурацкого старателя.

Айвен, уныло разглядывающий грязный закопченный котелок со сколотым краем, аж воздухом поперхнулся и поднял на меня глаза, в которых сначала плескалось изумление такой наглой и прямой манипуляцией, а потом заискрился смех.

— Хитрая скво! — сказал он. — Думаешь, я забыл твои сказки про умную бобриху и ее мужа, каждую весну чинившего плотину? Ладно... здесь я вроде все разобрал. Что теперь?

— Спать сегодня в доме еще нельзя. — Я задумчиво повела носом. — Там все пахнет... несмотря на пятьдесят ведер воды. Стены и пол сырые, надо ждать, пока все высохнет. Значит, с обустройством жилья подождем, займемся запасами на зиму. Пошли вершу мастерить, я тебя научу.

— Это из твоих индейских штучек? Может, все же сеть сплести?

— Сплетем. Но для начала и верша пойдет, все больше наловим, чем руками и лапами. А потом я буду учить тебя шить мокасины, потому что мне не нравится, когда Кристина бегает по лесу босиком. Она все же не индейский ребенок. К сожалению.

— Ты такая уверенная стала, — заметил Айвен. — В фактории ты такой не была. То есть дома была, а среди людей...

— Там же все чужое, кроме тебя и Кристины, — я пожалала медвежьими плечами. — А в лесу — родное и понятное. И индейское хозяйство я знаю. Пойдем делом займемся, некогда болтать.

Ага, а то мы и без того вступили на зыбкую почву различий между бывшей женой и нынешней. Я отвечаю часто на одной интуиции и угадке, вечно везти в этой игре мне не может. Можно все списать на частичную потерю памяти — тут помню, тут не помню. Но это слишком странно будет смотреться.

Вершу плести я умела. Когда-то. А теперь могла только руководить действиями Айвена, ну и заодно выпасать Кристинку, потому что этой егозливой козе категорически не сиделось на одном месте. Пришлось ловить мелкую лапами поперек пуза, прижимать к груди и держать. И руководить.

И знаете, что я вам скажу? Фиговое это дело, быть боссом! Потому что за результат ты отвечаешь, а шевелить лапами надо заставлять других. И этим другим, точнее другому, надо словами — СЛОВАМИ! — правильно объяснить, что за странную штуку вот из этой ободранной ивы ты хочешь в результате получить. И как для этого надо правильно срезать прутья. И зачем их замачивать. И как переплетать. И нет, в такие дыры уплывет даже медведь, не то что лосось! Путья надо класть чаще!

В конце концов, спустя почти три часа, я готова была лично срезать целый лес ивовых веток и отстегать непонятливые трудовые резервы по чертовым штанам, чтобы они, резервы эти, прекратили занудить, ругаться, дразнить вершу кривобокой корзиной и делали все, как я сказала!!!

— Очень сомневаюсь, что этой дырявой дрянью можно что-то поймать. — Айвен очень скептически оглядел дело рук своих и укоризненно уставился на меня. Вроде как я заставила его три часа заниматься ерундой. — Лучше бы мы нормальную сеть сплели.

— Из чего, из твоих волос, дорогой? — елейным тоном спросила я, вставая на все четыре лапы и переправляя уснувшего от скуки и усталости ребенка папе на руки. — Пошли, недоверчивый ты муж, я покажу тебе, как правильно воспитанная медвежья скво умеет рыбачить с помощью подручных средств лучше всякого рыбака с сетями!

— Угу, особенно когда руки для этих подручных средств чужие. — Айвен поудобнее перехватил Крис, с нежностью устроил ее голову у себя на плече и поплотнее завернул ее в накидку, которую мы первым делом соорудили из краденой рубашки злодея.

Глядя на то, как бережно и умело мужчина обращается с ребенком, я тихонько вздохнула и перестала раздражаться на него за то, что он все время ворчит и спорит. Главное — не слова, главное — дела.

Глава 22

Рыбалка началась с изучения ситуации. А то только конкурентов на рыбу нам не хватало. Я изображала хорошо подкованного в природных разборках медведя и, оставив семейство в кустах на берегу, не спеша зашла в воду. Какое-то время постояла среди потока, пристально наблюдая за рыбой, выбирая подходящую жертву. Ага-ага, плывут, родимые! Толстенкие, серебристо-лаковые, с красными пятнышками на плавниках.

Несколько быстрых прыжков — и рыбина забила у меня в лапах. Голодный зверь во мне взревел не своим голосом, горько сетуя на то, что весь день его заставляли заниматься противоестественными для нормального животного делами и даже ни разу не дали никого сожрать. Так что эта рыба МОЯ!!!

Да твоя, твоя, никто не отбирает. Жри, утробушка ненасытная. Мр-р-рням!

Чтобы медведь прекратил бунтовать и ходить внутри меня с транспарантами, на которых нарисован большой голодный желудок, пришлось скормить ему еще две рыбины. А потом я усилием воли взяла себя в лапы, корзину-вершу в зубы и пошла вниз по течению, туда, где стремительный поток разбивался на узкие рукава между каменистыми порогами. Ага, вот хорошее место. Сейчас я примерюсь...

— Ур-р-рхаха! — Сразу десяток толстых, вкусных лососей, стремящихся умереть во славу будущих поколений, в пенных струях воды влетели в плетеную тюрьму и забились об ивовые стенки. Я, надувшись от гордости, поволокла свою добычу к кустам, в которых оставила семейство. Во-от, пусть кое-кто посмотрит, какая я умная, предусмотрительная и добычливая!

В кустах, впрочем, как и ожидалось, все было сложно. Сердитый Айвен, шепотом ругаясь разными смешными словами вроде «паршивая медвежонка» и «непослушная девочка», держал поперек пуза отчаянно размахивавшую лапками зверодочь. Муж вспотел, был красный и злющий, а маленькой поганке все нипочем, она рвалась в воду и тоже явно хотела ловить рыбку, большую и маленькую.

— С этим надо что-то делать! — в отчаянии пропыхтел мужчина, неизвестно в который раз перехватывая поудобнее почти вывернувшегося из рук толстого мохнатого слизняка. — Она превращается в самый неожиданный момент и бежит! Еле поймал...

— Если ты думаешь, что в человеческом виде она ведет себя иначе, спешу тебя разочаровать, — немножко съехидничала я. — Это ты целый день то в конторе, то по делам, приходишь домой, только когда ребенок уже убежался и смиренно спит. А нам, женщинам, с того момента, как поползло, покоя нет.

— Уф-ф-ф-ф, — выдохнул муж, с облегчением глядя, как я аккуратно перехватываю непослушную медведку шубами за шиворот. — А я хотел второго... О!

Это он заметил полтора десятка рыбин в самодельной рыбачьей снасти. Впечатлился, полез их доставать и щупать.

— Сначала с первой бы разобраться. Значит, так. Дай ей две рыбины, пусть ест, инстинкт ей подскажет, какие части лосося самые вкусные. А остальные тебе надо почистить, помыть, посолить и развесить на шнуре повыше между ветками деревьев, чтобы снизу какая зверюга не допрыгнула. И следить, потому что некоторые еноты, скажем, отлично лазают.

— Помыть и почистить? И одновременно смотреть за ребенком?

— Ну да, обычное же дело, ничего сложного. Испокон века так рыбу на зиму заготавливают. Потом еще и подкоптить надо будет, я тебе покажу, как печку-коптилку выкопать в склоне холма, по индейскому методу. Но сначала тушки надо подготовить. А я пошла дальше добычу добывать.

Айвен что-то там явно бормотал мне вслед, но я уже радостно рысила к середине реки, взбивая водяную пену лапами. Хо-хо-хо-о-о-о! В кои-то веки пойманную мной рыбу будет чистить кто-то другой, а я поймею удовольствие от добычи, не убиваясь над переработкой. А то, блин, вечно эти охотники ходят с такими лицами, словно делают самое сложное и важное дело на свете, а всякие скво с детьми и скребками у костра — это так, обслуживающий персонал, который всю дорогу балду гоняет.

Во-от теперь добычицей буду я, а скво будет изображать кое-кто другой. И мне это нравится! Поневоле стоит задуматься, а оно мне надо — искать способ превратиться обратно в человека? Как пить дать, тут же припадут к домашнему хозяйству.

Ладно, во всяком случае сейчас я чувствую себя вольной медведицей с большой корзиной для рыбы! Ийех-х-о-о-о! Держись, лосось, сейчас я начну заготавливать тебя тоннами!

К тому моменту, как крутобокое солнце начало, позевывая, натягивать на себя мохнатое одеяло лесистых холмов, гора лососей на берегу выросла до угрожающих размеров, а яма, которую под моим руководством Айвен выкопал для того, чтобы похоронить там рыбы внутренности, заполнилась до краев.

Муж был похож на дико злющего и ужасно грязного черта. Объевшаяся рыбой малявка тоже перемазалась в кишках и чешуе по самые уши, причем в самом буквальном смысле слова. И одна я была довольна так, что буквально лоснилась от осознания собственной добычливости и запасливости.

— Чтобы я еще раз... — шипящим злым шепотом поведал Айвен, косясь на задремавшую на пригорочке зверодочь, — чтобы я хоть когда-нибудь...

— Здравсте, приехали. — Я отошла на пару шагов и как следует встряхнулась, став похожей на взлохмаченную черную щетку для вытирания пыли. — Ты что, думаешь, этой малости нам хватит, чтобы перезимовать? Да мы только начали! Еще минимум две недели будет ход рыбы, и ни одного дня нельзя потерять зря.

Айвен уставился на меня расширившимися глазами и взвыл, разом забыв, что не хотел будить дочь.

— Не-е-ет!

— Да-а-а! И кроме рыбы нам еще кучу всего надо будет заготовить. — Я села на на хвост и принялась перечислять, по одному загибая когти:

— Мясо поймать, ободрать, разделить и засушить-прокоптить. Сухожилия, опять же, для шитья обработать. Шкуры очистить и промять, вымочить, обезжирить, ну там свои способы, я тебе расскажу и даже смогу немного помочь. Ягоды. Грибы. Травы целебные! По видам рассортировать, правильно засушить, под крышей развесить. Одежду тебе и мелкой сшить. Мокасины смастерить...

— Золотинка, ты издеваешься?! — не выдержал муж. — Знаешь что! Давай я лучше построю плот. Вот буквально повалю строевой лес хоть голыми руками, свяжу лианами, и мы уплывем с этого острова к чертовой... м-м-м-м... к моей бабушке в нормальную цивилизацию! Туда, где рыбу покупают в лавке, а мокасины, тьфу, ботинки шьет сапожник, а не медведица!

— Цивилизация от нас никуда не денется, — вздохнула я, глядя на Айвена с непритворным сочувствием. — Но я-то туда вернуться не могу. Если только в цирк. А насчет плота... Слушай, я все хотела спросить, но забывала. А где та лодка, на которой ты сам на остров приплыл?

Глава 23

— Эм-м-м... — Айвен вдруг смутился, как мальчишка, которого спросили о неприличных журнальчиках под

подушкой. — В общем... я не в себе был немного.

— Хочешь сказать, что добрался вплавь?! — не поверила я. — Без лодки?!

— Нет, конечно. Но была ночь, сильный ветер, волны. Мою лодку разбило о камни. Хорошо, у самого берега, — тяжело вздохнул муж.

Я изобразила медвежий фейспалм, но, по счастью, смысл этого жеста в данном времени неизвестен, так что Айвен не получил очередного удара по своему мужскому самолюбию. Надеюсь... тем более что нас вовремя отвлекла от занятой беседы проснувшаяся зверодочь.

Она очень смешно потягивалась, растопылив толстые лапки во все четыре стороны и умильно зевая. Потом, еще даже не открывая глаз, повела носом и радостно хрюкнула, нацелившись на ближайшую к ее лежбищу кучку разделанных рыбин.

— Лопнет! — сдавленно охнул муж, глядя, как маленькая медведка ловко подгребает под себя сразу четыре тушки. — Золотинка! — воззвал он ко мне.

— Не, не лопнет. — Я задумчиво почесала нос. — Но сам видишь... того, что мы за день наловили, ей в лучшем случае на пару-тройку полноценных обедов и завтраков. Короче говоря, заготовкам быть. И отлынивать нельзя!

— Лучше бы она кашу так ела, — пробурчал Айвен, глядя, как рыбки тушки одна за другой исчезают в упитанном детеныше. — Ладно... что там дальше с этой дрянью надо делать? — Он с невыразимым отвращением на перепачканном лице попытался отряхнуть чешую, прилипшую по всему его организму почти равномерным слоем. — Пока кое-кто не сожрал все припасы!

— Коптилку завтра будем копать, — после короткого раздумья решила я. — Сегодня поздно уже. Еще хорошо, что у супостатов в зимовье мешочек соли нашелся. Но ее мало. Надо будет добывать морскую. Научу! — добавила торопливо, глядя, как расширяются мужнины глаза. — И помогу, там лапами можно обойтись. А пока давай, как я показывала, собирай рыбин на кукан, и пошли к избе, там развесим под крышей, чтобы ни один голодный енот не подобрался.

— И голодный медведь тоже, — вздохнул Айвен, покосившись на радостно прыгающую по гальке зверодочь. Ребенок наелся, преисполнился оптимизма и теперь на пару с этим оптимизмом резво ловил лунные блики на мелководе. — Из речки сама ее выгоняй. А я искупаюсь быстренько, пахну какдохлый лосось. Не дай бог, ночью дочь проголодается и перепутает отца с запасами провианта

— Это ты правильно решил, — я кивнула и коротко рявкнула по-медвежьи, изобразив голосом то, что в инстинктах было прописано как призыв-тревога для потомства, чтобы кончали по кустам дурью маяться, медведь пришел.

Ха! Как я и думала, вместе с пушистой черной шубой, украшенной белым барибальским слюнявчиком, зверодочь получила и все медвежонкины рефлексy. Так что после моего рявка она мгновенно встала столбиком по колено в воде, изобразив настороженного суслика, а потом со всех лап кинулась под защиту материнских зубов и когтей.

Я довольно хмыкнула, и тут у меня в памяти всплыл еще один маленький кусочек мозаики про прошлую жизнь Золотинки и ее семейства. «Мама красивая, папа работает. Папа приносит конфеты и балует, мама рассказывает сказки и ругает, если шалить. И может отобрать папины конфеты, если ее не слушаться». Короче, мамы мы слушаться привыкли, а с папой можно покапризничать. И лапками подрыгать.

Интересно, когда ребенок в следующий раз надумает превращаться в человека? И не вредно ли ей столько времени проводить в зверином облике? Я за собой пока не замечаю никаких психических изменений, но, во-первых, я взрослая, сформировавшаяся личность, а во-вторых, провела в теле медведицы всего ничего — чуть больше суток.

А мелкая, постоянно бегая на четырех лапках и лопающая сырую рыбу, может привыкнуть к такому образу жизни, потом будет девочка-маугли. А я не теряю все же надежды когда-нибудь вернуться к людям. Природа — это хорошо, но цивилизация мне тоже нравится.

Значит, вернемся к месту ночевки и буду агитировать ребенка очеловечиваться. На сказку ее выманить, может? Дети любят сказки, это хорошая приманка. Расскажу ей про Машу и трех медведей!

Или не торопиться? За одну ночь деточка вряд ли окончательно одичает, зато не будет проблем, куда ее уложить и во что укутать, — мишке вон под тем кустом был готов и стол, и дом. Да, пожалуй, так правильнее будет.

Пока я предавалась педагогическим размышлениям, Айвен нанизал на гибкие ивовые прутья, свернутые в кольца, весь наш сегодняшний улов, хозяйственно пристроил вершу в развилку растущего у реки дерева и крепко ее там чем-то примотал. Понятно, ему с утра не улыбалось плести новую снасть. Вот так соображалка и практичность просыпается в людях, вынужденных выживать вопреки всем милостям природы. Глядишь, так муж окончательно приучится вести хозяйство.

Подгоняя перед собой круглопопую непоседу, весело скакавшую по дорожке после сытного ужина и сладкого сна, мы неторопливо двинулись к хижине. Я шла последней и с интересом наблюдала за своим названным мужем. Собственно, знакомы с ним всего один день, а я уже совсем перестала ассоциировать этого мужчину с безмозглым Гринчем из своего будущего прошлого.

Во-первых, Айвен был старше. Во всяком случае, выглядел старше. Это был взрослый мужик, а не юный беззаботный мажор. Во-вторых, пощупав и разглядев его поближе, я не только незнакомую медвежью татуировку обнаружила, но и заметно более широкие плечи, крепкие запястья и хорошо прокачанный мышечный корсет в целом.

С точки зрения четвероногой медведицы судить трудно, но Айвен, кажется, даже ростом был чуть повыше, чем Гринч, но тут я могу и ошибаться. А самое главное — у него глаза были совсем другие. Цвет тот же, разрез такой же, ресницы... и в то же время словно бы ничего похожего. Ну не умел вредный мальчишка из будущего смотреть с такой добродушной прямоотой. Не было в серости его глаз такого стального блеска и такой доброй смешинки. Как это умудрялся сочетать Айвен, я не знаю, но получалось же у него.

Он, когда в речке мылся, штаны снял и даже быстренько прополоскал, а потом натянул на себя мокрые. Тут, конечно, дурень, не дай бог, себе чего-нибудь нужное простудит, но, с другой стороны, к дому мы топаем быстро, а ночь еще не настолько холодна — есть шанс содрать с него мокрую тряпку раньше, чем у него отвалятся почки. Но не это сейчас занимает мои мысли. А то, как я, натуральная медведица, подглядывала за голым мужиком, хотя он и ушел от нас с Кристинкой выше по течению и там спрятался за нависающими над водой кустами.

Он спрятался, а я того... прокралась. И вот теперь все пытаюсь сама с собой разобраться — зачем?! Убедиться, что у него на заднице еще каких-нибудь зверей не вытатуировано? Проследить, чтоб посторонние хищники не съели наши рабочие руки? Или просто из женского любопытства?

Вопро-ос... на который ответа я не знаю. Казалось бы, какое женское любопытство к голому мужику у медведицы? Меня скорее мохнатые окорока какого-нибудь брутального барибала должны интересовать. А вот нет... полезла любоваться на мужскую попку.

И знаете что? Мне понравилось то, что я там увидела. Вот ужас-то!

Глава 24

Снять с Айвена мокрые штаны оказалась та еще задачка. Ибо он вцепился в них как в родную маму и давай бухтеть про то, что ребенок-девочка ни за что не должен видеть своего авторитетного родителя в неглиже.

Я с пеной у рта доказывала, что ребенку-девочке до шишки на сосне, чего там на папе надето, что она уже видела его полудохлого и даже помогала полоскать в реке, что мокрый папа с упрямством во взоре ни фи́га не способствует поднятию родительского авторитета... все без толку.

В конце концов я рассвирепела и шокировала мужа почти насмерть, заявив, что если он к лысым лосям застудит себе сейчас простату, то я не пожалею медвежьей лапы, чтобы надрать ему дурную задницу, ибо в перспективе хочу еще детей, а у отмороженных на всю голову никаких детей не предвидится ни в ближайшем будущем, ни в отдаленном!

Не знаю, что выбило Айвена из колеи больше — мои познания в мужской анатомии или решимость разобраться с непослушным мужем с позиции силы. Хотя я на последних остатках осторожности все же не стала углубляться в медицинскую терминологию и обозвала простату «мужской железой», он все равно впечатлился по самые пряники.

Я воинственно выдвинула челюсть, благо сейчас мне было что выдвигать, и решила дожать:

— Если сам не снимешь, я их когтями сдеру в лоскуты и будешь вообще ходить перед дитем круглые сутки голым! Пока сам себе новые не сошьешь из добытых и обработанных по всем правилам шкур! Кристина спит уже на ходу, делать ей больше нечего, как твои трусы разглядывать и не уважать!

— Меня всегда поражало твое природное бесстыдство, — пробухтел почти сдавшийся Айвен. — Я все понимаю, тебя воспитывали индейцы, они ничего не понимают в цивилизованных обычаях и приличном поведении. Но не до такой же степени!

Уф-ф-ф-ф, а я уже успела немного испугаться, что меня сейчас разоблачат. Повезло, что Золотинка тоже придерживалась простых и понятных отношений между людьми, а не этих средневековых фанабериев, когда без рулона тряпки, наверченного вокруг туловища так, что не вздохнуть, и в люди не выйти.

— Именно, что до такой. Я хочу здорового мужа, а не мороженого червяка.

Айвен поперхнулся и вытаращил на меня глаза, и я тоже пасть лапой прикрыла, поняв, как двусмысленно прозвучало мое возмущение.

— Ты похож на мороженого червяка, весь, целиком! Синий вон уже, — торопливо попыталась я исправить впечатление. — А не то, что ты подумал... и кто из нас после этого, спрашивается, испорченный мальчишка?!

Айвен хрюкнул, фыркнул и вдруг расхохотался. Ну и я с ним за компанию, особенно когда убедилась, что муж махнул на все рукой и таки расстегивает пуговицы на поясе.

А я, в угаре и запале спора, нет чтобы отвернуться, как приличная, значит, скво, уставилась на мужа с таким интересом, словно он мне сейчас стриптиз спляшет вокруг сосны, с фирменными па и фокусом со шляпой.

Айвен чего-то мой интерес не оценил. Или, наоборот, оценил, но неправильно. Застегнул штаны обратно и ушел в кусты, что-то невнятно бормоча себе под нос. Сказать, что я испытала разочарование, — это ничего не сказать. Я тут пашу за себя и за ту тетеньку, из медвежьей шкуры едва не выпрыгиваю, понимаешь, а мне даже стриптиза не дали!

Уныло пронаблюдав, как из кустов высунулись две мужские руки и аккуратно, расправив и как следует встряхнув, развесили штаны повыше на ветке дерева, я обиженно выпятила нижнюю губу и пошла смотреть, чем там занята наша потомственная медведка. Когда спор с Айвеном на предмет раздевания только начинался, эта толстолапая егоза как раз пристраивалась на куче хвои и веток под навесом у хижины в обнимку с очередным лососем. Есть она его уже не могла — налопалась так, что круглое пузико при ходьбе едва не цеплялось за землю, но и отдавать не хотела ни в какую. Сунула рыбий хвост в пасть, как соску, и, сладко причмокивая, задремала.

За нее можно было не беспокоиться, ночью в медвежьей шубе не замерзнет. А вот насчет раздетого до трусов мужа у меня по-прежнему уверенности не было. Сейчас вылезет из кустов, все такой же мускулистый в синюю пупырышку от вечерней свежести, и как его, спрашивается, греть?

По идее, обнимашками вполне обогревается один среднестатистический муж, проверено на себе прошлой ночью. Но тогда он был без сознания, лежал и не брыкался. А сегодня у меня нет никакой

уверенности, что Айвен будет вести себя так же покладисто и тихо. Хватать силой, обнимать и тащить? Ну совсем как-то по-троглодитски получается, вроде как дубиной по башке, за косу и в пещеру. Нет, если его стукнуть покрепче, до потери сознания, он, конечно, будет изображать примерно мальчика до самого утра и точно не замерзнет. Но этот метод влечет за собой кучу дополнительных сложностей: а голову ему потом кто будет лечить? Я и так тут прыгала на четырех цыпочках, чтобы выскрести Золотинкиного мужа с того света, не дай бог, стукну сильнее, чем надо, и привет. И потом вряд ли утром Айвен, даже если очнется, скажет мне: «Спасибо, родная, за тепло и ласку». Я бы на его месте тоже сказала немного другие слова, да...

Короче, надо договариваться по-хорошему. Как-то с женской хитростью подкатить... или что? Эх, не сильна я в хитростях.

— Ну и что ты сидишь с такой мордой, словно я у тебя бочонок меда отобрал и теперь собираюсь стрескать его в одиночку? — поинтересовался муж, подходя ближе.

Я скосила на него глаза и тяжело вздохнула — у-у-умный... зараза. Обмотал свои трусы уворованной курткой, а вторую, немного драную, вместо рубашки надел. Зато сапоги снял. Так что я из всей мускулистой красоты могу оценить только стройные щиколотки и хорошо развитые мужские икры. Клевые ножки, короче. Красиво, но мало!

— Иди сюда, горяшко ты мое лохматое. — Айвен осторожно сел на кучу лапника рядом со спящей Кристиной.

— Я тебя хоть обниму... мне спокойнее будет. А то шатаешься по острову, изображаешь дикого зверя, опасностей под носом не замечаешь. Не жена, а недоразумение одно!

Я от изумления уронила челюсть на грудь и какое-то время пыталась развести собравшиеся в кучку глаза. Потом помотала головой, подумала немножко и... пошла. Забралась под навес, хозяйственно сгребла лапник вокруг мужа и детенки, имитируя одно большое гнездо, и со вздохом улеглась. Искося поглядывая на Айвена, сама не знаю, то ли настороженно, то ли выжидательно.

— Другое дело. — Мужчина обнял меня обеими руками за шею, ничуть не смущаясь моими размерами и меховатостью, притянул к себе и звонко чмокнул в нос. — Не расстраивайся, Золотинка, все будет хорошо. Я не дам вам пропасть, и вместе мы придумаем, как выбраться. Надо тебе по хозяйству помочь — научусь. Спи, родная. Я с тобой.

И знаете... мне вдруг именно в эту минуту так грустно стало. Оттого, что я не настоящая Золотинка и это не мой настоящий муж... Почему для того, чтобы встретить такого отличного парня, обязательно надо провалиться в прошлое и стать медведицей? Почему?!

Глава 25

Мне снилось, что у старой кривой сосны, чуть в стороне от зимовья, за маленьким пригорком, стоит большое зеркало в старинной тяжелой раме с немного облезшей позолотой на завитушках. Зеркало тоже старое и от этого слегка мутное, словно подернутое едва заметной, полупрозрачной паутиной с мелкими вкраплениями шелушащихся веснушек цвета ржавчины.

Я подхожу к этому зеркалу с замирающим сердцем: я знаю, что, или, точнее, кого, я там увижу. И точно, за подернутым временем стеклом стоит она.

Золотинка — очень точное имя. Похожа на меня, как это самое отражение в зеркале, но и чуть-чуть другая. Волосы самую малость светлее и отливают не червонным золотом, как у меня, а скорее осенними кленовыми листьями. Кожа зато немного смуглее, и от этого голубые, немного раскосые глаза кажутся ярче.

Она смотрит на меня и улыбается, а я разглядываю ее кожаную накидку и красиво расшитые мокасины, бахрому на штанах из оленьей кожи и почему-то робею поднять взгляд, чтобы прямо посмотреть ей в лицо.

— Дурочка, нашла чем голову себе морочить, — вдруг говорит отражение. — Никакая ты не самозванка. Ты пришла, потому что я тебя позвала. Я сама отдала тебе мужа и дочь, потому что иначе они оба погибли бы.

— А ты?! — спрашиваю я и замолкаю в последний момент, не смея прямо произнести страшное.

— А я умерла. — Золотинка пожимает плечами, как будто говорит о чем-то совершенно незначительном и неважном. — Бывает. Жаль, конечно, что этот подонок убил меня раньше, чем я смогла пробудить кровь и превратиться в зверя. Но зато я сумела позвать тебя, и ты с превращением прекрасно справилась.

— То есть... — У меня разом прошла вся робость, от обалдения. — Погоди-ка. То есть ты хочешь сказать, что это я превратилась в медведицу и... э... размазала гада по всей хижине мелким фаршем?! Не ты?!

— Я бы его еще мельче покрошила, подонка, — недобро усмехнулось отражение, и я как-то сразу ему поверила.

— Но когда он замахнулся на Кристину топором, мне рассуждать было некогда, я только-только руки от веревки распутала и кинулась наперерез, закрывать дочку собой. Слишком быстро кинулась, он не рассчитал и с одного удара мне голову проломил.

Я поежилась. Как страшно! Даже вот так с чужих слов услышать — страшно, а пережить? Не дай бог! И как же я понимаю Золотинку, любая мать, не рассуждая и не задумываясь, кинулась бы под топор, чтобы спасти своего ребенка.

— Да, думать мне было некогда, — вздохнуло отражение. — Айвен совсем чуть-чуть не успел. Я его ждала и верила, что придет за нами и спасет. Он не мог не понимать, что, даже если отдать участок с золотом, живыми нас ему все равно никто не собирался возвращать.

На этом месте ее рассказа у меня перехватило дыхание. Она права... и почему-то мне вдруг стало казаться, что я сама, лично, все это пережила, что я не слушаю рассказ девушки, ушедшей за старое паутинное стекло, а вспоминаю. И испытываю тот же самый ужас, то самое отчаяние. И помню ту надежду, с которой молодая женщина ждала мужа, самого умного, смелого, самого... который придет за ними с дочерью обязательно.

Золотинка из зазеркалья посмотрела на меня понимающе:

— Это сейчас я знаю, что мой муж обо всем догадался и выследил похитителей. Вот только их оказалось больше, чем он рассчитывал, вдобавок один из подонков, тот, что ходил в дозор к морю, заметил опасность, он примчался в хижину с криками, что сюда идут люди с ружьями и надо всех убить.

— Мамочки! — не выдержала, пискнула я и закрыла рот руками.

От одного пересказа мороз по коже. Не зря же Золотинка тоже поежилась, заторопилась, выговаривала слова быстро, скомканно, словно боялась не успеть. А может, хотела поскорее уже закончить страшный рассказ?

— Трое пошли в лес, чтобы дать бой и перестрелять незваных гостей из засады... а тот, что остался нас стеречь, он был трус. — Девушка из зазеркалья перешла на шепот, и мне вдруг показалось, что он отдается по всему острову, рассыпается сухими крупинками страха вокруг еловых лап, шуршит

вместо песка с изъеденных ветром утесов. Этот шепот заполнил все вокруг и перестал быть словами из зеркала. Он превратился в видения, в ощущения, в запахи и звуки. Он превратился в страшную память.

— Кристинка заплакала... Я пыталась ее успокоить, но она так испугалась, что только кричала все громче, и тогда этот подонок вырвал ребенка у меня и отбросил в другой угол. А потом схватил топор и...

Я зажмурилась и зажала уши руками, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать. Я не хотела знать, что было дальше! И ни в коем случае не хотела вспомнить это «изнутри».

Какое-то время было оглушительно, до звона, тихо. Исчез Золотинкин голос, исчезли звуки леса, тихий шелест сонного ветра. И постепенно меня отпустило. Я выдохнула и открыла глаза, теперь уже без боязни и робости глядя в глаза своему отражению. Своему?!

Да! Я — теперь она. Почему-то именно в этот момент мне стало кристально ясно, что нет отдельной индейской девушки, вышедшей замуж за белого человека из далекой страны, и нет аспирантки-биолога из будущего, есть просто Я. Здесь и сейчас.

— Я оставляю их тебе. — Зеркало растаяло, и между прошлым и будущим больше не было стеклянной преграды. — Если ты захочешь, они станут по-настоящему твоими. И он узнает, полюбит тебя, именно тебя, если ты узнаешь и полюбишь его.

— А ты?!

— А я, собственно, никуда и...

Сон вдруг поплыл, окружающая картинка дернулась, словно занавес на школьной сцене, который неравномерно и слишком торопливо тянут в разные стороны добровольные помощники режиссера. Золотинкин голос растаял раньше, чем я успела расслышать окончание фразы, но в этот момент меня совсем не волновала недосказанность. А все потому, что я вдруг почувствовала на своей талии мужские руки, горячие, нежные, они обнимали так крепко и волнующе, что у меня голова закружилась даже раньше, чем в этом сгустившемся тумане разорванного сна мужские губы прижались к моим губам и...

И я, черт побери, проснулась окончательно.

Вокруг был серенький, сырой рассвет, рядом сладко сопела зверодочь, а мои по-прежнему мохнатые медвежьи бока крепко обнимал муж. Айвен трогательно подгрел мою огромную тушу поближе к себе одной рукой, другой так же крепко обнимал пушистую Кристинку и спал без задних ног. Целоваться даже и не думал.

Мне все только приснилось.

Ну лысые вам лоси же! Почему наяву я опять медведь?! Во сне же была человеком! И мне так хорошо было... так хорошо!

Наверное, мое обиженное сопение разбудило мужчину, потому что он заворочался, потянулся, улыбнулся сквозь сон.

— Золотинка? Иди ко мне, маленькая моя.

Угу. Щазз. Нашел маленькую. Как лягу сверху, так и раздавлю! Что за жизнь, а?!

Глава 26

Все утро я чувствовала какую-то повисшую в воздухе неловкость. Утренние обнимашки и приснившийся поцелуй не давали мне покоя, это понятно. Но почему тогда и Айвен так странно на меня косится, когда думает, что я смотрю в другую сторону?

Ну не тянет же его понежничать с медведицей? Это уже зоофилия какая-то, это точно не про него. А что тогда? Не могло же ему присниться то же самое, что мне.

Но неловкость неловкостью, а жить надо. Обустраиваться в расчете на долгую зиму. Да знаю, знаю я, что есть шанс убраться с острова в сторону цивилизации гораздо раньше, чем пушистая белая смерть придет с севера и остановит время до самой весны. Но твердо помню главное: надеяться стоит на лучшее, а готовиться всегда к худшему.

Поэтому сегодня мы сняли с петель дощатую щелястую дверь зимовья, раскупорили в другом конце сруба вентиляционные дырки и всеми силами ждем, когда сырое нутро избушки просохнет. Только после этого можно будет заниматься ее нормальным обустройством и утеплением.

А пока пора копать коптильню.

Сооружать ее решили в непосредственной близости от реки, чтобы Айвен, значит, рыл, я в это время орудовала в речке вершей, выгребая красноперое богатство природы, а шилополая егоза при этом была между нами и в пределах видимости.

Вчерашнюю рыбу, почищенную, хорошо просоленную и уже чуть заветрившуюся за ночь, мы тоже принесли с собой. Как раз первым делом в коптилку и пойдет. Я научила Айвена индейскому способу быстрой заготовки — это когда мясистое филе с обоих боков тушки срезается и вялится отдельно, но и хребет с остатками мякоти и головой не выкидывается, а висит по соседству, высыхая на ветерке. Зимой в похлебку такие хребты на ура пойдут, придавая бульону наваристость холодца.

— Не-не, хватит палкой ковырять, руками выгребай, — орала я с середины речки пыхтящему и явно тихо ругающемуся на склоне глинистого холма мужу. — Кристинка! Брысь! Айвен, ну обернись ты, она прямо за тобой твои труды обратно закапывает! Мелкая! А ну иди сюда! Иди сюда, кому сказала! Рыбу дам! Обжора маленькая... Деточка, а ты не хочешь поплавать? Нет, не в шубе, как мишка, а без всего, как девочка? Водичка, конечно, прохладная, но немножко можно. Что, не хочешь? Ладно-ладно, не ори так, большой медведь придет. Иди вон к тем камням и гони рыб на меня. Чтобы в вершу... О! О-о-о! Деточка, да ты гений рыболовли!

И правда, почти на два часа Кристинка оказалась занята интересным ей делом и не досаждала ни мне, ни отцу. Вовсе даже наоборот, дитя довольно успешно колобродило посередине реки, прыгая, плескаясь и визгливо рывкая в воду, лупя по ней лапами и забавляясь от души. Чем успешно шугала идущего на нерест лосося, и он всей толпой ломился в левый проток, где его поджидала большая медведица с ивовой корзинкой.

— Может, хватит на сегодня? — время от времени несколько тоскливо вопрошал Айвен, все еще ковыряясь в глине и с непередаваемой тоской поглядывая на растущую кучу рыбьих тушек. Его можно было понять — чистить, резать и солить все это богатство тоже предстояло ему.

— Ход лосося всего две недели с небольшим, — пыхтела я из реки, жадно загребая водяные потоки ячеистой ловушкой. — Тут такое дело, когда день год кормит. Можно и спать поменьше, и есть побыстрее, лишь бы ни минутки зря не потерять. Потерпи, дорогой, я сейчас все... выловлю... и приду тебе помогать.

— Всю реку вычерпаешь?! — с нотками саркастического ужаса отзывался муж и делал квадратные глаза. — Золотинка! Ты лопнешь от жадности и растворишься в этой реке! Сколько можно мокнуть? Вылезай, отдохни, обсохни, а то...

— Еще скажи «а то простудишься»! — фыркала я, с алчным сопением выгребая очередную партию улова из потока. — Ты копай давай, не отлынивай! Топка у тебя что надо вышла, теперь нужно вырыть длинную узкую траншею вдоль макушки холма, это будет труба, в которой дым должен успевать остыть. Нам нужно холодное копчение.

— Золотинка, я все понимаю, но существуют законы физики. — Айвен нашел повод передохнуть, поэтому радостно отряхнул руки и вылез из раскопок, чтобы прочитать мне лекцию по умному мужскому естествознанию, недоступному для слабого женского мозга. — Дым не будет идти по канаве, он поднимется вверх сразу же над верхушкой топки и вылетит в дыру. Понимаешь, горячий воздух легче холодного, поэтому он стремится вверх и...

— Ты мне про повадки дыма будешь рассказывать? Па-а-а-аберегись! Уй... ну чего ты под рыбой

встал, как дундук?! Не ушибся? Тьфу на тебя. Конечно, дым не пойдет по канаве просто так по нашему слову, мы ее сверху закроем решеткой из палок и дерном, получится как раз длинная горизонтальная труба, понятно? Дерн, кстати, тоже нужно будет заготовить.

— У-у-у-у! — застонал муж. — Лучше бы я золото мыл на прииске... там работа тоже не подарок, но ни один старатель так не впахивает, как здесь!

— А ты думал, — я гнусно захихикала, исподтишка наблюдая за тем, как ходят под гладкой мужской кожей хорошо проработанные мышцы. Хе-хе, покопает пару дней, они у него еще красивее и развитее станут. — А ты думал! Женская работа, да? Легкая, что там по хозяйству делать, раз-два, повернулась, полотенчиком помахала и спи-отдыхай?

К тому моменту, когда солнце вползло на вершушку самой высокой горы и присело отдохнуть на лесистый гребень, праздную полдень, коптильня была готова, а муж и зверодочь вымотались так, что теперь лежали на расстеленном в песке парусе парой дохлых тушек и ленились даже лапкой пошевелить. Ну, в отношении Кристинки лучше и не придумать, ребенку нужен дневной сон, а родителям отдых от присмотра за гиперактивным шилом в мохнатых окорочках. А вот Айвен рано выдохся. Но тут я уже повела себя как человек, а не как жадная медведица и дала мужу передышку. Заодно и сама вылезла из реки, села возле сваленного кучей улова и какое-то время удовлетворенно на него медитировала. Мно-ого рыбы, хорошая рыба, жирная рыба. Нечищенная рыба!

Ы!

Как бы так приспособиться потрошить ее медвежьими когтями? Я, конечно, устала шуровать плетенкой в реке, даже у медведей есть предел прочности и сил. Но Айвен все утро тоже не балду гонял, и по-честному надо дальше работой делиться. Вот если поддеть когтем за головной плавник и дернуть... ыть! Немного неаккуратно, но кишки, плавательный пузырь и пленку с икрой я выдернула буквально одним движением. Ай да я! Ай да хозяйюшка-умничка! Так, мне срочно, срочно нужен горшок! Много горшков! И так вчера сердце кровью обливалось, когда отборная лососевая икра шла частью в помойную яму, частью в пасть ненасытной медведке. Нет, для дочери не жалко, но она раньше лопнет, чем сожрет все, что можно выудить из идущего на нерест лосося. А это ж ценнейший припас на зиму!

— Муж! Вставай!

— Ы-ы-ы-ы...

— Вставай, муж! Труба, в смысле икра, зовет! Сейчас почистим рыбу, повесим ее вялиться до вечера, в коптильню ее надо вешать на ночь... и пойдём строить печь для обжига! Нам нужны горшки! И еще солеварню надо на берегу организовать... Столько дел, столько дел! Вставай!

Глава 27

Икру мы решили солить старым саамским методом, о каком я слышала от бабушки, — она работала с

геологической партией на севере и рассказывала множество баек времен своей молодости, в том числе и хозяйственных.

Нам очень повезло, что в зимовье нашелся небольшой, но крепкий бочонок из под виски. Судя по надписи на его пузатом темном боку, виски было так себе качества, но я посчитала, что с глубокой стерилизацией внутренностей оно все равно справилось неплохо.

Айвен, до небес счастливый оттого, что ему не придется строить еще одну печь, а потом лепить и обжигать в ней горшки, с готовностью помогал мне в несколько приемов ошпаривать дубовые внутренности кипятком — вместо стерилизации, а потом аккуратно укладывал в бочонок икру слоями, более чем щедро пересыпая их солью. Прежде чем такой деликатес можно будет есть, его придется вымачивать, но это ерунда.

Потом, через несколько дней каторжной работы, когда емкость наполнилась рубиновыми шариками до краев, муж послушно оттащил этот бочонок в верховье ручья с ледяной водой и вкопал его по самую плотно закрытую и залитую сосновой смолой крышку в мокрую гальку у самого бережка. Не ахти холодильник, конечно, но холода на остров придут скоро, а до них крепко просоленная масса прекрасно сохранится и тут. Ручей из-под ледника на макушке горы, температура у него всего на несколько градусов выше ноля, не во всяком холодильнике такая низкая.

Жаль, что бочонок в избушке нашелся всего один, но вслух я не роптала и про горшки больше не заикалась — у меня совесть есть.

Айвен и так впахивал на ниве домашнего хозяйства как не всякий шахтер-рекордсмен в своей шахте. Чистить и заготавливать рыбу он научился с такой сноровкой, что ему целое племя индейских скво позавидует. А еще собирать ягоды, разделять тушу оленя, натирать золой и мокрыми дубовыми опилками шкуру...

Мне в то время, пока он всем этим занимался, тоже непростая задачка выпала. Объяснить, как именно она превращается, Кристинка не могла, но ее стремление все время проводить в шкурке медвежонка надо было как-то откорректировать. Потому что я заметила-таки нехорошую тенденцию — в виде зверика дочь не разговаривала, а превращаясь ненадолго в человека, тоже вдруг стала пытаться выразить свои желания мычанием-рычанием и жестами. Это при том, что она прекрасно умела разговаривать до всей этой катавасии с превращениями, я же сама слышала.

Пришлось пораскинуть мозгами и дня за три выработать более-менее годную стратегию. Например, сделать так, чтобы мишке было скучно, а девочке всегда находилось интересное занятие. Ту же малину для папы собирать, чтобы он в пеммикан добавил. Можно, конечно, лазить по кустам и в виде косолапого объедателя сладких ягод, но тогда не будет сказки — раз, и не будет похвалы от папы — два. И подбрасывания вверх под радостный визг не будет, и кружения до головокружения...

Короче, с помощью таких простеньких хитростей мы сумели поделить время между медведем и человеком примерно поровну. Лучше всего дочь выманивалась на сказку, но и просто папино внимание ей очень нравилось, а я специально подучила Айвена больше возиться с ребенком, когда она девочка.

И все так здорово вроде складывалось... ну, то есть относительно здорово, в рамках общефиговой ситуации, когда мы вынуждены отсиживаться на острове и боимся даже нос высунуть на большую землю. Запасы делаем, дом утепляем, законопачивая мхом все щели и обвязывая сруб снаружи камышовыми грубо связанными пучками.

И даже чуть-чуть вроде забывается, что я не Золотинка и вообще медведь — кажется временами, что моя прошлая жизнь мне приснилась и я всегда жила так, с мужем и дочерью в этом времени.

Дни летели как быстро желтеющие листочки с тоненькой березки, что росла у самого сруба. Я даже потеряла им счет, потому что для медведицы числа не имели значения, зверь во мне и так прекрасно чувствовал смену времен года и даже дождь на завтра мог предсказать без всякого интернета.

Однажды утром мы проснулись, сходили умыться на реку и вдруг поняли, что... что у нас появилось свободное время. То есть относительно свободное — занятий при желании найти можно тысячу, в диком хозяйстве работы навалом. Но вот эта бешеная горячка рыбьей путины осталась позади, просто потому, что лосось в реке кончился.

Мы с Айвеном одинаково растерянно сели на прибрежную гальку и посмотрели друг на друга.

Приехавшая на мне верхом человекодочь проворно слезла и попыталась забраться в холодную воду, не снимая мокасин и комбинезончика, которые ей под моим чутким руководством соорудил на скорую руку муж. Пришлось ловить и держать под возмущенное пыхтение и визги.

Не знаю как, но я вдруг почувствовала, что дочь вот-вот прямо у меня в лапах обернется медвежонком, и тогда прощай с таким трудом пошитая одежда. Мы уже один раз так попали, когда Кристинка на бегу перекинулась и порвала вещи в клочья.

— Слава тебе господи, а то под потолком уже места не осталось, — после недолгого молчания выдал Айвен. — Я думал, эта распроклятая рыба никогда не кончится. Она мне уже по ночам снилась, вереницей перед глазами, вереницей! Как и не отдышал.

— Это ты зимой скажешь, когда мы ее дюжинами потреблять будем, — хмыкнула я, балансируя активно брыкающимся дитенком. — Крис! Посиди пять минут спокойно, а то не расскажу сказку про... хм, про красную рыбу и запасливого енота.

Охочее до рассказов дите уже изрядно истощило мою память на волшебные сюжеты, и истории приходилось выдумывать на ходу. Самое смешное, что, пока я их рассказывала, рядышком обязательно пристраивался рукодельничающий муж, и кто из них слушал с большим интересом — это еще посмотреть.

Так под сказочку кучу дел и провернули.

Но сегодня, глядя на темные воды нашей реки-кормилицы, я вдруг решила устроить выходной и себе, и ребенку, и мужу. Заслужили, в конце концов!

— Так, а пошли-ка в малинник! — Я решительно встала, сопровождаемая недоуменными взглядами. — Ничего сегодня собирать не будем, а прямо там наедемся последней самой сладкой ягоды, потом придем опять сюда, искупаемся и отправимся домой и будем лежать! На травке. Кверху пузом. Отдыхать!

— Да! — хором сказали муж и дочь, подскакивая с места с небывалым энтузиазмом. Айвен вообще выглядел так, словно ему обещали луну с неба.

И мы пошли есть вкусняшку, а потом отдыхать.

Если бы я знала, чем этот отдых закончится, я бы их обоих в океан загнала последнего лосося выуживать, но ни за что не отпустила лазать по откосу с самыми ягодными кустами одних.

Глава 28

Начиналось все прекрасно. Ягодки лопать Крестинке больше нравилось человеческим ртом, так она лучше

чувствовала их сладость, а кроме того, гораздо удобнее было собирать налитые малиновые шарики в ладошку. Поэтому они вдвоем с Айвенем залезли в самую гущу кустов, а я ходила дозором по периметру, объедая последнюю сладость с краев и заодно внимательно прислушиваясь и приносясь. В принципе, я уже приучила местное барибалье население, что это моя территория, и лишний раз сюда никто не лез. Но какому-нибудь большому и злобно-озабоченному самцу частенько наплевать на чужие границы, захочет он малины именно здесь пожрать — припрется и пожрет. И попробуй ему помешать.

— Мама, фкуфна! — время от времени делилась со мной впечатлениями дочь, лезла под кустами и пихала мне в пасть горсть малины. Я благодарно облизывала ее ладошку, дочь радостно хихикала, ежилась от щекотки и ползла обратно к благодушно смотрящему на нас поверх зарослей папе.

Даже жалко такую идиллию чужому медведю уступать.

Не, можно и подраться. Но, по-первых, не люблю я это дело, а во-вторых, сомневаюсь, что Айвен, будучи здоров и вооружен дубиной и ружьем, станет смиренно ждать в сторонке, чем бой кончится. Как пить дать полезет под незнакомые когти. Оно мне надо, лечить его потом? А если серьезно покалечат?

— Может, нормально поешь? — время от времени предлагал муж. — Я посторожу. И пристрелю наконец этого наглого косолапого, надоел уже, шатается вокруг избы как у себя дома. А?

По-моему, у Айвена это уже личное к незваному гостю. Типа чужой мужик, тьфу, медведь. Пришел тут, порядки свои наводит. Хозяина не уважает!

Не-е-е, на фиг, на фиг, лучше держать ушки на макушке и успеть вовремя свалить от греха подальше.

Ну вот. Топчемся мы, значит, в кустах малины, я краем уха слышу щебет Крестинки и то, как Айвен ей отвечает, а сама больше внимания уделяю окружающему миру. И в какой момент все стало нехорошо, я даже определить точно не смогла, вот просто оппа — и треск ломаемых веток, недовольное бурчание, сопение и тяжелые шаги. Ну точно! Вот надо было этому увальню, с которым я уже в прошлый раз дралась, именно сегодня сладкого возжаждать!

— Крис! Айвен! — одного оклика было достаточно, чтобы муж подхватил пискнувшую детку на руки и совершенно правильно, организованно отступил в мою сторону. Я как раз тропу к домику перекрывала, а тут шустро раздвинула ему кусты и пропустила мимо себя, ну и сама, естественно, следом на цыпочках. Пусть чужой медведь налопаётся, чтоб ему пусто было, оглоеду, а мы тихо-тихо свалим, не нагнетая.

Ну, я так думала. Кто же знал, что на нашей территории сегодня объявлен медвежий сабантуй? Я прикрывала тылы, быстро двигаясь по тропе вслед за мужем, и все внимание уделяла тому ворогу, что позади остался, поэтому того, что двигался нам навстречу, заметила слишком поздно. Уже после того, как Крестинка завизжала.

Айвен поступил совершенно правильно — отбросил орущую ребенку как можно дальше влево, на поросший мелкими елочками склон, и она, ожидаемо в полете обернувшись медвежонком, со всех лап дернула вверх к гребню холма. Сам Айвен, отвлекая неприятеля, прыгнул в другую сторону.

— Золотинка, беги за дочерью! — проорал он, сдергивая с плеча ружье на скаку. Собственно, все правильно, надо было немного разорвать дистанцию с диким зверем, чтобы было время прицелиться. Но дурацкий совершенно незнакомый медведь не купился на мужнины вопли. Не знаю, с какого перепуга, но этому гаду непременно надо было догнать убегающую медвежью малышку.

Ах ты сво-о-олочь!!! С яростным ревом я кинулась наперерез, но Айвен, как по волшебству, успел первым. Сначала грохнул выстрел, и раненый медведь зарычал с такой злобой, что стало понятно — пуля его только раздражила, но не помешала ломиться сквозь низкорослые елки по следам убегающей малышки. Я в какой-то момент зашла в ужасе — не успею!

Но тут злобного пришельца словно сдернуло что-то с тропы, он покотился по склону вниз, туда, где должен был быть Айвен, но я уже не видела, что там происходит, только слышала треск, рев, отчаянный мужской мат и яростный рык. Вроде бы рычали двое, но...

Перепуганная насмерть Крестинка именно в этот момент выбралась на гребень холма и

перепрыгнула с него на очень нехорошую скалу — слоистую, осыпающуюся от малейшей тревоги. И полезла по ней все выше и выше, в любую минуту рискуя свалиться на острые обломки внизу. От такого падения даже толстая медвежья шкурка не спасет.

— Крис! Стой, Крис! — Я спешила изо всех сил, но понимала, что мое медвежье тело слишком тяжелое. А маленькая дурочка уже влезла на самый верх и там балансировала на краю, испуганно плача по-медвежьи и явно не зная, куда податься дальше.

Да что ж такое! За Айвена, оставшегося внизу, страшно до того, что у меня лапы подкашиваются, а теперь еще и Крис! Ну куда, куда ты лезешь, маленькая дурочка! Там же обрыв!

— Крис, остановись! Маленькая, стой там, не двигайся, мама сейчас придет! — надрывалась я, стараясь быстро и в то же время крайне осторожно переступать по осыпающимся ступенькам слоистой скалы, похожей на пачку старых окаменевших газет. Тонкие каменные пластины были такими же бело-кремовыми, как старая бумага, и такими же хрупкими. Никак не рассчитанными на вес взрослой медведицы.

Я буквально по сантиметру, задерживая дыхание и ища опору не столько лапами, сколько интуицией, подбиралась все ближе и ближе к скулящей медведке. Ну, еще немного... пусть камни ссыплются шуршащими дорожками из-под когтей, плевать... Главное — успеть уцепить маленькую. Тогда, если все же упадем, я сумею смягчить удар собственным телом и мелкая не пострадает...

— Не двигайся, детка, только не двигайся! — заклинала я.

Испуганный ребенок снова начал вертеться на краю скалы, чертов сланец окончательно раскрошился под увесистым медвежонком, и она с отчаянным криком исчезла за гребнем.

Уже ничего не помня о собственной безопасности, я рванула, преодолевая последние метры, и...

Не успею, не успею! Я не смогу достать падающую Кристину зубами, а больше мне ее схватить нечем! Медвежьими лапами мне дочь не спасти!

Глава 29

В ушах звенело от напряжения и детского плача, я уже и не понимала, человеческий ребенок кричит или медвежий. Мне было все равно. Обрушится подо мной скала — ну и к черту, пусть, главное — успеть дотянуться до малышки и как-то схватить, укрыть ее собой, чтобы упала не на острые камни, а на меня...

Сама не знаю, как преодолела это коротенькое и вместе с тем ужасно длинное расстояние до кромки обрыва, как заглянула за него...

Следующее, что я помню, — это тяжеленный отчаянно ревуший от страха медвежонок, которого я обеими руками тащу из пропасти и матерюсь от натуги и страха на чем свет стоит, параллельно уговаривая Кристину заткнуть уши и не слушать, это плохие слова.

— Мама-а-а-а! — В какой момент звереныш в руках превратился в девочку, каким таким волшебным образом я с ней на руках умудрилась без потерь спуститься с распроклятой скалы — все как в тумане. Пришла в себя — сижу под елкой ниже по склону, голая, замерзшая, чумазая, исцарапанная во всех возможных местах. И крепко прижимаю к себе такую же голую, чумазую и исцарапанную Кристинку.

Ребенок уже не рыдает в голос, всхлипывает тихонечко — слава богу.

И только когда бешеный адреналиновый шторм схлынул, оставив после себя пустоту в голове, трясущиеся руки и колени, а также совершенно, как оказалось, зареванное лицо, до меня, наконец, дошло.

Я превратилась! Превратилась! Я опять человек! Черт с ней, с одеждой, и с грязью, помоюсь, оденусь. Но у меня опять человеческие руки и ноги, человеческое туловище и даже то, на чем я сижу, — тоже человеческое! А-а-а-а!

Прихлопнув на плече комара, первым сообразившего, что раз шерсть слиняла, то и кровушка теперь в свободном доступе, я еще немножко покачала Кристинку, осознавая, что ребенок от плача и испуга почти выключился, а в моих объятьях чуть ли не засыпает. И попыталась встать. Оппа, ноги-то не держат. Или я за столько времени просто разучилась ходить как человек, мне теперь стойку на четырех лапах подавай?

Немного нервный смех ребенка разбудил, но вроде бы не напугал. Она открыла глаза, всмотрелась внимательно в мое лицо, протянула руку и потрогала меня за волосы:

— Красненькие стали. Как листики на дереве клен... мама, а где папа? И вот тут меня по новой ка-ак накрыло!

Айвен! Черт! Господи, только бы жив остался!

— Крис, сейчас я отнесу тебя домой, ты закроешь дверь изнутри и будешь сидеть, ждать, пока я найду и приведу папу, поняла? — Я старалась, чтобы голос не дрожал, и вроде бы вышло достаточно уверенно. — Поняла, детка?

— Да... — Детка была недовольна таким оборотом, но понимала, что сейчас не до капризов. Поэтому я бегом по колкой хвое (черт, как неудобно человеческим босиком бегать, не то что медвежьим) рванула к зимовью, но в обход, подальше от тропы, где произошла несчастливая встреча с косолапым.

Во-первых, я не знаю, там ли еще зверь, теперь мне даже сопротивление ему оказать нечем. А во-вторых... Айвен. Господи, я все равно надеюсь на лучшее, но если произошло что-то по-настоящему страшное, то лучше Крис не видеть этого.

Ноги скользили и спотыкались, я про себя злилась страшно — какого... лося лысого все так не вовремя с этим превращением?! То есть... ох, очень даже вовремя, чтобы вытащить из пропасти Кристину, но теперь ужасно неудобно, непривычно и неловко голышом по лесу. И опасно же.

А вдруг Айвен сумел вернуться, убежать, может, ранен, но не сильно, и ждет нас в избушке? Нет, напрасная надежда. Если жив — уже бегал бы и искал, а не сидел сиднем...

Добежала, уф-ф-ф... никого нет. Так, не время для паники! Даже мозгов хватило сдернуть с вбитого между бревнами сруба сучка куртку, одну из трофейных с лодки, и натянуть на себя. Можно было еще и ноги чем-то обмотать, но я так боялась не успеть, что плюнула на это дело, если что — ну поцарапаю, ну заживут.

А вдруг там Айвен ранен и истекает кровью? Бегом надо, бегом!

— Крис, сиди тихо и ни в коем случае не открывай дверь, поняла? Умница. Я пойду и приведу папу.

— Его чужой медведь порвал, да? — не по-детски серьезно спросила малышка, забившись в угол лежанки и глядя на меня оттуда огромными заплаканными глазами.

— Наш папа сам любого медведя порвет, — немного фальшиво попыталась пошутить я. — Все будет хорошо, мелкая. Главное, сиди тихо. А еще лучше — поспи. Дать тебе рыбку?

Крис отрицательно помотала головой и зарылась в одеяло, сооруженное Айвенем из куска парусины. Ну и ладно, действительно, какой тут аппетит у ребенка будет после всего случившегося. Живая, целая, в безопасности? Вот и хорошо.

Я выскочила из зимовья, тщательно закрыла за собой дверь, хотела было подпереть ее поленом, но передумала — не дай бог, что со мной случится. Надо, чтобы у Крис была возможность выбраться на волю. Обернется мишкой, и... у нее будет хоть какой-то шанс.

Уже на третьем шаге по лесной тропе ноги как-то сами приноровились ступать бесшумно и ловко, обходя колючки, сучки и упавшие шишки. Я двигалась быстро, при этом стараясь сохранять осторожность. И тихо молилась про себя всем богам. Только бы был жив, только бы!

Я же без него не смогу. Сама не знаю, когда успела. Это даже не влюбленность — что я, в парней не влюблялась, что ли?

Это другое. Это как дышать — если его вдруг не станет, я просто задохнусь. Айвен, дурак такой, чертов не-Гринч! Только будь живым!

К тому месту на тропе, где все случилось, я подбиралась с удвоенной осторожностью и поневоле замедлив шаг. Пряталась за кустами, за деревьями и напряженно вслушивалась в заполненную обычными звуками жизни лесную тишину. Вот ведь когда пришла пора пожалеть о медвежьем слухе и нюхе. Хотя...

Запах крови я еще как почувствовала. И то, что звуков при этом никаких особенных не было, только заставило сердце сжаться сильнее. Жив? Ранен? Или... Шаг, еще шаг по тропе. Вот там, за большим валуном, дорожка сворачивает вдоль лесистого склона и плавно скатывается к малиновым зарослям. Там все и случилось... Так, колени, не дрожать. Не дрожать, я сказала!

Выглянуть из-за огромного слоистого камня оказалось трудно — пришлось себя заставлять. Я очень боялась того, что там увижу. Как ни странно, но слух и нюх у меня, может, и не остались медвежьими, но определенно были острее, чем у человека. Кровь, поломанные ветки, разрытая земля — все эти запахи ощущались четко. И звуки наконец-то прорвались сквозь плотную вату страха.

Кто-то там возился на тропе, недовольно сопел, похрюкивал, порывкивал и трещал. Костями? Господи...

Это был медведь. Медведь, скотина такая, стоял прямо посреди склона, задом ко мне, и что-то то ли копал, то ли жрал, то ли разрывал зубами и лапами. И запах крови, этот запах... Нет, пожалуйста... нет!

Глава 30

Тело медведя хорошо передает его настроение. К примеру, если медведь сидит, отводит глаза в сторону и зевает, словно ему неинтересно, это говорит о том, что он готов подчиниться и не собирается воевать с другими медведями за господство, злчные места или самок. Эти знания у меня были еще до того, как я сама перенеслась в тело зверя, а потом они подкрепились инстинктами второй сущности.

Так вот, «язык» медведей мне стал более-менее понятен. И сейчас этот самый язык не просто говорил — орал во весь голос, что от злобного зверя на тропе надо держаться как можно дальше. Драпать надо со всех ног, пока он меня не заметил.

Но я не могла. Все понимала умом, о Кристинке не забывала, о том, что хотя бы для нее надо остаться живой и вывезти ее к людям, к родственникам Айвена, а потом хоть в прорубь головой. И все равно шла, медленно, как во сне. От ствола к стволу, еще соблюдая осторожность, стараясь ступать бесшумно. Но уже почти не контролируя собственное тело.

Большой, просто огромный, медведище на тропе услышал мои шаги в последний момент, когда мне оставалось до него всего несколько метров пройти лесом, в обход его непонятного занятия. Я еще успела подумать, что как-то странно незваный пришелец успел вырасти: когда я бежала за Кристинкой на скалу, он, конечно, выглядел крупным самцом, но не казался мохнатой горой. Или это оттого, что я вернулась в человеческое тело, а оно у меня заметно меньше медвежьего? Масштаб сместился?

Господи, о чем я думаю... Айвен...

Черно-волосатая гора с недовольным рыком оторвалась от своего занятия и резко, быстро так обернулась ко мне окровавленной пастью. Словно он и не весил несколько центнеров, а был легкой бабочкой в полете. Морда влажная и алая, белые огромные клыки на этом фоне выделяются особенно четко, и в глазах бешенство.

А мне уже все равно! Вот как увидела эти следы пиршества, так и все равно!

— Ах ты... Ах ты гад проклятый! — заорала я надтреснутым от боли и ярости голосом и, как последняя дура, залитая слезами, с кулаками бросилась на мощного зверя. — Скотина! Сволочь! Чтоб ты сдох! Что б тебя... и твою мать! И триста раз во все дыры!

Это было так странно — огромное дикое животное, вставшее было на задние лапы и явно приготовившееся прихлопнуть меня передними как надоедливую муху, чтобы потом разорвать в клочья и сожрать, от моего неумелого, но отчаянного мата вдруг застыло. Вот как стояло в позе вздыбленного мужика с поднятыми когтистыми лапищами — так и заморозилось.

Я не успела вовремя среагировать, да и не могла, наверное, на меня помутнение нашло. Поэтому просто галопом проскакала последние метры до медведя и с разбегу врезалась в него всем телом, в отчаянии замолотив кулаками куда-то в могучий меховой живот.

Атакованный зверь отчетливо хрюкнул и сел на задницу, потом обхватил меня передними лапами и придавил к себе так, что я только и могла, что барахтаться, пихаться и орать. Кусаться не получалось, потому что мне в рот сразу шерсть набилась, тьфу. Я рыдала, брыкалась из последних сил и орала что-то матерное и бесполезное, каждую секунду ожидая, что страшные клыки вопьются в руку или в плечо, и разорвут, и...

А он все никак не впивался, не рвал и не грыз. Держал только, гад, так крепко, что ребра заныли. А потом к моей макушке сверху спустился огромный нос и тщательно обнюхал. И лизнул.

Нет, все же предположение о том, что собирающийся сожрать меня зверь сначала пробует на вкус, слишком сумасшедшее. А другого у меня не было, поэтому я замолчала, перестала отбиваться, вообще застыла, вцепившись пальцами в черный мех.

Медведь чуть-чуть ослабил хватку, еще раз меня обнюхал и вдруг спросил:

— Ты кто?

Следующие пять минут я билась в истерике, невнятно выкрикивая то «Айвен», то «скотина», обнимая медвежью тушу и самозабвенно проливая реки слез ему в мех. Обернувшийся зверем муж держал меня, нюхал, сопел и молчал. А когда я отревелась, настойчиво спросил:

— Ты кто? Ты ведь не Золотинка.

Я замерла. Слезы как-то сами собой кончились.

Оторвав лицо от меховой груди, я снизу вверх посмотрела на медведя. Хотела что-то сказать, но губы дрожали, а язык вообще не слушался. Только что вроде чувствовала такое огромное облегчение, почти счастье, оттого, что он жив, и вдруг... что я ему теперь скажу? Как объясню свой обман? Какие слова вообще тут можно найти?

Оттолкнет, заберет ребенка и уйдет. И будет прав...

— Где моя жена? — в его голосе уже сквозил первый ледок отчуждения.

А я по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Как он догадался, откуда узнал? А, неважно.

— Она умерла? — Медведь опустил лапы, и теперь не он держал меня, а я, как маленький ребенок, из последних сил цеплялась за его шерсть. — Я опоздал. Понятно... Понятно.

Айвен отстранился, осторожно отодвинул меня лапой и встал. Посмотрел в сторону валяющегося на тропе загрызенного противника. Ой... вообще-то у медведей не принято биться до смерти, в природе достаточно более слабому уступить, обратиться в бегство, и никто не будет его преследовать, а тут... о чем я думаю?!

Мохнатая гора, в которую превратился мой... то есть Золотинкин, муж несколько секунд стояла, по-медвежьи покачиваясь с лапы на лапу, а потом молча двинулась в сторону зимовья. На меня Айвен даже не оглянулся.

Как больно. Я все понимаю, правда! Для него Золотинки не стало вот только что, и часть вины за ее смерть самым дурацким образом теперь на мне. Скрыла, обманула, заняла чужое место. Еще и непонятно, с какой целью втерлась в доверие и притворялась умершей женой.

Но я же не нарочно! И я не хотела! Сначала не хотела. Я просто старалась спасти его и Кристинку. Ну и себя заодно, признаю. Я не хотела обманывать. Я не хотела его любить! Я не хотела.

Я не знаю, почему все так получилось, я же не сама своей волей сюда перенеслась! Меня позвали. И я старалась изо всех сил.

Но это все оправдания, нелепые и ненужные сейчас мужчине, который только что потерял любимого человека.

Он ушел и оставил меня одну на лесной тропинке, рядом с мертвым медведем. И я даже обижаться на него не могу за это. Пусть меня другой медведь загрызет, мне почти все равно уже.

— Золо... черт, не знаю, как тебя зовут. Чего ты ждешь? Тут опасно оставаться, тем более если ты больше не медведица. Пойдем домой, Крис там одна. Она же там?

— Да, конечно! — Я торопливо стерла слезы ладонями, глядя в глаза вернувшемуся медведю. Он угрюмо опустил голову почти к самой земле и посматривал на меня исподлобья. — Пойдем скорее!

— Тогда поедем. Садись верхом, не дело девушке бегать по лесу босой. И холодно уже.

Глава 31

— Папа, ты дурак и ничего не понимаешь. — Насупленная Крис забралась ко мне на колени, обхватила руками за шею и прижалась всем телом. — Это мама!

Большой, просто гигантский, барибал, прямо с хорошего гризли величиной, едва мог развернуться в избушке, поэтому, чтобы не снести нашу утлую и скудную мебель, сидел прямо на полу у порога и старался не шевелиться.

Поначалу, когда мы только пришли, Крис ему страшно обрадовалась и бросилась тискать большого папу-мишку так же радостно, как раньше тискала меня. Я в это время осторожно обошла большую меховую гору, забралась на лежанку и укуталась в парусиновое одеяло. Нет, не от холода, просто шастать в одной короткой куртке перед чужим, по сути, мужчиной мне было некомфортно. Он так смотрел... не то чтобы с брезгливостью или неодобрением, все же Айвен не дурак и понимал, что выбора у меня нет, мы не посреди города с одежными лавками с полным кошельком денег, чтобы я могла прикрыться как положено леди.

Но мои голые ноги его явно смущали и нервировали. А вместе с ним неловкость начала испытывать я. Вот вроде пока он считал меня своей женой, никаких таких мыслей в помине не было, а тут полезли, как тараканы из всех щелей.

Ну так вот. Кристинка с папой пообнималась, а потом прилипла ко мне с писком про маму. И Айвен с большого ума не нашел ничего лучше, как ляпнуть про то, что я — не мама.

Ну вот мозги есть, нет?! Я что, в постель его ташу, орясину мохнатую, прямо сейчас? Или зарплату отдать требую? Зачем он это ребенку сказал? Ей сейчас что с этой информацией делать, рыдать и биться в истерике?!

У меня аж все чувство вины разом облиняло, такая злость на придурка взяла. Гринч, не Гринч, а идиот все равно!

Так что с диагнозом Кристины, который она озвучила, ничуть не смущаясь папиным авторитетом, я была полностью согласна. И даже, обняв девочку и прижав ее к себе, выразительно покрутила пальцем у виска, глядя медведю прямо в глаза. Чтобы он знал, что я о нем думаю, и хоть немного использовал мозги, прежде чем рот открывать.

Ребенка я успокоила по-быстрому, плюнув на собственную полуодетость — не недоумков же стесняться, в самом деле (у-у-у-у, медведь тупой, сидит тарашится), — соорудила ей ужин из крошеной рыбы и дробленых орешков. Накормила, укачала, рассказала сказку про репку — Крис ее почему-то особенно полюбила. Усыпила, короче, а потом, тщательно укрыв малышку и решив про себя, что раз больше двух недель это была моя дочь, то и дальше так будет, что бы некоторые там себе ни думали, решительно сунула ноги в недошитые Айвеном шлепанцы из кожи оленя и потянула так и просидевшего неподвижно медведя за ухо на выход.

— Пошли! Поговорить надо.

Не знаю, что он там в котелке своем гигантском варил, но пошел за мной без препирательств. Снаружи под навесом уже стемнело, все наши приключения съели вторую половину дня и вечер за один укус, вот вроде только-только в полдень малинкой баловались, ам — и уже ночь.

Я поежилась и прихлопнула комара на бедре, полюбовалась выползающей из-за зубчатого гребня холма шербатой луной и только потом обернулась к Айвену.

— Кристину-то зачем напугал? Что ты этим доказать хотел? Да, я не Золотинка. Но теперь я ее мать, и только попробуй вякнуть что-то против, не посмотрю на твои габариты и начищу медвежью харю к чертям! Понял?!

Погорячилась слегка, да... но уж очень сильно я обозлилась. И вообще! Я тут как проклятая всех спасала, оказавшись не в своем теле, не в своем времени и без никакой помощи, какие ко мне претензии могут быть? Я не его жена? Ну извините! Я старалась!

Медведь молчал. Пялился в темноту, и ни звука. О чем он там думает?

— Послушай, — я немного успокоилась. — Да, я не сказала сразу, что я не Золотинка. Но я не знала, как это сделать. Это первое. А второе... она меня позвала, понимаешь? Чтобы спасти тебя и Кристину. Меня выдернуло из моего мира, из моей жизни, я очнулась — ничего не понятно, и я медведица. А рядом ребенок на елке плачет, и откуда-то четкое знание, что ребенок мой. Крис тогда в медвежьем теле была. Я вообще решила, что переродилась в барибала и сама ее родила. Это потом она превратилась и все стало еще непонятнее. Пока не пришла твоя жена и не объяснила все.

— Золотинка?! — Застывший недвижимой черной скалой медведь вскинулся и развернулся в мою сторону с пугающей быстротой и легкостью. Грация дикого зверя завораживала, несмотря на то что такое стремительное движение не могло не напугать. — Приходила?! Куда?!

Главное сразу вычленил, рыло мохнатое. Шок от известия о смерти жены у него никуда не делся, но соображает Айвен с каждой минутой все трезвее.

— Во сне приходила, — вздохнула я и отвернулась. Все понимаю, он любил другую, он чужой, вообще-то, муж, но мне-то почему так больно? Что я успела себе напридумывать за эти две недели, мы ведь даже... а я поверила, дурочка, что он почти что мой. Ну как так, а?! Где были мои собственные мозги?

— Во сне, — как эхо повторил Айвен. И весь как-то сник. Стал смотреть на упорно карабкающуюся по лесенке из звезд луну и в своей неподвижности почти слился с ночной темнотой, на секунду мне показалось, что он в ней растворился, исчез.

— Прости, мне очень жаль, — прозвучало от всего сердца. — Правда. Я...

— Ты ни в чем не виновата. Это я не успел. Не спас. Это из-за меня и моей глупости и жадности все. Пропади оно пропадом, это золото, не зря ба говорила... впрочем, неважно.

Айвен встряхнулся, шумно и размашисто, напугал какую-то ночную птицу, с диким криком сиганувшую с навеса в кусты, и повернул большую медвежью морду ко мне. Вгляделся блестящими среди шерсти глазами в мое лицо.

— Как тебя зовут? Мне надо знать. Ты права. Если Кристинка считает тебя своей мамой, я буду идиотом, убеждая ее в обратном. Ребенку нужна мать, а ты... ты ее спасла, и не один раз.

— Хорошо, — тихим эхом откликнулась я. — Значит, ради Крис мы...

— Да, будем делать вид, что все как раньше. Я научусь превращаться обратно в человека, теперь окончательно понятно, что это все не сказки, не бред, а объективная реальность. Значит, справлюсь. Увезу вас в нормальное цивилизованное место, в дом бабушки и дедушки. Разберусь с родителями. В общем, жизнь наладится. А когда Крис уже будет у родни, когда о ней будет кому позаботиться, я тебя отпущу.

— Куда?! — я снова начала злиться. — Куда ты меня отпустишь? Обратю в лес? Ну спасибо.

Глава 32

— Почему в лес? — не понял Айвен. — Зачем? Ты же...

— А куда еще я пойду? Я из другого мира, из другого времени, если ты еще не понял. У меня тут, кроме вас, никого и нет, — сказала и почувствовала в горле комок, но упрямо его сглотнула. — Золотинка меня позвала, потому что подонок из охраны чуть не убил твою дочь. Меня просто выдернуло из моей жизни, и... а, чего тут объяснять, — я махнула рукой. — И идти мне некуда, понятно?

— Понятно, — кивнул медведь, но мне показалось, что понял он что-то совсем другое, а не то, что я ему объяснила. — Тогда... Конечно, никто тебя на улицу и в лес не выгонит. Я дам тебе имя, денег и отпущу, ты сможешь жить в нормальном цивилизованном месте свободно, как захочешь. О Кристине будет кому позаботиться, и ты не останешься без достойного вознаграждения, можешь быть уверена.

— Ну спасибо! — буквально прошипела я в мохнатую морду. — Я ж тут... только ради вознаграждения, да! С ребенком вожусь, с тобой!

— Ну не ради любви и бескорыстия же, — придурок небрежно пожал мохнатыми плечами. — Ты все же не Золотинка, то есть не моя жена. И не обязана исполнять ее долг, и вообще...

— Я, может быть, и не стала твоей женой за две недели. — Змеюка из меня вышла бы образцовая, сама удивляюсь, как не покусала его от злости. — А вот ты точно слепой идиот и ничего не понял!

Развернулась и, хлопнув дверью, ушла в дом. К Кристинке на полати. Спать!

Думала, всю ночь не засну. Обидно, главное, и даже не столько на Айвена злилась, сколько на себя. Дура стоеросовая, нашла момент влюбляться. И непривычно так вдруг еще в человеческом теле оказалось, неудобно. То ли холодно, то ли жестко, не поняла сразу. То-то Кристинку все время в мохнатое состояние тянет, в нем уютнее и спокойнее, оказывается.

Лежала рядом со спящим дитем, мысли разные думала, поплакала тихонько, чтобы не разбудить. И неожиданно для себя самой уснула. Да крепко, до самого утра спала, не просыпаясь.

Когда тонкие золотистые лучи принялись шарить по дощатому полу, контрабандой пробравшись в узенькое, как щель, вентиляционное окошко под самым потолком, и в светлых полосах, наискось перечеркнувших зимовье, бриллиантовыми звездочками засверкала пыль, Кристина чихнула и проснулась. Села и, разумеется, сразу разбудила меня. Лежанка-то не слишком широкая, прежде дите там одно спало, потому что мне в шкуре на полу было уютнее и просторнее. А теперь пришлось вдвоем тесниться, поневоле соседа разбудишь, если резко сесть.

Медведя в избе не было, но он отчетливо возился где-то там, за дверью, я слышала тяжелые шаги и сосредоточенное сопение. И что Айвен там делает? Неужели дрова заготавливает? Как раз вчера утром, до того как на реку пошли, разговор об этом был, и...

Тут меня догнало памятью о вчерашнем дне, и я невольно съежилась, подтянула коленки к груди и обняла их руками. Но не тут-то было, это я в одиночестве могла предаваться унынию, а в присутствии решительной Кристинки этот номер у меня не прошел.

— Мама! — радостно завопила мелкая и прыгнула на меня с поцелуями и объятиями. — Мама, ты снова человека! Ура! Ура! Теперь мы поедem к бабушке! Она много сказок знает, будет нам рассказывать!

— Кхм... — Я еле успела перехватить дочерний энтузиазм на подлете, когда это шустрое и мелкое еще не успело наставить мне полную коллекцию синяков своими острыми локтями и коленками. Села на лежанке, обняла дочь, уткнулась носом в ее пушистую макушку и застыла. А, пропади все пропадом!

Я в своей жизни там, в будущем, детей пока не планировала. Но когда-нибудь обязательно собиралась завести. Не то чтобы прямо таяла от одного вида нежных пяточек и лукавых рожниц, и что там еще к мелким детям прилагается — громкий визг? Вот. Не таяла. Но в целом этот биологический вид мне нравился. Почти как котята и медвежата.

А тут вдруг — чужой ребенок. Не младенец уже. И такие странные обстоятельства кругом и поперек моей судьбы... а у меня чувство, что это мой ребенок. Мой. Мой! Никому не отдам, ни бабушкам, ни дедушкам, ни тупым медведям!

— Мамочка, ты не бойся, все будет хорошо, я знаю, — пропыхтела Крис мне в плечо и принялась высвобождаться из моих объятий. — Кушать хочу.

Угу, ну правильно. Обнимашки обнимашками, а завтрак и обед по расписанию. Да и мне хватит сидеть и трястись, жизнь продолжается. Ну не вышло с любовью, что теперь, вешаться? Все равно это с самого начала был чужой муж. Вставать все равно надо, работы непочатый край. Когда еще Айвен обратно превратится — неизвестно. И Крестинка, прыгающая из облика в облик при малейшем эмоциональном всплеске, — это не тот ребенок, с которым можно спокойно выходить к людям. Так что зимовку на острове пока никто не отменял.

Собрала сопли в кулак и пошла!

Надо еще самой постараться туда-сюда превратиться, пойму механизм, Айвену смогу объяснить, уже проблемой меньше. Буду относиться к нему как к товарищу и партнеру по выживанию, вот. И всем станет легче сразу. Наверняка. А если он такой дурак и про меня ничего не понял... ну, у парней часто эмпатии как у хлебушка. Им словами через рот объяснять надо. Но я теперь, естественно, с признаниями лезть не буду. Только и Крис не отдам. Выживем, выберемся, а там разберемся, как дальше жить.

— У мамы стали красные волосы, красивые волосы и глаза, — Крестинка, получившая в руки миску с кашей из рыбы и орехов, повеселела и за едой принялась напевать в своем привычном стиле степного акына — что вижу, то пою. — Мама стала другая, но все равно красивая и настоящая... и готовит вкусную кашу, и умеет становится большой черной мамой! У мамы ловкие руки, большой веник и... пчхи! Кхи!

— Ты ешь, петь потом будешь. — Я похлопала дочь по спине, потом вернулась на середину избы и побрызгала на пол из баклажки с водой. Стала быстро подметать доски березовым веником. — Сейчас наведем дома порядок и пойдём...

— Гулять? Рыбу ловить? Малину собирать?

— Нет, малины мы уже насобирались, хватит, — с содроганием поспешила откреститься я. — Другие дела найдем.

— С папой вместе, да? Папа теперь большой медведь, он всем покажет! Только ты, мама, его не бойся. Тебя он не обидит, просто немножко привыкнет и полюбит. У него пока... этот... как его... бабушка еще говорила... когтистый диверсант!

— Что у него?! — обалдела я.

— Когтистый диверсант. Или диссонаст? Короче, папа немножко сошел с ума, но это ненадолго. Ты не бойся. Ты же потому дома пол с утра метешь и ищешь, чем заняться, что боишься выйти и с ним повстречаться? Не надо! Все будет хорошо!

Вот лысые лоси, а? Ребенок-ребенок, деточка непосредственная, хулиганка малолетняя. А как выдаст иногда — хоть стой, хоть падай!

Глава 33

Когтистый диверсант, то есть когнитивный диссонанс, у папы был глубокий и непреодолимый. Интересная, кстати, бабушка у нашего Айвена, такие слова употребляет. Но пока бабушкой интересоваться рано, до нее как... хм, натурально, до другого материка пешкодралом.

А вот медведь с когнитивным диссонансом тут, прямо перед домиком, сухую ель припер и теперь со всей медвежьей дури дрова заготавливал. А рядом топор валялся — он что, пытался изобразить деревянную игрушку с далекой родины? Была у меня такая, две планки, на которых грубо выструганный медведь с топором. За планки дергаешь, медведь этим топором рубит пенек.

Вот и Айвен, судя по всему, попробовал таким макаром елку расчленивать. Но обломался, потому что натуральные медвежьи лапы все же к захвату не приспособлены. Обозлился и на голой дурнине все ветки несчастному дереву поотрывал, мы с Крис вышли на крыльцо в тот момент, когда он уже макушку оттаптывал.

На нас он быстро оглянулся через плечо и принялся доламывать дровину. Да с такой злостью и остервенением, что я решила под лапы к мужику пока не лезть. Пусть пар выпустит. Тихо на ушко предложила Кристинке пойти за дом попереворачивать яблочки-дички на все той же незаменимой парусине — мы два дня назад нашли в овраге целый лес плодовых, радостно обобрали их силами одного мужика и двух трясущих деревья медведек и приновились насушить богатства на зиму.

Вот так вот мы почти до полудня и занимались каждый своими делами — я развлекала Кристину и себя мелким хозяйством, благо придумывать ничего нарочно было не надо, а косолапый папа валил в лесу сухой, волок его на поляну перед домом и зверски расчленил. Ему это явно на пользу шло, потому что к моменту, когда солнце взобралось на макушку соседнего холма, с медвежьей морды постепенно слиняло осатанелое выражение «всех убью, один останусь».

Поленица его усилиями у нас вышла большая и... м-м-м... своеобразная. Отдельно бревна горой, отдельно крупно поломанные и растопыренные во все стороны острыми расщепами сучья, и раскрошенная чуть не в опилки прочая древесная мелочь по всей поляне. Мечта безумного дендронавистника, короче.

Усыпанный ошметками медведь угрюмо обозрел это поле битвы и устало поплелся под навес, где мы с Крис чистили только что собранные на пригорке лисички. Плюхнулся на землю, как большой усталый пес, положил голову на лапы и тоскливо уставился вдаль.

Угу, если мужик собрался страдать, то его еловым бревном с этого пути не собьешь. Но не на ту напал. Я, может, формально ему и не жена, но нам с Кристинкой не нужен тут ни когтистый диверсант, ни унылый медведь, весь из себя устремленный в депрессию. Потом, когда выберемся к людям, напинаем всех врагов и заживем обычной жизнью — пусть хоть исстрадается. А пока его экзерсисы на почве чувства вины угрожают нашей безопасности

— обойдется.

Поэтому я встала, взяла Крис за руку, решительно подвела к отцу и скомандовала:

— Давай его чистить. А то не медведь, а какая-то ходячая заноза. Если сам не умеет, мы его спасем, да, мелкая?

— Ура-а-а-а! — В следующую секунду по папиной широкой спине запрыгало и заплясало одно неугомонное, сторукое и стоногое чудовище, щепки и ошметки хвои брызнули в разные стороны, а вместе с ними улетела и тоска.

Ты попробуй тут похандри, если на тебе устроила половецкие пляски двуликая дочь, которая от переизбытка чувств уже два раза перекувыркнулась из ребенка в медвежонка и обратно.

У дитяти острые коленки и крепкие пятки, у медвежонки — солидный вес и когти. Короче, хандре и чувству вины не оставили ни единого шанса.

Сначала я поймала укоризненный и даже где-то неприязненный взгляд исподлобья, а потом медведь забыл, что собирался страдать, и всюду принялся отбиваться от своего шилопопного потомства. Под шумок и я его деревянным гребнем вычесала, убрав из роскошной черной шубы последние опилки. Айвен сначала не понял, что его чешут, потом вздрогнул, обнаружив мои руки на своей спине, а потом... забыл. Или забил, не знаю. Короче, марафет на нашего хозяина острова мы с Крис заканчивали наводить вдвоем, и никто больше не пытался от нас отделаться.

— Сходи теперь и пометь территорию, — на полном серьезе предложила я, когда медведь был чист, более-менее успокоен и накормлен рыбой. — Ну чего? У тебя сейчас глаза из морды выпадут, не надо так на меня тарашиться. У тебя вообще где твои самцовые инстинкты?

— Ты что имеешь в виду? — Айвен явно сомневался в моем душевном здравии или в своем понимании ситуации.

— Это самое, — подтвердила я его самые страшные догадки. — Я, пока была в шкуре, не отлынивала. Прилежно оставляла другим медвежьим мамам с детьми послания о том, что территория занята. Теперь твоя очередь шугануть отсюда самцов, а то шляются как у себя дома.

— То есть я, как бродячий пес, должен обойти остров по периметру и... э...

— Зато ни один чужой самец поперек тебя к дитю не полезет, — ничуть не смутилась я. — Во-первых, ты по сути и есть больша-а-ая такая собачка. Во-вторых, зачем тебе весь остров, с ума сошел? Он же огромный, за месяц не обойдешь, и медведей тут как малины в малиннике. Ты пометь территорию от нашей пещеры до побережья, захватив берег реки, где мы рыбу ловили, ягодник за тем холмом, дубовую рощу на западе и во-он ту скалу на востоке. И хватит на первое время.

— Да ты издеваешься! — вспыхнул Айвен, у которого явно проснулось критическое отношение к идеям

«нежены». Как ты себе это представляешь?! Во мне столько... э... жидкости нет, сколько ты предлагаешь... На этом месте я не выдержала и начала ржать.

— Ой, мама... ой, ма... никогда не думала, что буду учить самца барибала делать медвежьи метки! Айвен! У тебя инстинкты где-то там есть, достань их из мозга и примени по назначению! Ты же видел, как я «пограничные столбы» ставлю, не понял, что ли, что жидкость в этом деле не главное?

Медведь немного смутился и озадаченно почесал задней лапой за ухом. Посмотрел на меня. На возившуюся со щепками чуть в стороне Кристинку. Оглянулся на лес. Явно вспомнил злых медведей, норовящих прибить чужой генетический материал. Побурчал что-то себе под нос и поплелся к западному краю обозначенного мной участка.

Вот так, пусть делом займется. Вспомнит мои действия, со зверем в себе посоветуется. Ему ж надо контакт устанавливать. Внутренний. И разберется, что к чему.

Медведь, он все же не совсем собак и обозначает свою территорию весьма оригинально — он делает пограничные столбы. Для человека непосвященного этот знак медвежьих пределов будет выглядеть как обычное поцарапанное дерево. Однако медведи выполняют целый ритуал, когда метят выбранную елку или, к примеру, дуб. Сначала они делают специальные следовые метки: когда подходят к нужному месту, кардинально меняют походку и оставляют более глубокие, заметные следы. Потом сдирают куски коры, царапают дерево и делают закусы. При этом кусать невезучее растение они могут на разной высоте: стоя на четырех и на двух лапах.

Кроме визуальных отметок есть и другие, недоступные человеку. Медведь применяет запаховые железы. Да-да, вот тут технология почти та же, что и у собак. Только кроме жидкой «отметки» медведь может еще и потереться спиной об оставленные на дереве зазубрины и оставить там клочки шерсти, которые будут излучать дополнительный сигнальный запах.

Короче! В совокупности одного зверюги вполне хватает на грозные знаки по периметру участка. И нечего отлынивать.

Пока он шляется и елки с кедрами дерет, я хоть отдышусь. Привыкну к мысли, что он не мой...

Глава 34

Привыкала я недолго. Ровно до того момента, как большой черный медведь скрылся за еловыми лапами. Как только оттуда послышался скрежет и хруст первой поцарапанной елки, меня вдруг зло взяло.

Злата, ты с каких пор стала такая тухлая унылая квакша? Тебе русско-медвежьим языком прежняя хозяйка этого конкретного мужика сказала: бери, он твой. И?

Подумаешь, когтистый диверсант у него пополам с печалью и чувства вины сверху навалило. Ты женщина или где? Скажешь, объяснить одному упертому мужику, кто тут мать семейства и в кого он должен влюбиться, тебе не по силам?

Да щаз-з-з!

Да, объективно рассудив, может и не получиться. Да, я, хоть и пользовалась успехом у противоположного пола, роковой красоткой никогда не была. Как правильно крутить попой и мужиками — представляю смутно. Ну и что?

Золотинка тоже не была светской львицей. И прошедшие две недели Айвен очень четко давал понять, что я ему нравлюсь такая, какая есть. Пусть он не знал, что в его жене произошла рокировка, но реагировал-то однозначно!

Даже на медведицу. А я теперь человек, все мои женские прелести характера при мне. Короче, если не попытаюсь — сама себе никогда не прощу.

Кстати... я ведь с момента оборота еще не видела себя в зеркале и не представляю, как сейчас выгляжу. Только предполагаю, что осталась похожа больше на себя, чем на Золотинку. Хотя боевые шрамы, честно заработанные в детстве, на коленях и еще кое-где, все исчезли. Но тут, наверное, оборотническая сила сработала. Что-то такое я про нее читала...

Значит, берем Кристинку и топаем к единственному доступному зеркалу на острове — к реке. Заодно помоемся, а то ребенок уже медвежонком попахивать начал, а это даже в дикой природе непорядок. Все звери должны мыться, особенно хищники, чтобы от них добыча не разбежалась, учуяв непередаваемое амбре.

Там нас вернувшийся с дозора медведь-воевода и застал. Мы плескались посреди реки, брызгались, радостно верещали и были почти счастливы. Почти — это про меня.

Я уже успела рассмотреть себя в заводи и убедиться, что внешность моя осталась при мне. Разве что показалось, что выгляжу чуть моложе — года на три-четыре, но это субъективно, и потом вода в реке все же не настоящее зеркало. Мои огненно-рыжие волосы остались при мне, как и веснушки. А в остальном я действительно была похожа на Золотинку как сестра-близнец. И при этом отличалась чем-то неуловимым. Наверняка поэтому Айвен, увидев мой человеческий облик, сразу догадался, что я не его жена.

Ну и ладно, проехали. Что было — то ушло, а как дальше сложится — зависит только от нас самих.

А пока — купаемся! Лосось прошел, так что посторонним медведям у реки делать нечего, да и самца-Айвена они уже наверняка почуяли. А нам с Крис — раздолье в последние по-настоящему теплые деньки.

Я соорудила нам обеим бикини из тряпок и шнурков, Кристинка оценила обновку и теперь с ликующим видом скакала по отмели как заправский дикаренок. Я ее ловила и мыла, она отбивалась и хохотала. Идиллия.

И я совсем забыла, что нормальное и приличное бикини из моего времени совсем иначе воспринимается в этом веке дикого патриархата.

Айвен:

Я не успел. Я опять не успел. Твари!

Хотя чего на зеркало пенять, когда у самого рожа крива, так, кажется, бабушка говорила, когда кто-то из внуков начинал слишком много ныть и жаловаться на внешние обстоятельства.

Я с самого начала вел себя как идиот. Последний, неисправимый, упрямый идиот. Единственное, что я сделал в своей жизни правильно, — это не стал слушать бабских гадких сплетен про индейскую подобрашку и пошел за своими чувствами.

Золотинка... маленькая дикарка, лесное сокровище. Такая юная была, искренняя, открытая.

Веселая и доверчивая. Я почти мгновенно потерял голову. Даже подумал, что ссора с отцом, неожиданно закончившаяся тем, что я хлопнул дверью, пошел и завербовался на золотые прииски учетчиком в факторию Северо-Западной Компании, — это веление судьбы. Ведь без него я не встретил бы свое нелепое и слегка испуганное золотистое счастье.

Она в тот день принесла на продажу какой-то скарб из племени, а ее пытались обмануть и обобрать на рынке. Не тут-то было, и дело едва не закончилось дракой, а потом и участком, где пришлая индейская полукровка вряд ли нашла бы защиту и справедливость.

Какие у нее глаза были, когда я одним грозным взглядом разогнал ее обидчиков. И как доверчиво она вложила свою ладошку в мою руку, когда я предложил проводить ее до дома...

То, что моя жена упряма, как лучший призовой мул, и умеет настоять на своем, часто только ее индейским приемным предкам понятном безобразии, мне открылось позже.

Да не сильно мне ее упрямство и мешало. Хочется меня в резервацию обязательно привести, показать старейшинам и духам? Ну, мне не трудно. Даже позволил ей намазать себя какой-то резко пахнущей травами мазью и поспал у костра под заунывное бормотание какой-то старой бабульки из самого большого шалаша. Снилось что-то странное, правда, и такое... сказочное. А наутро, когда Золотинка торжественно объявила, что теперь мой зверь вошел в род ее великой матери, только радостно покивал — чем бы дитя ни тешилось, научить ее читать и воспринимать мир без индейских предрассудков я еще успею.

Она училась охотно и прилежно, на лету перенимая привычки и обычаи цивилизованного человека. Через три месяца уже читала мне вслух газету и очень забавно комментировала новости из большого мира с точки зрения коренного жителя здешних мест.

Готовила мне индейские блюда и то, чему научилась у жен других служащих... ждала с работы, радовалась. А потом родилась Крис.

И меня как обухом по голове ударило — только посмотрел на свою малышку и понял: хочу дочери лучшей жизни, чем эта святым кругом забытая фактория на краю земли. Но к родителям вернуться дурацкая гордость не позволила, все сам! Заработаю, обеспечу! Все же не зря я столько лет учился в горном институте, а потом работал в фактории со старателями.

Возомнил себя самым умным. Вычислил жилу, застолбил участок. Все по правилам сделал! Одно забыл — золото добыть мало. Надо уметь его сохранить от двуногих хищников, у которых нюх на чужую удачу работает лучше, чем у диких зверей.

А ведь говорила мне бабушка... предупреждала.

Глава 35

Айвен:

Незабываемые ощущения — бродить в шкуре медведя среди деревьев, чтобы совершенно по-идиотски драть их когтями и тереться задницей. И одновременно вспоминать, как ба с дедом специально приезжали проведать непутового внука. Хорошо, уши не надрали тогда, но у меня сложилось впечатление — только потому, что Золотинка не позволила... Мою жену, в отличие от мужа моей матери, патриархи семейства Агреновых одобрили сразу и навсегда.

Ну и сколько мне еще «метить территорию»? Как эта сказала — до самого побережья?! Черт. Уф-ф-ф... ф-фу. Что за скунс вонючий лазил по этим кустам? Другой самец?! Ар-р-р-р!

Круг святой, сам не ожидал, как накрыло звериной какой-то яростью, опомнился, когда уже переметил все окрестные кедровые валуны, на голых инстинктах, без участия мозга.

Нет, надо срочно вернуться к привычным человеческим размышлениям! У меня дочь, у меня... я должен увезти ее отсюда и подарить нормальную жизнь. Точка. Ну-ка! О чем я там... А!

Память услужливо поднесла на блюдечке незаконченную мысль.

Так уж сложилось, что мать вышла замуж в другую страну, на другой континент, за мужчину, который так и не стал в ее семье своим. Нет, никто не ссорился, отношения были достаточно теплые, но все же, все же...

Нет, на самом деле хорошо, до взаимных проклятий не дошло. Я ж видел, как дед с трудом удерживается, чтобы не дать отцу в морду. Только ради дочери терпел. А папенька ради жены не пытался провернуть то же самое: вопреки рафинированному образованию в лучшем университете Штатов, он тоже не дурак кулаки почесать.

Да ладно, этого следовало ожидать. Наследник картофельных королей, потомственный житель крупнейшего города Северо-Западного Союза Свободных Штатов, крупный финансист, акула биржи Джейстин Даунтон-младший не смог проникнуться странными, на его взгляд, ценностями и привычками этих сумасшедших славцев, до сих пор живущих где-то в самом глухом углу своей варварской империи.

Для него один факт того, что мать жены своими руками топит там у себя дома печь и лепит пироги, — уже шок и экзотика. И эта их манера общаться с чернью чуть ли не на равных отца бесила страшно.

Но надо маме отдать должное — она своего жесткого авторитарного владельца крупного холдинга держит в ежовых рукавицах. Это на бирже и в офисе он Хозяин с большой буквы. А дома — любящий муж и хороший... а, черт, чего от себя скрывать? Хороший отец. Хотя и своеобразный...

Маман же ни на грамм не позволила прогнуть себя в том, что считала действительно важным. Отец любил мать безумно, даже спустя тридцать лет после свадьбы, и ради нее готов был терпеть и подстраиваться. В меру, конечно, тут обе стороны прекрасно понимали, что палку перегибать не стоит.

Но все летние каникулы единственный сын Кристины Даунтон-Аддерли, королевы светских салонов Нью-Йорка, проводил в обширном поместье бабушки и дедушки в Славской империи.

Ух, я любил там гостить! Особенно пока совсем маленький был. Какие сказки ба рассказывала волшебные, до сих пор помню. И мама в поместье за Срединным Хребтом становилась совсем другая. Более... свободная, что ли. В сарафане, непривычная такая без корсета. А я целыми днями гонял с кузенами и кузинами то по лесу, то по болоту. Измазанный по уши и счастливый до неба — после домашних-то строгостей! До сих пор с ностальгией вспоминаю, как здорово было беситься на сеновале, купаться в озере, рыбу ловить.

Так, ладно. Под сладкие воспоминания все чертовы кедровые подрал и обо... пометил. Пора возвращаться к дочери. И к этой.

Сердце разом заныло. Золотинка... как же так? Как же так? А эта! Какого черта притворялась?!

Странная она. Я чувствую, что это другая женщина, и в то же время все мое естество восстает, внушая, что незнакомая девушка с красноватым оттенком знакомых кудряшек и непривычно светлыми глазами — не чужая. Что она... Да нет, чушь! Сама призналась. Моя жена ум... ушла. К своим древним духам или за Святой Круг — не знаю. Без разницы.

Но почему резкая боль утраты утихает рядом со свалившейся неизвестно откуда незнакомкой?! Это неправильно, это злит! Бесит! С какой стати? Это чужая, незнакомая женщина.

Да, Крис висит на ней, на шаг не отходит, зовет мамой. И эта... вроде бы искренне привязана к дочери. Но она не Золотинка. И попытки занять место моей жены ничего хорошего о ее натуре не говорят. Какие у этой женщины мотивы? Строи́ла тут из себя индейскую хозяйку, в глаза смотрела и врала.

Чувствуя, как развеившаяся было за неотложными делами злость снова захлестывает с головой, я буквально накинулся на выросшее на дороге могучее дерево с разлапистыми колючими ветками. Поднялся на задние лапы и от души прошелся по нему когтями, точь-в-точь как в боксерском клубе отца по кожаному мешку для отработки ударов.

Кедр обиженно трещал, а потом огрел меня по голове упавшей откуда-то с верхних веток шишкой. По медвежьему черепу почти не чувствительно, так, легкий хлопок, но в себя привело.

И злости поубавилось. Примерно вполовину. Еще одно дерево покалечить? А, обойдусь.

Развернулся и пошел к реке. Наверняка эта пришелица с моей дочерью у воды, что-то она бормотала утром про

«пора купаться». Там я их наверняка застану и выскажу наглой самозванке... не знаю что. Что-нибудь скажу. Не слишком грубое. А то она показалась мне вчера не на шутку испуганной и несчастной. Я не очень разобрался, как и почему эта девушка заняла место моей жены. Про чужой мир, чужое время — бред какой-то. С другой стороны, я сам превратился в медведя, а до этого считал своей женой медведицу. Это не бред?

За этими мыслями сам не заметил, как прошагал через всю свою помеченную территорию и оказался на берегу реки. Услышал счастливый Кристинкин визг и смех... на секунду показалось, что ЕЕ смех, и дыхание перехватило. Чуть не кинулся со всех ног к воде, но что-то меня удержало, и я только осторожно высунул морду из кустов.

Да так и застыл.

Голова закружилась от открывшегося зрелища. На миг опять показалось, что там она, моя Золотинка, и такая... в таком наряде, что... да черт возьми! Я не железный, и на полуголую женщину, красивую и такую живую, волнующую, на собственную жену, у меня и тело реагирует как положено!

Тело? Какое тело?! Тьфу!

Вот как это понимать? Только что был медведем, а теперь стою в кустах в чем мать родила, да еще и с тем, что на жену... кхм. А там никакая не жена! Чужая полуголая женщина скачет по мелководью и показывает плохой пример Кристине.

От возмущения опять кратковременное помутнение произошло, потому что я как был, так из кустов и кинулся с криком:

— С ума сошла?! Чему ты мою дочь учишь?!

Глава 36

Злата:

— Чего? — сначала я растерялась, увидев, как из прибрежных кустов выскакивает на галечную отмель совершенно голый Айвен и на всех парах мчится ко мне с возмущенным лицом. Эм-м-м... не, я уже в курсе была его весьма впечатляющего торса и стройных лодыжек, но всю натуру целиком оценила впервые. Ы-ы-ы-ы! Какой мужик!

И потом только вслушалась в то, что именно он там орет.

— Чему я ее учу?

— Ходить полуголой! Это неприлично!

— Вот ты сейчас серьезно? — переспросила я, еле сдерживая смех, уже догадываясь, что это наши мини-бикини из парусины ввергли отца семейства не только в избавление от медвежьей шкуры, но и в веселый променад по берегу без оной. — Полуголой, значит, неприлично. Угу. А как надо?

И выразительно осмотрела его от встрепанных светлых волос до пальцев ног, слегка задержавшись взглядом примерно на середине дистанции.

— ...! — сказал Айвен, вытаращив глаза в ужасе, развернулся и с такой скоростью дунул в кусты, что я даже не успела толком рассмотреть его... ну, скажем так, тылы. Эх, даже жаль.

Ну понимала, понимала я, что нельзя смеяться. Но ничего с собой поделатать не могла. Единственное, на что меня хватило, — это не ржать в голос, поэтому я села прямо в мелкую водичку и тихо, сдавленно хрюкала в ладони, которыми закрыла лицо.

И в этот момент с другого конца отмели прискакала радостная Кристинка. Оценила диспозицию и моментально перепугалась.

— Мама, ты плачешь?! — заорала она, бросаясь ко мне и обнимая обеими руками. — Мама! Тебя папа обидел?!

— Нет, заюшка, не плачу, — с трудом выдавила я, стараясь не закатиться в новом приступе истерического хохота.

— А почему слезы тогда?! — все никак не успокаивалась дочь, ладошками вытирая мое мокрое лицо.

— Это от... от... я просто поперхнулась и кашляю. Потому и слезы.

— А... а почему папа убежал так быстро?

Очень хотелось честно ответить ребенку: потому что долбоклюй твой папа. И штаны потерял. Вот и носит по кустам с голым задом, на бегу всем морали читает про приличное и неприличное.

Но я сдержалась. Даже мысленно посочувствовала Айвену, потому что кусты, в которые он ускакал с космической скоростью, были не просто кусты. Это он в медвежьей шкуре мог там шляться, не обращая внимания на мелкие неудобства, а вот голой человеческой заднице вряд ли по нраву придется заросли шиповника. Ой...

Так, похоже, надо идти спасать нашего бегуна. Он ведь еще и босиком.

— Я сейчас! — Подхватив Крис на руки, я рванула к кустам, где ворочался и шепотом ругался непутевый отец семейства. — Не крутись там, а то весь в дырках будешь. Крис, может... а, нет, лучше с собой.

И, не слушая, что там пытается возражать Айвен из шиповника, посадила мелкую к себе на закорки, подпрыгнула, чтобы захихикавшаяся дочь уложилась там поудобнее, и припустила по тропе к дому. Шлепанцы и драные, но чистые трофейные штаны наверняка спасут нашего папу от полного фиаско. Ведь, судя по пыхтению и мату, превратиться обратно в медведя просто так по собственному желанию он не смог.

Вернулись мы тоже галопом, причем Крис на бегу радостно игогокала и погоняла меня, как заправский кочевник свою лошадку.

— Мам, мам! Н-но-о-о-о! — вопила она мне в ухо и хохотала. — Давай еще раз туда и обратно!

— Не, теперь папина очередь, — пропыхтела я, тормозя у кустов, вытирая пот со лба и закидывая в

шелестящие заросли куль со штанами и шлепанцами. — Сейчас он оденется, и скачите с ним лошадками хоть до другого края острова. А я устала.

— Хмрх-х... — невнятно сказал ошастливленный перспективой папа из кустов и через минуту выбрался на свет. Лысые лоси, таки исцарапался. Причем основательно, видать, в запале влетел в кусты, не обратив внимания на колючки, а потом поздно было.

Выглядел Айвен крайне недовольным жизнью, но никаких сентенций по поводу моего или Кристинкиного костюма больше не высказывал. И про плохой пример тоже не выступал. Просто осмотрел нас обеих с ног до головы, оценил яркое любопытство на дочериной мордочке, фыркнул что-то себе под нос и развернулся в сторону дома.

— Вы уже помылись? Пора обедать и заняться делами. Скоро похолодает, — высказал он все так же сумрачно. Потом секунду еще подумал, подошел, снял Кристинку с моей спины и посадил себе на шею. Постоял немного.

— Пошли.

Угу, выдал распоряжение один такой. Хоть бы спасибо сказал за штаны. А то смотри на него, сам скачет по кустам голышом, а на меня еще хмурится. Я, между прочим, в трусах!

Но почему-то на этот раз даже обиды в душе не было. Только какое-то странное чувство узнавания и даже почти умиротворения. Он всегда так, когда попадает в неловкую ситуацию или чувствует себя виноватым. Надуется, насупится, как сыч, и какое-то время ходит бухтит себе под нос. Ему нужно время, чтобы осмыслить ситуацию и справиться с ней.

Только вот откуда я это знаю?! А? За две недели насмотрелась? Или стала вдруг таким тонким психологом, что прозреваю чужие движения души с лету?

Не-ет, это что-то другое. Я не догадалась, не пронаблюдала, я именно знаю. Помню... Это как?

Ф-фу, даже голова заболела от напряженных мыслей. Зато сама не заметила, как мы дошли до дома. Очень серьезный Айвен протопал в избу, ссадил Кристину на полати, вернулся к входной двери, тщательно ее закрыл. Встал посреди комнаты и уставился на нас с Крис с самым серьезным видом. Точнее, на дочь уставился, а моего прямого взгляда он по-прежнему избегал. Помолчал и разродился наконец:

— Готовиться к зиме надо продолжать. Но первым делом нужно все же попытаться решить проблему с нашими превращениями. Кристинка, иди сюда. Расскажи мне еще раз, как и почему ты превращаешься в мишку. Что ты при этом чувствуешь?

Деловой какой, а. Выдал распоряжения и доволен. Вот кто мне скажет, почему это меня так умиляет? По идее-то надо бы хоть обозлиться, нет?

Крис послушно насупилась и приняла сосредоточенно-задумчивый вид. Посидела так с минуту, а потом пожала плечами:

— Ничего не чувствую. Папа, я просто хочу. И все.

— И все? — недоверчиво переспросил Айвен, потом, наконец, посмотрел мне в лицо, и вот удивительное дело... кажется, эту мысль мы подумали одновременно. А потом...

— И-и-и! Глупые! — укоризненно пропищала Крис, поджимая ноги. — Вы что, не могли на улицу выйти? Теперь застряли вот. Папа, подбери живот, а то маму раздавишь! Ух, большой медведь!

Глава 37

— Большой... это еще мягко сказано! — прокряхтела я, пытаюсь протиснуться к двери. Чем вызвала ликующе-веселый Кристинкин смех:

— Мама, ты так смешно задними лапками дрыгаешь! Почти как папа передними! Уф-ф-ф-ф...

Главное, два идиота, нашли время желать. Застряли намертво. Причем валетом — нос к хвосту. И ни туда ни сюда.

А обратно не желается!

То есть я в медвежьей шкуре аж упарилась желать. И ничего... да что ж за невезение такое?! Почему обратно не превращаемся?!

Так, спокойно, Злата, спокойно. Давай мыслить логически. Какие еще условия предшествовали превращению? Хм... было что-то странное, я буквально за секунду до оборота его почувствовала. И это странное... появилось... когда Айвен смотрел мне в глаза. А я ему. Не, ну это совпадение, навверное. Хотя после полчаса пихания животами я готова поверить во что угодно.

Все дело было в том, что мы дружно боялись разломать к лысым лосям наш теремок. Пол, лавка и стены уже и так угрожающе потрескивали при каждом нашем взбрыке.

— Айвен, обернись и посмотри на меня. — Чем лось не шутит, пока медведь спит. Бредовое предположение, но попробовать надо. — Ага, глаза в глаза. Давай! Желай, в смысле.

Упс...

— Получилось, получилось! — Кристинка захлопала в ладоши. — Теперь целуйтесь!

— Э-э-э-э... — сказали мы хором. И хором же покраснели. Потому что ситуация была двусмысленнее некуда. Когда мы дружно омедведились, мое бикини приказало долго жить, как, собственно, и штаны Айвена. И теперь мы сидели на полу... точнее, Айвен сидел на полу, я у него на коленях, и оба в чем мать родила. Целоваться в такой позе удобно, кто бы спорил, но не нам!

Главное, обоим одинаково неловко.

— Крис, а принеси с веревки тот кусок парусины, который с дыркой, — торопливо попросила я, почувствовав, что Айвен крепко вцепился мне в талию и не думает отпускать. Но вовсе не потому, что ему приятно ко мне прижиматься, а все из тех же пуританских соображений — в обнимку мы худо-бедно друг другом перед дочерью прикрыты.

— Пф-ф-ф-ф! Подумаешь! А то я не видела, как вы целуетесь! — прокомментировала маленькая засранка, но прыгнула с полатей и убежала во двор за импровизированным пончо. Как только Крис скрылась за дверью, нас с Айвеном словно взрывом разбросало в разные стороны. Я проворно сиганула на полати и обмоталась одеялом, а вот Айвену не повезло — его попытка приладить драные в клочья штаны к своему самому интересному месту не увенчалась успехом.

— Пока не научимся полностью контролировать оборот, будем ходить в бикини. Все трое, — мрачно констатировала я. И пояснила в ответ на недовольный взгляд из-за печки, куда ретировался Золотинкин муж: — Иначе никакого паруса не напасешься. Ладно бы по шву штаны-то лопнули, так нет, такое впечатление, что при обороте их когтями на лоскуты драли. Собирать и сшивать этот пазл... ну, от безысходности можно попробовать, но толку будет немного.

— Угум, — невнятно прогудел из темного угла мужчина, что-то хотел добавить, но тут вернулась Крис.

— Отдай папе пончо, — велела ей я, кутая ноги в одеяло. — И подай мне, пожалуйста, нож с полки, буду новый купальник кроить. На него меньше материала расходуется. Но все равно! Крис, тебя тоже касается: прежде чем пожелаешь стать мишкой, одежду надо снять. Раз ты такая умница и можешь превращаться туда-сюда по собственному хотению, значит, достаточно взрослая, чтобы подумать о бережливости.

Короче говоря, через пару часов мы с ее папой дружно занимались хозяйственными делами в разных углах двора и делали вид, что ничего не произошло. Айвен облачился в слегка косоватые короткие семейники, которые я ему сшила, и колот нормальные дрова из того буреломы, что он же натворил в медвежьем виде, я занималась сушкой яблок-дичков и попутно рассказывала крутившейся под ногами Кристинке сказку про съедобные и несъедобные грибы. Сезон-то вот-вот, так что сказка была актуальна как никогда.

Я нанизывала подвяленные сморщенные дички на бечевку с помощью выструганной из яблоневого

ветки иглы с ушком и размышляла. Что это было вообще и при чем тут взгляд глаза в глаза при превращении? Это какой-то намек? От кого? И на что? Ну вот только не надо мне тут «они предназначены друг другу судьбой, и если будут отбрыкиваться, то их приклеит силой». Терпеть не могу такие сюжеты в женских романах, а про реальную ситуацию и говорить нечего. Но если это не оно, то что все это значит?

Поэкспериментировать, быть может? Отойти за избу и попробовать «пожелать», предварительно сняв

«купальник»? Блин, во-первых, страшновато, а во-вторых... а во-вторых, не знаю. Не знаю! При мысли об этом из глубины души поднимается чувство неправильности. М-де...

Вечером, когда Крис уже уютно посапывала в самодельную подушку, набитую правильно высушенным пахучим сеном, я осторожно привстала с полатей, на которых устроилась рядом с дочерью, и сделала знак Айвену, мол, пошли, побеседуем. Мужчина, что-то тихо мастеривший за маленьким столиком у печки, на которой была укреплена тускло подсвечивающая темноту лучина, поднял на меня глаза, пару секунд подумал и кивнул.

— Поговорим? — Я не осталась под навесом у двери, а прошла несколько шагов и села на очередную выломанную с корнями елку, которую наш дровосек-чемпион еще не успел расчленить.

— Поговорим, — согласился Айвен, присаживаясь на другой конец бревна.

— У нас есть два выхода. — Я задумчиво потерла лоб, вздохнула и пристроила подбородок на подтянутые к груди коленки. — Теперь два. Смотри. Мы можем продолжать запасаться самым необходимым, но уже не бояться, что чего-то критически не хватит и мы умрем от голода и холода. Спокойно доживем до морозов людьми, а потом заляжем в спячку, все трое. До самой весны. Эта избушка прекрасно заменит берлогу, особенно если накопать дерна и обложить ее со всех сторон поверх вязанок камыша. Даже печку топить не понадобится. А сделанные запасы прекрасно пойдут в ход весной, когда мы проснемся. Весна — время бескормицы, большинство медведей гибнет именно от нее, тут мы и воспользуемся тем, что можно превратиться обратно в людей и гораздо меньше есть. Короче, до следующего сезона мы точно в безопасности. За это время твои враги на материке точно уверятся, что ждать и искать нас незачем, потому что обычный человек тут бы не выжил один столько времени. И мы сможем добраться до людей, минуя знакомые места, купить билеты и уехать к твоим родственникам.

— Угу. — Айвен кивнул, и я как-то поняла, что это не столько согласие с данным вариантом, сколько знак того, что он меня услышал и принял мои слова к сведению. — А второй выход?

Глава 38

Айвен:

Наваждение какое-то. Я скоро с ума сойду, если уже не сошел. Я знаю, чувствую, вижу, что она другая. У нее другой запах, глаза, походка и волосы. Другая манера разговаривать... и странно, что, пока она была медведицей, я этого не замечал. Может, просто не хотел замечать?

Она другая, она не моя жена. И сама это признала.

Так какого черта, когда я смотрю этой в глаза, я вижу... ее?

Да что такое, в самом деле?! Ну думай, Айвен, думай! Почему эта пришелица так похожа на Золотинку? Если бы их рядом поставить — решил бы, что сестра-близнец. Но близнецы бывают в жизни, в этом нет ничего удивительного. А вот то, как эта чужая женщина, когда заплетает косички моей дочери, садится на лавку, поджав под себя ноги тысячу раз виденным способом, устраивает Крис у себя между колен и изредка, чтобы малышка не вертелась и не мешала ее причесывать, наклоняется и что-то явно смешное говорит ей на ухо...

Откуда она может знать такие мелочи, а? Это ведь не рассказ о нашей жизни, не сухие факты, которые можно выяснить тем или иным способом, это...

Она нарочно копирует мою жену. И при этом смотрит равнодушно, разговаривает со мной, когда Крис нет рядом, ровным тоном, как с деловым партнером. С ума сойти, женщина — и как с деловым партнером! В этот момент так и хочется забыть о ее поле; если закрыть глаза и не обращать внимания на тембр, только на слова, то кажется, что разговариваю с мужчиной.

Но вот тема касается хозяйственных хлопот — и тут же все меняется, тут уже с мужчиной ее не спутать. М-да...

— Эй! — Меня вдруг подергали за руку, и я спохватился. Неужели так увлекся своими мыслями, что перестал слушать, и это стало заметно?

— Не спи, замерзнешь, — незнакомо усмехнулась, глядя на меня, девушка с лицом Золотинки. — По-моему, ты половину того, что я говорила, мимо ушей пропустил. Устал, что ли? Тогда давай отложим разговор до завтра, все равно за ночь ничего не поменяется.

— Нет. — Я решительно встряхнулся. — Извини, я действительно задумался. И не услышал, что ты про второй выход сказала. Но сразу должен заметить, что первый нам не подходит. За это время весть о моей гибели и гибели моей... семьи уйдет на большую землю. А у меня там мать. Да и отец. Как бы мы с ним ни спорили и ни ссорились... Короче. Я не могу допустить, чтобы они считали меня мертвым. И кроме того, доказывать куче официальных лиц, что ты на самом деле не погиб, — то еще приключение и может плохо сказаться на будущем Кристины. Поэтому выбираться отсюда надо раньше. И уж коль скоро мы взяли под контроль наши превращения...

— Да где же взяли?! Крис скачет туда-сюда как бог на душу положит, а мы сами толком так и не разобрались, как оно работает и зачем друг другу в глаза при обороте смотреть. Так что... — перебила женщина, и я почувствовал глухое раздражение — не привык к такому. Или отвык за то время, что жил в фактории? — Так что рано радоваться. И с острова уходить рано.

М-да. В цивилизованном обществе приличная леди не позволяет себе перебивать мужчин, да... на людях и пока ты на ней не женат. А потом в семейной жизни бывает по-всякому.

А вот здесь на севере, в фактории, старый уклад местами проще, а местами и суровее. Здесь мужчина всему голова, потому что выжить без него нельзя. И перебивать его не принято. Золотинка не перебивала. Никогда. Правда, потом, после разговора, частенько умела все так повернуть, что я, сам не знаю как, соглашался с тем, что считала правильным она, и забывал о том, на чем настаивал полчаса назад. М-да...

И не поймешь, как лучше. С одной стороны, вещать с апломбом и уверенностью, что ты тут главный, приятнее для самолюбия. Но цена у этого своя: тобой будут вертеть исподтишка. Хитростью. А вот так прямо в глаза не соглашаться — занозит, но... честнее, что ли?

— Что ты предлагаешь? — В глаза я ей все же лишний раз старался не смотреть. Не потому, что боялся превратиться, а из-за того беспокоящего чувства несоответствия.

— А что я могу предложить? — Незнакомка пожала плечами. — Я твой мир совсем не знаю. Точнее, общее представление имею по учебникам истории. Но частности и нюансы мне недоступны. Пока. Поэтому сам думай. Но я считаю, что неделя-другая на острове ничего не изменит в общем раскладе, зато даст нам шанс окончательно разобраться с медвежьим обликом. А дальше все

зависит от того, каким образом и через какие места ты собирался возвращаться к родителям на большую землю. Одно дело, если мы диким лесом пойдем мимо фабрики несколько сот миль до первой станции железной дороги и объявимся уже там, и другое, если решишь сразу права качать и с врагами на месте разбираться.

— Нет. — Я помотал головой. — Такой глупости я больше не сделаю. Хватит, навоевался, чуть не потерял ва... дочь. Воевать с подонками по-честному не имеет смысла. Если я и вернусь за своим золотом, то с таким подкреплением, чтобы раздавить гадину наверняка.

— Значит, нам надо проползти в цивилизацию, чтобы нас не заметил никто из тех, кто может опознать, — уверенно констатировала женщи... да что такое! Сколько уже времени прошло, а я все не могу спросить, как ее зовут. То есть один раз спрашивал, но она тогда не ответила, и я успокоился. Точнее, отвлекся. Еще точнее — отчего-то боюсь услышать ее имя.

Боюсь?! Какого черта? Ну нет.

— Как тебя зовут? — прямо спросил и уставился ей в глаза, нарочно не отводя взгляда.

Она в этот момент что-то говорила, но осеклась и удивленно моргнула. Потом наклонила голову к плечу и как будто задумалась. Мне показалось, что она боится назвать свое имя или ее что-то смущает. Черт... как-то неловко стало. Хотел уже сказать, что ладно, не хочешь — не говори, как она упрямо мотнула золотисто-рыжими кудряшками и твердо произнесла:

— Злата. Меня зовут Злата. И я русская... тьфу. В вашем мире это называется, наверное, славская? Славянка? Как правильно?

— Э-э-э-э... — Ее слова почему-то привели меня в замешательство. С какой-то стати всплыли вдруг в памяти бабушкины слова: «И по воспитанию твоя жена правильная девочка, и по крови наша». А когда я попробовал узнать, что ба имеет в виду, она только загадочно улыбнулась.

Злата, значит. Злата. Почти Золотинка, да? Такие похожие имена. Случайное совпадение? Черт, ничего уже не понимаю.

Я уже открыл рот, чтобы задать один вопрос, очень важный. В этот момент мне казалось, что ответ на него решит все мои сомнения. Но не успел.

— Ма-а-ам! Па-а-ап! Я хочу кушать и сказку!

Глава 39

Злата:

У меня племяшка тоже имела привычку выскакивать со своим «кушать, писать, сказку» в самый неподходящий момент. Так что Кристинкиному появлению я не удивилась, где-то даже обрадовалась. Сама не знаю почему, наверное, испугалась, что наш с Айвеном разговор слишком далеко зайдет. Хотя чего бояться? Ну зайдет... и что? А не знаю. Просто когда дочь выскочила из избушки и требовательно запищала — я где-то глубоко внутри выдохнула с облегчением.

Как сложно все оказалось, прямо ужас. Пока я притворялась Золотинкой и по старой памяти проецировала на Айвена свою неприязнь к Гринчу, все как-то проще было. Понятнее. А, ладно, где наша не пропадала! Терпеть не могу всякие недомолвки и хождения вокруг да около. Вот будет у нас еще свободная минутка — я прямо в лоб и спрошу. То есть скажу... Тьфу! А что скажу-то?

Все, хватит самой себе голову морочить. Делом надо заняться, это всегда помогает от ненужных мыслей. И начать следует с того, что составить план. Новый. Старый я Айвену уже озвучила, он был вполне осуществимый и в целом неплохой. Но по тому, как упрямо сверкнули его глаза, когда мужчина говорил о своих родных и о том, что не может допустить, чтобы до них дошла ложная весть о его гибели, я поняла: и сам попрется, и Крис на закорках потащит, хоть я дерись.

А кроме того, я, когда его рассказывала, все время держала в голове еще один нюанс: а как повлияет на нас такое долгое нахождение в медвежьем облике? Вдруг вообще не проснемся? В смысле, память и разум не проснутся? Взрослым, я думаю, это все же не так сильно угрожает, а вот Крис... м-да. Короче, это был план на случай безвыходной с острова ситуации — просто шанс хотя как-то выжить в зиму. Но теперь обстоятельства немного изменились, и раз Айвен твердо намерен уходить — я только «за».

Ну, значит, выключаем режим «зимняя спячка» и включаем «дальняя дорога и три придурка в медвежьей шубе». Хотя почему три — Крис из нас как раз самая здравомыслящая. Просто маленькая еще.

Так... если через факторию идти опасно, значит, до железной дороги придется добираться лесами и на медведях. Тьфу, в медведях. Ну нормально, шанс дойти есть, это человеческими ногами с ребенком было бы почти нереально. А так — главная загвоздка в том, чтобы все запасы еды с собой уволочь. Ибо как там с охотой будет по дороге — неизвестно. Тренироваться с оборотом можно и на ходу.

Но все равно, уйдем с зимовья не завтра и даже не послезавтра. Надо все собрать, обдумать и рассчитать. Потренировать оборот. Надрессировать Крис, Айвена и себя самое, чтобы труссы снимали, прежде чем превратиться, и вообще держали себя в руках. А еще... ну вот вылезем мы из лесу у железнодорожной станции. Три оборвыша-дикаря. С запасом недоеденного лосося. Кто нас в поезд пустит? И билеты денег стоят, ко всему прочему. А еще надо как-то умудриться миновать знакомых Айвена и прошлой Золотинкиной жизни — лучше пусть никто не знает, что мы выбрались с острова живыми и уехали на большую землю. Мало ли... Этот козел, что затеял похищение женщины с ребенком, он явно упорный, сволочь. Может подстраховаться и посадить на станции человека... с инструкциями.

Та-а-ак. Еще одна проблема. Буду думать. И Айвена позову, чего я одна да одна? Он тут мужик и абориген, вот пусть и направляет мою мысль в правильное русло!

Поговорить долго и серьезно у нас в тот день так и не получилось, потому что Крис как с цепи сорвалась — требовала внимания обоих родителей и капризничала аж до неба. Поскольку обычно она себя так не вела, я переглянулась с папашей, пожалала плечами и решила, что один вечер погоды не сделает: надо ребенку ликвидировать острый недолюбит — ликвидируем. Но только в две каски — попытку Айвена дезертировать за дровами мы с Крис пресекли жестко. Хором.

Папа офигел и смирился.

Ну и вот, как-то так само собой склеилось, что утром следующего дня мы стали готовиться к путешествию, даже не сговариваясь между собой. Не то чтобы мы совсем не беседовали, но как-то это получалось... почти как раньше и почти всегда по делу.

— Что, совсем в мелкую крошку рубить? — Айвен пристроил на широченный пень копчено-вяленого лосося и задумчиво примерился к нему здоровенным, остро заточенным тесаком. — Крис, отойди, не суй пальцы под нож, ты что!

— Да. Руби в мелкую крошку, потом досушим до каменного состояния и упакуем в парусиновый мешок — в таком виде туда весь двухнедельный улов стрясти можно, — кивнула я, подтягивая к себе любопытно-непоседливую дочь за трусики и усаживая рядом с собой на бревно. — Ну в два

мешка... даже в три. Это неважно, главное, объем поклажи сильно уменьшится. Крис, не егози, сейчас я дам тебе иголку и будешь сметывать мешок. Как большая.

— Да-а-а-а! — возликовал ребенок.

А я в очередной раз мысленно обозвала себя пеньком еловым — ребенок-то не первый раз прекрасно усмирялся серьезной, хотя и посильной хозяйственной помощью. Если Крис чувствовала, что ее работа действительно на пользу, а не просто так поручили дитю баловаться имитацией, лишь бы не мешалось, то она отдавалась своему занятию полностью. И выдавала вполне сносный результат.

Ну и вот... мы шили мешки, крошили рыбку и о предстоящей дороге на далекую большую землю, к цивилизации, полиции и родителям Айвена, говорили буквально на бегу, то тут, то там, парой фраз. И при этом как-то вроде получалось обсудить важные детали.

— Насчет денег на билет не беспокойся. На станции есть местное отделение банка, там я получу доступ к счету и возьму наличные, — кивал мужчина, старательно дробя ручкой тесака высушенные до звона рыбы скелетики. Этот порошок нам в супе-то дорожном ой как пригодится.

— Хм-хм... а ты уверен, что это безопасно? На месте наших врагов я именно в банке устроила бы засаду. Просто на всякий случай. — Я задумчиво почесала нос, искоса поглядывая на Айвена и стараясь погасить в голове глупые мысли про сильные мускулы и кубики на прессе. Нашла время... — Подкупила бы мелкого клерка, чтобы он послал весточку кому надо, если ты объявишься. Поезд, насколько я помню, раз в неделю. А билеты надо брать хотя бы за день, перед самым отходом их может не быть. Значит, мы должны задержаться на станции, а это уже вдвойне опасно.

— Кхм! — Айвен чуть не стукнул себя по пальцам, едва удержал на языке нехорошее слово и уставился на меня со своей уже привычной смесью легкой настороженности пополам с полным офигением. — Откуда ты знаешь такие... м-м-м... криминальные подробности? В смысле, мне кажется, что женщина не должна даже подозревать...

— Э-э-э-э... — теперь уже обалдела я. — Ты здоров вообще? По-твоему, женщина — это нечто умственно отсталое? С какой стати? И твоя... жена такой никогда не была, что за вопрос вообще?

— Золотинка... — Айвен на секунду как будто потух, но потом встряхнулся и зло сжал губы. На кого он разозлился, на себя или на меня, было непонятно. — Золотинка никогда так прямо не заявляла мне, что я идиот.

— А я когда заявляла? — Мое изумление было совершенно искренним.

— Ты все время командуешь, а когда я предлагаю свое решение, сразу прямо критикуешь и указываешь слабые места, — вздохнул мужчина. — Мне это непривычно. Очень бьет по самолюбию, знаешь ли.

Глава 40

— Э... — Я озадаченно нахмурилась. Что-то такое было, помню. Тетка, кажется двоюродная, из той родни, что осталась в России. Приезжала в гости и все пыталась меня научить «женской мудрости». Лет семь мне было, и я поспорила с каким-то соседским мальчишкой, с которым дружила на тот момент, даже не помню из-за чего. Тетя Тома влезла в разборки и попыталась меня воспитать. Вот это все: обращайся с мужчиной как с недоразвитым кабаном, у которого во рту граната с выдернутой чекой. Иначе либо рванет, либо убежит в лес искать там другую девочку, чтобы дружить. Не спорь с ним, всегда улыбайся, хорошо корми и гладь по шерстке, хвали всегда, даже если он творит или несет явную ерунду. А потом тишком проворачивай свое. Он и не заметит.

Помню, я тогда так удивилась, что вытаращилась на тетушку и осторожно переспросила: она точно людей имеет в виду? Настоящих? Правда-правда? Это там... на бывшей родине такие? Тетя Тома, переезжайте к нам! Мама, давай заберем тетю Тому к себе насовсем! Здесь-то нормальные люди живут, и дяденьки, и тетеньки, а не кабаны с гранатой!

Взрослые тогда посмеялись. А я почти забыла этот разговор и не вспоминала, пока он мне лет в семнадцать не аукнулся рекламой в сети. Какие-то женские курсы «как привлечь мужчину» для русских эмигранток. Не помню, с какой радости я по баннеру кликнула, скорее всего, промазала по чему-то другому. И-и-и-и на меня оттуда как выскочило, как вывалилось! Столько «женской мудрости» про диких кабанов, что я минут пять сидела и рот разевала, как рыбка гуппи, которую из воды вытащили.

Эти, которые мудрые женщины... они реально не считали мужчин людьми! С ними предлагалось обращаться натурально как с дикими животными, и при этом все время обманывать.

У меня был шок. Тогда. И сейчас я его вспомнила.

— Ты знаешь, давай я тебе расскажу, как я все это вижу, — предложила я Айвену. Чувствуя себя при этом слегка по-дурачки: странное все же время для лекций по психологии отношений. А с другой стороны — если мы сейчас, на берегу, не договоримся о главном... тогда лысые лоси нам, а не коллективное спасение.

— Ну попробуй, — осторожно кивнул мужчина. Кажется, он тоже опасался этой лекции и вообще уже жалел, что поднял эту тему.

— Вот... значит, так. Я сильно подозреваю, что этому учат всех женщин в твоём... в этом времени. Потому что здесь пока никакой эмансипацией и не пахнет. А в моем мире такое преподносилось как древнее откровение — дескать, вот предки двести лет назад так жили, в борозде по десять детей рожали, и было на всей земле процветание и благоденствие. А теперь женщины забыли свое предназначение, везде разврат и попрание ценностей... ну и все такое.

— Пф-ф, знакомо как звучит, — хмыкнул Айвен. — Не знаю, как насчет забывших свое место женщин в вашем времени, но эту песню я слышал сто раз. В основном от всяких не очень умных господ под восемьдесят. У них еще раньше и трава зеленее была, и вишня слаще, и вино пьянее. А нынешняя молодежь все испортила, включая вишню.

— Вот! — обрадовалась я и улыбнулась собеседнику.

Айвен в ответ непроизвольно тоже начал улыбаться и вдруг замер. Сжал губы, отвернулся. Но я упрямо набычилась, хотя и вздохнула тихонько про себя, и продолжила:

— Все то же самое, да. Еще древние греки об этом писали, у них тоже молодежь была плохая, две тысячи лет назад. Но перейдем к женщинам. Слушай, чему нас учат.

И быстренько пересказала ему про кабана, по шерсти, гранату и «незаметно убеди мужчину, что он сам хотел не того, что сам хотел, а того, что хотела ты».

— А еще женщине положено вдохновлять своего кормильца, чтобы он шел и приносил ей как можно больше денег и свершений. Вдохновлять лучше всего юбкой в пол и опущенными вовремя глазками, — делилась я, старательно вспоминая выпавшие на меня с сайта мудроженственности советы.

— Так, погоди. — Айвен, ошарашенно молчавший, пока я делилась с ним сокровенными женскими тайнами, потер лоб и уставился на меня слегка осоловелыми глазами. — Этому учат девочек?! Всех?

— В вашем времени почти всех, — я пожала плечами. — Наверное. Точно я знать не могу. Но, судя по тому, что ты все время ждешь опущенных глазок и ущемляешься, если тебе прямо в глаза возражают...

— Но это... это чудовищно! — Мужчина буквально взвился с бревна и принялся бегать вокруг меня по полянке кругами. — Это подло! Это... отвратительно! И...

— И социально одобряемо, — подсказала я со своего места.

— Да к черту! К черту одобряемость! — Айвен даже не обратил внимания на то, какие слова я использую. — Вот что, Кристину этой ереси учить я не позволю! А если, когда она вырастет, какой-то идиот посмеет требовать от нее... он будет иметь дело со мной! Я ему живо объясню, что заставляя женщин становиться лгуньями и притворщицами — это...

— Ты словно сам из другого мира пришел, — хмыкнула я. — Но ведь столько лет тебя все устраивало.

— Да, я был идиотом, — после долгой паузы и не без труда выдавил Айвен, усаживаясь обратно на бревно рядом со мной. — Слепым идиотом. И не только в отношении женщин. Я просто никогда не задумывался... потому что так было всегда, все вокруг так живут... и так далее. Но это не значит, что я не умею признавать свои ошибки.

— Вот за это я тебя и уважаю. — Я протянула руку и дружески хлопнула мужчину по плечу. А потом поняла, что сделала, и замерла, испуганно сжавшись.

Айвен вздрогнул, посмотрел на меня удивленно, а потом вдруг улыбнулся.

— А ты... в твоей прямооте и честности что-то есть. Да. И я тоже не могу не уважать это качество в тебе. Я, правда, не понимаю, почему тогда ты сразу не призналась, что ты не моя жена, но...

— Уф-ф-ф... — Я окончательно смутилась и тяжело вздохнула. — Ну я просто не знала, как тебе это сказать. Вокруг черт знает что творится, я медведь, у меня дочь, стреляют, враги, ты полумертвый... Если честно, я сначала даже не была уверена, что я... не она. Ну, перепуталось все в голове. А потом поздно было разборки затевать, тут бы выжить.

— М-да. Ладно, оставим это. Дело прошлое. А нам надо о будущем думать.

— Больше не будешь самолюбием биться, если я начну предлагать и командовать? — с облегчением рассмеялась я.

— Больше не буду. Во всяком случае, постараюсь. Как вспомню про кабана с гранатой в зубах... — Айвен явственно передернул плечами. А потом все же улыбнулся мне.

Эх... ну... ну вот упертый он местами, мракобес и ретроград, и этот... и тот... и чурбан бесчувственный... а все равно он классный. Самый классный парень из тех, что я встречала. Потому что умеет быть искренним, а еще умеет слушать и признавать свои ошибки. Это ж вообще редко у кого из людей встречается, независимо от пола.

— Давай сейчас знаешь что... — вдруг сказал Айвен и придвинулся ко мне вплотную. Я затаила дыхание.

— Что?

— Давай потренируем оборот. Может, раза после десятого уже не надо будет друг другу в глаза смотреть? Ы-ы-ы-ы... эх.

— Ну давай. О нет! Стой!

— Почему?

— М-м-м... почему-почему. Труссы сначала надо снять.

Глава 41

— Кх-х-х... — Айвен подавился воздухом и с минуту кашлял, глядя на меня большими круглыми глазами.

А я в очередной раз последними словами помянула свою эмансипированную непосредственность. Вот лоси лысые, опять забылась. Если такое предложение нормально прозвучало бы в начале двадцать первого века на полянке в лесу, и это даже не было бы воспринято как сексуальный намек, то сейчас... здесь... и с диким древним мужчиной, у которого когтистый диверсант по любому поводу...

Короче, дала я маху.

— Я имела в виду, что одежду рвать нельзя! — Торопливая попытка объяснить не слишком сработала, Айвен продолжал кашлять, но хотя бы пучиться как рак перестал. И слинял от бурака до нормального цвета лица. Уф- ф-ф... — Ну прости, прости! Мне правда ужасно жаль, что я тебя так... хм... смутила. Дело в том, что в моем времени нет такого строгого табу на наготу и отсутствие одежды не воспринимается как приглашение к... хм... к флирту. Мне пока тяжело привыкнуть, что самые невинные замечания могут быть истолкованы превратно, но я постараюсь следить за собой!

Вот зараза, даже по спине его не похлопаешь, истолкует еще как домогательства.

— Уф-ф-ф... — выдохнул, наконец, мой собеседник. Пару раз еще кашлянул, но так, уже несерьезно, и посмотрел на меня укоризненно, пытаясь вытереть с глаз непроизвольно выступившие слезы тыльной стороной руки. — Золо... Злата. Я с вами со всеми с ума сойду. Что, двести лет спустя весь цивилизованный мир будет жить по законам диких индейцев, которые не признают приличий и не стесняются наготы?

— Ну-у-у... наверное, можно и так сказать, — кивнула я. — Но насколько я помню, избавляться от лишней ткани на теле люди начали еще сто лет назад. Тогда война была, и правительству не хватало разных ресурсов, в том числе и сукна, чтобы армии одевать. Вот и ввели новую моду, а дамы с удовольствием подхватили, особенно молодежь.

— Господи, круг святой, надеюсь, в этом мире все будет по-другому, — очень искренне пожелал Айвен.

— Без войны и правда можно обойтись, — я вздохнула. — Даже без двух войн. Мы по истории проходили, это было очень страшно. А без эмансипации — это фигвам! Народная индейская изба. Женщина тоже человек.

— Человек, человек, — с легкой усмешкой оценил мою запальчивость Айвен. — Как ни странно это признавать, но ты права: прежде чем оборачиваться в дикого зверя, нам надо снять одежду. Но я тебе честно скажу, моя эмансипация еще не настолько далеко зашла, чтобы я спокойно начал снимать штаны в присутствии красивой женщины. И я не понимаю, что мы будем с этим делать.

— А что делать? — я пожала плечами. — Иди в кусты и снимай там. А я вон в те кусты пойду, противоположные. Чтобы все по-честному было.

— И мы будем смотреть друг другу в глаза с разных концов поляны? — скептически выгнул бровь Айвен.

— Да зачем? — Я подхватила с бревна кусок парусины, раскроенный для мешка, но еще не сшитый. — Вот, я буду держать его в руках как занавес перед собой, подойду к тебе поближе и посмотрю куда надо. А когда стану медведицей, ну, максимум уроню эту тряпочку на землю, ничего страшного.

— А я тоже с тряпочкой должен из кустов вылезать? — несколько ворчливо отозвался Айвен, оглядываясь в поисках другого мешка. Нашел. Тот, который мы для порошка из рыбьих скелетов шили с Кристинкой.

Мужчина поднял его за завязки и скептически осмотрел. Сделал брови домиком и поднял глаза на меня.

Я прикусила губу, свела брови к переносице, наморщила нос... сжала кулаки так, чтобы ногти в ладонь впились. Ничего не помогло. При виде ма-а-а-аленького — ну примерно как наволочка на продолговатую гостиничную подушку — мешочка в руках Айвена и того, как он скептически примерял его то на грудь, то на пояс... я не выдержала и закатилась хохотом. До слез.

— Ах вот что эти гримасы означали, — задумчиво проговорил мужчина, с самым серьезным видом наблюдая за моей истерикой. — А я все понять не мог, что Золотинка этим пытается сказать. Или

не сказать. А она просто старалась не рассмеяться мне в лицо. М-де... Это у нее, значит, воспитание было больше в духе... как ты сказала? Мудроженственности, да. Мне есть о чем задуматься.

Я было напряглась, даже попыталась унять смех, но потом глянула ему в лицо и закатилась с новой силой, такое комичное на нем было выражение.

А Айвен взял да и подмигнул мне. Уф-ф-ф-ф...

Короче говоря, мы разошлись по кустам каждый со своим мешком. Я пыталась поменяться, но тут замшелый джентльмен был категорически против, ибо, во-первых, я, даже несмотря на эмансипацию, все еще женщина, а во-вторых, чисто практически ему и маленького хватит, потому что прикрывать надо меньше.

Ух-х-х... последнее замечание меня изумило и заставило задуматься, как быстро Айвен будет привыкать к реалиям двадцать первого века хотя бы в отношении самого себя. А что, это ж очень удобная для жизни концепция, не то что всякое у этих... ретробесов и мракоградов.

Ну, так или иначе мы избавились от своих и без того не слишком обильных костюмов, я свой аккуратно на ветках развесила, прикрылась будущим мешком как полотенцем и выглянула из зарослей:

— Готов?

— Ну можно и так сказать, — вздохнули из кустов напротив. — Выходим?

— Давай! — меня разобрал странный азарт, я даже на колючки под босыми ногами почти перестала обращать внимание. Как оказалось, зря.

Мы с Айвеном благополучно выбрались на полянку и стали сходитья как два дуэлянта на расстояние выстрела, заранее старательно не глядя больше никуда, кроме как в лицо друг другу. Ну и я слегка увлеклась, наверное.

Совсем перестала под ноги смотреть. Так что когда до мужчины оставалась всего пара шагов, я наступила на острый сучок, вскрикнула от неожиданности, покачнулась, попыталась восстановить равновесие, но без толку, зато уронила свой мешок. И сама упала, вся такая прекрасная и обнаженная, прямо на Айвена.

Все случилось так быстро, что мой мозг за всеми этими переменами просто не успел. Зато гормоны и инстинкты прекрасно сориентировались в ситуации, как только теплые мужские руки подхватили меня за талию и непроизвольно прижали к груди.

У меня моментально вот прям все из головы выскочило, что там умного было. Осталось только глупое и озабоченное. Я даже представить боюсь, как выглядела — с расширившимися зрачками, с полуоткрытыми губами и выражением лица как у возжелавшей близости самки человека.

Ничего не соображая, я потянулась к нему, буквально растворяясь в его глазах, а в следующую секунду Айвен меня поцеловал.

Глава 42

У меня закружилась голова и поляна вокруг, по телу растекся теплый кленовый сироп, а там, где руки Айвена касались меня, и там, где я сама прижималась к его обнаженной груди своей... там все просто горело. Резкая, как горный сель, волна возбуждения накрыла вдруг с головой. Я застонала и обхватила его руками за шею, вся потянулась навстречу и ответила на поцелуй с такой страстью, что, кажется, еще секунда-другая — и мы оба сгорим прямо тут посреди поляны, если не...

Айвен подхватил меня под бедра и поднял, я уже чувствовала его ответное возбуждение и призывно выгибалась навстречу, мы оба забыли обо всем, что еще пару секунд назад мешало нам быть вместе, и...

— Ма-а-ам! Па-а-ап? А что это вы тут делаете? А-а-а-а-а!

Застонали мы одновременно и с такой... одинаковой тоской, что, когда следующая мысль пробилась к нашим головам сквозь ошестинившийся возбуждением строй гормонов, она тоже у обоих оказалась одинаковой.

Р-р-раз!

Уф-ф-ф-ф... Кажется, на этот раз я успела поймать сознанием и зафиксировать сам момент оборота. И, плюхнувшись толстой медвежьей попой на травку, протяжно, горько вздохнула.

Обнимающий меня лапами здоровенный черный барibal уткнулся носом мне в белый галстук на шерстяной груди и шумно фыркнул. Потом поднял морду и снова посмотрел мне в глаза, приблизив свой нос к моему почти вплотную.

— Ма-а-ам? Пап? А разве мишки целуются? А я тоже хочу! У-у-улю-лю-лю-лю!

И с победным воплем неугомонная дочь, весьма не вовремя проснувшаяся от дневного сна, прямо с порога избушки стартовала в нашу сторону. Пару шагов она пробежала еще девочкой, а дальше уже медвежонкой, и этой самой медвежонкой с разбегу в прыжке вклинилась между нами, весело визжа, рыча и брыкая всеми четырьмя толстенькими лапками.

— Кристина, ты опять порвала купальник, — укоризненно попеняла я, когда веселая семейная возня на лужайке, в которую мы с Айвеном поневоле влились, перешла в спокойные посиделки у крыльца. — Я же просила. В следующий раз, если забудешь раздеться перед оборотом, я урежу сказку на ночь. Расскажу только половину, а другую отложу на следующий вечер. Поняла?

— Ну ма-а-а-ам! — принялась канючить дочь. — Я нечаянно! Я себе еще сошью, сама! Я уже умею шить мешок!

— Вот именно, мешок. — Я выговаривала спокойно, без занудства или сердитых интонаций, обнимая при этом Кристинку лапами и щекоча ее мохнатое ухо своим дыханием. — Нам еще несколько мешков надо пошить, а парус только один, и он кончился почти. Новую одежду не из чего будет сделать. Поэтому надо беречь ту, что имеется. Поняла, мелкая?

Рядышком тихо вздохнул Айвен. На его наряд по-хорошему надо было расходовать больше всего ткани, и он, похоже, угрызался за те одежды, которые необратимо изничтожились при прежних оборотах.

А еще он странно и как-то слишком виновато косился на меня все это время. И вроде как старался слишком не прижиматься. Ой-ой-ой... не нравится мне это его поведение. Что он там себе своей медвежьей мужской башкой надумал?! Я даже представить боюсь, диапазон от «нам нельзя быть вместе, ибо моя жена совсем недавно умерла» до «мы не можем любить друг друга, потому что слишком мало знакомы, и вообще я не смею посягать на незнакомую женщину, попавшую в беду». Короче, много он там своим котелком может наварить, и все такое

«вкусное», хоть шишками кидайся от досады. Эх-х-х-х...

Ладно, объясниться мы еще успеем. Сейчас надо все же делом заняться и потренировать оборот туда-сюда. А потом продолжать сборы в дорогу.

Ну во-о-от... В тот день мы дисциплинированно обернулись туда-сюда раз пять. С мешочками, стоя в метре друг от друга, но глядя в глаза. Без этого главного условия, увы, так ничего и не получилось, и Айвен заметно расстроился, да и мне веселиться было не с чего. Но я и себя, и его уговаривала не унывать, мол, лиха беда начало. А Кристинка нас обоих подбадривала.

Вот только от личных разговоров наш папа очень заметно, хотя и деликатно, увиливал до самого вечера. А потом обернулся медведем, на секунду подбежав, только вот чтоб глаза в глаза, и заявил, что будет спать снаружи и вообще ходить вокруг избы дозором. Короче, слился.

Я ночью, когда Крис заснула после традиционной волшебной сказки от мамы, даже поплакала немного, совсем тихо, чтобы не разбудить ребенка. Что-то так тоскливо было. Не обидно, а именно тоскливо. Днем-то я храбрюсь и все время занимаюсь разными нужными вещами, а по ночам, бывает, накатывает.

И тоска по прежней жизни, и страх, и неуверенность. И много еще чего.

Все же хорошо, что с нашим хозяйством я так устаю, что долго страдать не получается, — как только слезы чуть-чуть стихают и на душе образуется легкая такая пустота, глаза сами закрываются и я засыпаю мертвым сном до самого утра.

А утром... А утро вечера мудренее.

Правда, еще за завтраком стало понятно, что Айвен твердо намерен держать дистанцию. Нет, он прекрасно общался со мной на разные общехозяйственные темы и про Кристинку. Рассказывал о дороге, которую нам придется преодолеть, чтобы попасть на железнодорожную станцию. Прикидывал, сколько дней осталось до ежегодных осенних штормов, и я в общем даже забывала за этими разговорами о своих чувствах и сомнениях. Потому что это ж важно — правильно все рассчитать, подготовить и успеть уплыть с острова до того, как пролив станет слишком бурным.

Мы суетились, валили кедры у самого берега, благо в медвежьем облике, но с человеческими мозгами это оказалось легче, чем если бы мы просто были двумя людьми с топором и ржавой одноручной пилой. Мишками и подходящее дерево почуять проще, и корни подрить с нужной стороны, и навалиться на подрубленный ствол вдвоем — это как экскаватором несчастное хвойное садануть... Короче, справлялись.

Через несколько дней такой жизни я вообще оставила попытки поговорить с мужчиной наедине и о том, что меня волновало. Самой стало ясно, что сейчас это неуместно, да и навязчивой показаться не хотелось. И я отложила разговор по душам на будущее. Но не отказалась от него, твердо обещав самой себе, что лося лысого он так просто от меня отделается. Особенно потому, что, когда Айвен думает, что я его не вижу, он сам на меня смотрит так, что у меня в глазах темнеет и воздух в горле застревает. У-у-у... медведь. Как все сложно с ним. Но ни на кого другого я его променять уже не готова.

Так что строим плот, пакуем орехи, рыбе крошево, сушеные ягоды и нужные инструменты, — и вперед, к цивилизации.

Глава 43

— Значит, так, — в последний раз решил повторить наш план Айвен, когда мы все трое в виде мохнатых и четвероногих путешественников стояли на галечном берегу у нагруженного самым необходимым скарбом плота и смотрели на укутанный в туманную дымку берег большой земли. — Значит, так. Кристина, ты смиренно сидишь в центре плота и ведешь себя как хорошая девочка, умная мишка и вообще принцесса. Это твоя главная задача, поняла? Очень-очень ответственная и важная, потому что ты будешь держать наш плотик в равновесии и следить, чтобы все нужные вещи оставались на своих местах и не упали в воду. Справишься?

Крис серьезно закивала. Конечно, папочка слегка преувеличил ее ответственность, но зерно правды в его наставлениях было. Поэтому вышло достаточно искренне, и Крис приняла свою миссию за чистую монету. И готовилась ее серьезно выполнить.

— Молодчина. А мы со Зла... с мамой будем плыть рядом с плотом и толкать его в нужную сторону. Думаю, за счет этого залив преодолеем быстро и окажемся на том берегу. Правда, придется взять чуть в сторону, чтобы выбраться на сушу вдаль от освоенных людьми мест. Вряд ли в такое время на берегу будет много народа, но шанс наткнуться на кого-нибудь есть. Лучше проявить осторожность.

Теперь мы обе с Кристиной закивали. Конечно, все эти нюансы были говорены-переговорены пятьдесят раз, но, во-первых, повторение — мать учения, а во-вторых, Айвен заметно нервничал и ему надо было снова все проговорить, чтобы самому себя убедить — все под контролем.

Эх, Айвен, Айвен... С того самого поцелуя на поляне прошло больше недели, а наши отношения так и не сдвинулись с мертвой точки. Даже поговорить по душам не вышло. Отчасти просто некогда было, а отчасти — ты не хотел. Но погоди. Погоди-и-и... вот доберемся до железной дороги, и там уже не отвертишься. А пока — команду, капитан.

Тщательно отобранный, упакованный и увязанный груз уже был разложен и закреплен на плоту в нужном порядке, Кристина торжественно влезла на бревенчатую платформу, уселась в самом центре, положив передние лапы на самый увесистый мешок с сушеной рыбой, и коротко рыкнула. Мол, готова, поплыли уже! Сколько можно проверять, родители?

Мы с Айвеном коротко переглянулись и, дружно вздохнув, столкнули плотик в набежавшую волну. Время

штормов еще не пришло, но чувствовалось, что уже вот-вот, и от этого ветер был весьма свеж, волна не слишком высока, но крута и несколько злобна, а небо — пасмурно и сердито. Остров отпускал нас с трудом и неудовольствием, но не слишком гневался, судя по тому, как легко бревенчатая платформа скользнула в неглубокую бухту между двух скалистых мысов.

До свидания, остров Вайкувер, остров моей мечты... я еще вернусь. Обещаю. Даже несмотря на то, что наша с тобой встреча была странной и не слишком веселой и по твоей милости впереди меня ждет неизвестность, — все равно. Кусочек моего сердца останется в лапах твоих вековых кедров и среди разноцветных камешков на речной отмели. До свидания.

Вода тихонько плескалась у борта плотика, мы с Айвеном до того, как посадить туда дочь, уже несколько раз тренировались в бухте, так что толкали наше плавсредство довольно слаженно и плавно. Все же медведи отличные пловцы, мы спокойно пересекли бы пролив и без плота. Он был нужен для Кристины и ценного груза. Она еще маленькая для таких нагрузок, а мне, например, даже холодно в воде не было, хотя приятной для купания температуру назвать было трудно.

Густой подшерсток почти не промокал, а когда больше половины пролива осталось за спиной и вода все же добралась до кожи, не менее солидный жировой слой, накопленный на лососе и икре, прекрасно заменил лучший гидрокостюм. Вот только волны становились все круче, плотик заметно раскачивало, а течение упорно относило нас слишком далеко в сторону, туда, где край материковой части суши изгибался так, что уходил все дальше от нас, и был риск оказаться в открытом море. Приходилось выгребать против течения, а это оказалось очень утомительно даже для двух медведей. И меняться, как мы с Айвеном договорились еще на берегу — один двигает плот, другой какое-то время просто держится за бревно и отдыхает, — не получилось. Обоим пришлось толкать сооружение изо всех сил, еще и следить, чтобы привязанный груз не разболталось и чтобы медвежонок сидел точно в центре, куда не доставали скользкие ледяные брызги.

Я в какой-то момент перестала понимать, где нахожусь и что делаю. Сознание уплывало куда-то в серые рваные облака и норовило понестись вместе с ними по небу в туманную даль океана. Но в голове гвоздем сидела последняя, уже не очень осознаваемая задача: плыть к берегу и толкать плотик. Зачем, почему — неважно.

Холодно, сложно, волна в лицо, соль в чувствительном медвежьем носу — ничто не имеет значения. Плыть. Плыть. Плыть.

Когда под еле шевелящимися лапами вдруг вместо бездонной глубины оказались скользкие камни, я уже почти сдалась. Но тут как второе дыхание открылось — мы с Айвенгом из последних сил вытолкали плот на узкую полосу берега под обрывом, заклинили его среди прибрежных валунов и огромными мокрыми тряпками свалились рядом, не имея возможности даже когтем двинуть.

Впервые за все время пребывания в медвежьем облике у меня болело ВСЕ тело, начиная от носа и заканчивая последним волоском на куцем черном хвосте. Надо было встать и отползти подальше от линии прибоя, надо было разобрать груз, найти пресную воду, размочить еды и подкрепиться... надо. А сил на это не было.

Не знаю даже, сколько времени я там валялась в этом состоянии полусмерти. Такое впечатление, что даже звуки исчезли или превратились в ровный невнятный гул. Я пришла в себя оттого, что сквозь этот гул прорвался чей-то высокий скулеж, а потом меня в нос лизнули горячим языком. Раз, другой...

С трудом приоткрыв один глаз, я краешком сознания родила невнятную мысль: «Кристинка...»

Но это была не она, потому что серые валуны и песчаный откос над ними наполовину загоразивало что-то черное и слишком большое для медвежонки. С трудом оторвав голову от мокрых камней, я открыла второй глаз и попыталась разогнать звездочки, застилающие взор.

Рядом со мной на берегу лежал Айвенг в медвежьем облике. Он как-то прополз те несколько метров, что нас разделяли, и теперь пристроился мне под бок, обнял передними лапами, отрывая от неуютного холодного берега и устраивая мою голову у себя на груди. Утонувшие в густой шерсти маленькие медвежьи глазки смотрели на меня с искренней озабоченностью и испугом, он наклонился и снова принялся вылизывать мне морду, тихо урча.

Я не успела отреагировать, потому что с другой стороны ко мне притиснулась теплая и на удивление сухая медвежонка, заскулила в ухо и зарылась мордой мне в шерсть. Я пересилила собственную обморочную слабость и попыталась обнять ребенка лапой, а Айвенг все держал нас обеих и вылизывал, вылизывал мне нос... Если бы мы сейчас были людьми, это был бы просто неприлично глубокий поцелуй. Я мысленно улыбнулась и стала уплывать в беспамятство.

Глава 44

В какой-то момент мне показалось, что рядом звучат еще чьи-то мужские голоса, даже знакомые. И они зовут

меня по имени.

«Голди, Голди! Держись, девочка!»

За что держаться-то? Не поняла. Странно, что черный медвежий нос Айвена вдруг заслонило чем-то большим, гладким и ярко-красным. Таким же, как... дно водного мотоцикла?! Так погодите... так что, мне все это привиделось?! Медведи, остров, прошлый век, чужой мир, чужой муж...

Но... но...

— Мама, мама! Открой глазки, мама!

Плачущий Кристинкин голос сначала доносился еле слышно, откуда-то очень издалека.

— Золотинка... Злата. Не надо, не уходи. Ты нам нужна. Ты... ты мне нужна. Не смей, слышишь?! Вернись! И снова что-то горячее на лице, то есть на морде. Это Айвен?

Я совсем запуталась. Куда мне — домой или сюда, на неприветливый осенний берег северного моря? Где я нужнее? Нет, неправильно. Куда мне нужнее?!

— Голди!

— Злата...

— Голди! Вызывайте спасателей, парамедиков!

— Злата. Златка... ну же! Вернись. Пожалуйста... А-а-а, гори все синим пламенем!

Я огромным усилием заставила себя открыть глаза в серое пасмурное небо далекой осени и всем существом вцепилась, впилась в ощущение этого чужого, но уже ставшего немножко своим мира. В его запах, в его холод, в соленую воду на языке, в отяжелевшее от усталости звериное тело.

— Ай... вен. Крис, не реви. Все нормально.

— Мама!

— Все в порядке, мелкая, не пищи. — Говорить было почти так же трудно, как если бы пришлось ворочать огромные серые валуны, разбросанные по узкой береговой полосе под откосом. Но я справилась. — Айвен, я... у меня все нормально. Если у тебя остались силы — проверь, как там груз, и покорми ребенка. Пожалуйста.

— Ф-ф-ф-ф... — Черный медвежий нос приблизился вплотную. — Действительно пришла в себя, раз вспомнила о вещах и начала командовать. Двигаться можешь? Хоть чуть-чуть? Надо отползти подальше от воды, скоро начнется прилив.

— Попробуем... — бормотнула я, пытаюсь найти где-то внутри себя второе дыхание. Хотя какое, к лосям лысым, второе, его я открывала еще на середине пролива. Это будет уже примерно тринадцатое. Лишь бы его найти.

— Еще раз поцелуешь — и точно смогу, — не знаю, какой черт меня толкнул это сказать, я ляпнула прежде, чем успела как следует обдумать эту фразу. Но слово уже вылетело легкомысленной птичкой, все, не поймаешь. Так что теперь только вперед: — По-настоящему!

— Что по-настоящему, ползти сумеешь? — хмыкнул мужчина, то есть медведь. То есть все же мужчина! Внутри медведя. — Ладно, не дуйся. Шантажистка.

Он снова подгрел меня лапами, таким человеческим, а вовсе не звериным жестом, потискал немного и лизнул. Мур-р-р... Жаль, мы не в котов перекидываемся. А еще жальче, что вообще сейчас перекинутые. Хочу по-человечески целоваться! И мне все равно, что место и время вообще не подходят для поцелуев.

Отскрести себя от мокрых камней и доволочь до сухого места под нависающей над пляжем скалой оказалось одной из самых непростых задач в моей жизни. Но я справилась. Ко мне под бочок тут же закатилась Кристинка, которую я попыталась, правда, отогнать, чтобы она не вытирала мою мокрую шерсть своею сухой. Вряд ли, конечно, медвежонок простудится, но лучше перестраховаться.

Бесполезно, дите тут же начало рыдать, и я сразу сдалась. Пусть мокнет, бог с ней, лишь бы

истерики не приключилось.

Айвен между тем отдышался первый, втащил наш плотик на достаточно высокий камень, чтобы его не унесло прибывающей водой. Успел прошвырнуться по округе, не меняя медвежьего облика, ибо даже в мокрой шубке под безжалостным осенним ветром было теплее и здоровее, чем с человеческим голым торсом, нашел ручеек и набрал в котелок пресной воды, притащил кучу обкатанных и просоленных морем палок и даже бревнышек, сложил их шалашом с подветренной стороны скалы и полез в мешок за огнивом, которое мы прихватили с зимовья.

Тут уже пришлось признать, что без человеческих рук не обойтись. Так что мужчина заглянул к нам с Крис под нависшую скалу, обменяться со мной «специальными взглядами», и дальше хозяйствовал уже без медвежьей шубы. В одних штанах. Даже накидку из оставшейся парусины было не надеть, потому что как раз в нее было завернуто самое ценное на плоту.

Уй, мне смотреть на него было холодно! А этот ничего, знай себе бегал, без суеты налаживая первую ночевку на большой земле. Хм-м-м... хм. Интересная какая мысль меня посетила. Стало быть, вовсе не обязательно мою медвежью шкуру рвать на британский флаг, кладя себя на алтарь уюта и выживания? Вон, стоило упасть без сил, и мужчина как-то бодро взялся за дело, причем оказалось, что руки у него прямые и растут откуда надо.

Занятно... занятно. И еще. Если он вполне способен сам справиться и со своим бытом, и с ребенком, то почему так не хотел меня отпускать? А? Если я ему не столько для выживания нужна, то... ой. Ну ой.

Не буду сейчас об этом думать, все равно мысли тяжелые и неповоротливые, как камни у кромки прибора. Буду лежать, обнимать Кристинку — мне от ее присутствия на удивление уютнее и спокойнее, слушать ее постепенно стихающий сонный щебет и любоваться снующим по берегу мужчиной. Вон как у него красиво мускулы ходят на руках, на плечах, на загорелой гладкой спине... ой.

Я даже дернулась и попыталась сесть, чтобы протереть лапами глаза. В последний момент спохватилась, что чуть не стряхнула дочь на гальку. Успокаивающе на нее поурчала, а сама все таращилась на занятого по уши Айвена.

У него на спине не было никакой татуировки. Совсем. Но я же ее собственными глазами видела, собственным носом нюхала, собственными лапами щупала и даже почти лизнула! И у меня нет ни бреда, ни склероза. В таком случае куда она делась?! Стерлась? Полияла? Отвалилась вместе с медвежьей шерстью во время оборота?

Хм-м-м... в последнем предположении есть здоровое звено.

Когда Айвен с котелком густейшего, наваристого и горячего рыбного супа заполз к нам под скалу, я разбудила успешно прикорнувшую Кристинку, усадила ее в уголок и велела дуть в мисочку, пока варево не остынет достаточно для слишком чувствительного медвежьего носа и языка, а сама забрала свою порцию в берестяной плошке и спросила, как бы между прочим:

— Слушай, а ты в курсе, что у тебя исчезла татуировка на спине?

— Какая татуировка? — удивился мужчина и поднял на меня недоумевающие глаза. — Не было у меня никогда никаких татуировок.

Глава 45

Айвен:

Сначала я даже не понял, о чем говорит Злата. Решил, что она все еще бредит. Все же это было большой глупостью и самодеятельностью с моей стороны — вот так, без тренировки, понадеявшись на медвежью силу и выносливость, тащить через пролив свою дочь и же... женщину.

Да, у нас не было времени на более долгие приготовления. Да, Злате удалось убедить меня в том, что медведи прекрасно плавают и вполне перебираются через пролив даже без всякого плота.

Но! Я тут мужчина. Я принял решение. И это решение едва не стоило ей жизни. Как бы Злата ни храбрилась и ни делала вид, что все в порядке, она по-настоящему надорвалась. И едва не умерла.

Пока я не буду анализировать, почему это меня так напугало. Все потом. Но последствия налицо: она, вполне возможно, бредит. Не было у меня никогда никаких татуировок, тем более на всю спину.

— Но я сама видела, — уперлась Злата. — И это не бред, не смотри на меня так. Кристинка! Крис? Малышка, скажи, в тот день, когда мы купали папу в реке, у него была картинка на спине?

Кристина вынула мордочку из котелка с рыбным варевом, облизнулась и сонно прищурилась на меня, одновременно залезая поглубже ма... Злате под лапу. Очень явно задумалась, а потом уверенно заявила:

— Была картинка с мишкой и буквами.

Я озадаченно нахмурился. А потом пожал плечами:

— Ладно, с нами столько всего странного произошло, что картинкой больше, картинкой меньше — не имеет значения. Ешьте и давайте спать. Я прошел по берегу в обе стороны — тут нет удобного спуска с обрыва на много миль, и люди здесь не ходят. Прилив сюда не достанет, я проверил. Так что до завтра будем отдыхать и набираться сил, а потом пойдем уже искать, где выбраться наверх.

— Надо бы вещи разобрать-разложить, — пискнула было из миски с едой Злата, но я только фыркнул в ответ:

— Никуда наши вещи не денутся, умерь свой хозяйственный пыл. Я и так подозреваю, что мы слишком много нагрузили на плот, и это едва не стоило тебе слишком дорого. Так что завтра, все завтра. Заодно и пересмотрим еще раз весь груз, ненужное повыкидываем.

— Там нет ненужного! — Упрямая, набычившаяся, хотя и едва живая медведица выглядела смешно и немного трогательно. Ох уж эти женщины и их хозяйство...

— Ладно-ладно, завтра разберемся. У тебя уже хватит сил выйти из-под скалы ненадолго и попробовать хорошенько отряхнуться?

— Не знаю... Ты сам-то давай превращайся обратно, если мы собрались спать. Человеческим телом на голых камнях не полезно, знаешь ли.

— Догадываюсь, — я улыбнулся ее ворчливой заботе. Совсем как рань... как раньше, да. Я все больше и больше думаю о том, кто эта женщина и правда ли она не моя... нет, глупости. И не время.

Встал и, отойдя на пару шагов, за валун, скинул штаны. Немного повздыхал, высунулся обратно по пояс, чтобы видеть свою прищелицу, сосредоточился, глядя медведице в глаза. Без этого пока превратиться так и не получилось. Черт, как неудобно с этими раздеваниями-переодеваниями! Но ходить голым при ребенке я все равно не готов.

— Оппа! — оценила мой оборот Злата. — А ты сухой! Совсем. Так, поднимите мне веки... тьфу. Помогите мне встать. Айвен, куда пошел, дай сюда свои глаза. Я тоже так хочу. Крис, и ты давай превратись разок туда-обратно.

Ну, дочь долго упрашивать не пришлось, она моментально кувыркнулась, выпав из-под навеса, пару минут скакала голышом по берегу, уворачиваясь от моих лап и не обращая внимания на сердитые окрики Златы, потом озябла и так же быстро перекинулась обратно в медвежонка. И сразу притихла, забираясь обратно под скалу.

Злата же, упрямо выползая под морозящий дождик, какое-то время не могла сосредоточиться и, как мне показалась, с трудом осилила оборот. Я было отвел глаза, чтобы не смотреть на обнаженную женщину, но тут она покачнулась, и я плюнул на все, тем более что мне, медведю, собственно, грозит? Захочешь — не соблазнишься.

И... воспользовался случаем, обнял ее обеими лапами, пряча хрупкую человеческую плоть своим собственным телом от ветра, дождя и холода. И украдкой вдыхая запах, знакомый и незнакомый одновременно, близко-влекущий и неуловимо чуждо-притягательный...

— Это ты нарочно шерстью отгородился? — ехидным шепотом спросила эта... бесстыдница. И посмотрела на меня снизу вверх хитрым-хитрым взглядом. Я шумно вздохнул и, вдруг почувствовав себя сущим мальчишкой- хулиганом, лизнул девушку в ухо.

— Ой! — изумилась она. А потом радостно захихикала: — Щекотно...

— Превращайся, щекотница, — велел я. — Нечего на холоде гольшом стоять.

— Бу-бу-бу... — Смеющиеся глаза снова сверкнули в мою сторону лукавыми искорками. А потом прямо в моих объятьях девушка словно растворилась. И в следующую минуту медвежий горячий язык лизнул меня самого в нос. А потом меня куснули за шею, шаловливо и дразняще.

Но у медведицы после двух оборотов явно не осталось сил на что-то большее. Слава кругу, конечно, хотя... ладно. Зато она теперь была сухая, и шерсть больше не висела жалкими сосульками.

— Всё, — решительно начал руководить я. — Все под скалу и спать! Быстро!

— Есть, мой командир! — Медведица комично вытянулась в струнку, все еще стоя на задних лапах, и приложила лапу к виску, словно передразнивая каких-то неведомых военных, отдающих честь.

— Хулиганка, — тихо бухтел я, утрамбовывая обеих своих... — а-а-а, к черту! — обеих своих девочек поглубже в нишу под нависающей скалой и загораживая их своим телом от холодного ветра. — Спать, обе!

Странно все. Такое впечатление, что я сошел с ума еще тогда, когда плыл на остров спасать жену и дочь. А что, если еще где-то среди скал, где волнами разбило мою лодку, я пошел ко дну и все это — мгновения предсмертного бреда?

Ну и... пусть. Чем дальше, тем больше я прихожу к выводу, что все идет сложным, страшным и болезненным, но правильным путем. И Золотинка... Золотинка. Я потерял ее и одновременно не потерял. Даже, кажется, нашел. Потому что до жутких приключений на острове я жил словно в коконе своих представлений о мире, своих мыслей и привычного порядка вещей, где женщина, даже любимая, занимала строго отведенное ей место, как вещь на полке. И у меня такое впечатление, что в этой вроде бы чужой девушке из другого мира я заново и по-настоящему узнаю свою жену. Такую, какой она была на самом деле, без маски нарочитой покорности и без привычного следования навязанной роли.

Что будет завтра? Как мы поднимемся на высокий крутой берег? Как найдем дорогу в лесу? Сумеем ли вообще до зимы пройти чуть ли не тысячу миль и добраться до железной дороги?

Не знаю... но на сердце почему-то спокойно, пока две мои девчонки рядом.

Глава 46

Злата:

Утром я проснулась уже вполне в себе. Небольшая ломота в мышцах еще присутствовала, как в человеческом, так и в медвежьем облике, но я заметила, что оборот явно идет на пользу общему самочувствию, хотя и тратит прорву энергии. После него в организме такая возмутительная и очень голодная бодрость образуется, что хочется с разбегу запрыгнуть на береговой обрыв и мчать по лесам в поисках оленя. Или косули. Или... да кто угодно подойдет, я бы сейчас и волка сожрала, если бы ему не повезло подвернуться под когтистую лапу.

Но на завтрак пришлось ограничиться рыбным супом, причем только железная воля не позволила мне бухнуть в котелок сразу половину всего запаса. Но ничего, теплое варево все равно придало каких-то сил, и даже Кристинка временно перестала подскуливать про «мама, кушать!». Я подозревала, что это спокойствие очень ненадолго, так что, как только с завтраком было покончено, мы с Айвенем начали носиться по пляжу как две подстреленные куропатки. Все с плота разобрать, по-другому собрать, проверить, подергать за самодельные веревочные лямки на мешках, по очереди превратиться в медведей и навьючить друг друга... Вот тут мы столкнулись с первым затруднением. Потому как упакованный в мешки на завязках и в простую сбрую, к которой был привязан топор, еще топор, пила, тесак, кусок обычного железа и еще по мелочи, Айвен озадаченно застыл над горой поклажи, предназначенной для навьючивания на меня.

— А как теперь? — смущенно спросил он. — Если я превращусь обратно в человека...

— Да, — я тоже в задумчивости почесала затылок. — Это мы с тобой молодцы. Ладно, ничего. У меня все равно меньше груза и сбруи. Ты мне и медвежьими лапами сможешь кое-что подать и подтянуть.

Ну и примерно часа через три после рассвета три медведя бодро трусили вдоль линии прибоя к далекому мысу, возле которого кудрявая береговая зелень спускалась почти до самой воды, значит, там был более пологий, заросший кустами и деревьями спуск, а не обрыв.

Я на секунду представила, что бы подумал случайный зритель, вдруг откуда ни возьмись оказавшийся в этом медвежьем углу и наблюдающий за нашей процессией сверху, с обрыва.

— Ты чего хрюкаешь? — забеспокоился большой медведь, притормаживая возле меня и с тревогой заглядывая мне в глаза. — Тебе трудно дышать? Веревки давят? Или все же простудилась?

— Нет, — задыхаясь от смеха, проблеяла я. — Я просто подумала... подумала... хи-хи-хи...

— Э — э-э-э... — окончательно озадачился Айвен.

Даже Крис притормозила свои веселые прыжки по камням и ловлю морской пены, чтобы заинтересованно спросить:

— Мама, ты сошла с ума?

— Нет! — Я окончательно села и какое-то время точно была похожа на спятившую гиену, потому что хихикала и не могла остановиться.

И только отдышавшись, я смогла объяснить семье, что же меня так насмешило. Крис так сразу покатила по гальке, дрыгая лапами, а вот большой медведь сначала пару секунд моргал, а потом изобразил лапой самый настоящий фейспалм.

Отсмеявшись, мы снова выстроились мохнатой цепочкой, поставив Крис в середину, и двинулись в путь. Море — это, конечно, хорошо... даже северное. Но что-то меня от него уже подташнивает. Ну или это голод виноват. Так что вперед, в лес, там вкусные олени, волки и другая росомаховая живность, которую я сейчас как нефиг делать сожру.

В просторный сосновый бор мы выбрались только после полудня. Здесь было солнечно, ветрено и свежо, стройные стволы мачтовых сосен радовали глаз, но едой по-прежнему не пахло, поэтому и задержаться не получилось. Крис, правда, устала и пришлось по очереди сажать ее в человеческом виде на загрибок. Где-то по дороге она там, уцепившись за веревочную сбрую, даже поспать успела. Вот кому все наши скитания были в удовольствие и приключение! Но это даже хорошо.

Короче, до нормального зверонасыщенного леса мы добрались только к вечеру, и, пока я обустроивала временный фигама, злющий и голодный папа-медведь буквально в течение часа заловил в овраге у ручейка какого-то молодого лося, обломал ему рога и приволок тушу к костру. Даже не отъел ничего по дороге, добытчик.

Жрать копытное сырьем я категорически запретила и на недоуменные взгляды ответила диверсией:

отвела Айвена в сторонку от костра, чтобы Крис не видела, и при нем вскрыла лосиный череп.

Личинки овода вообще для человека и медведя не опасны, но выглядят так, что большого мишку ощутимо шатнуло, был бы он в этот момент человеком — вывернулся бы наизнанку. Мне, с одной стороны, жалко было парня, а с другой — как еще объяснить основы лесной гигиены? На страшном примере жестче, зато сразу все понятно. И про остальное мясо сразу поверил, что не надо его сырым есть, даже медведю бесполезно.

Правда, я не рассчитывала на такой мощный и длительный эффект: Айвен в последующие дни нам с Крис все мозги вынес на предмет «мойте руки перед едой», «не трожьте всякого грязного лесного зверя незащищенными пальцами» и «жарьте рыбу трижды». Даже подсохшую малину с кустов, точнее жалкие ее остатки, требовал собирать человеческими руками и мыть.

Еле-еле дней через десять пути удалось притупить его паранойю. В основном потому, что я всю дорогу рассказывала ему, как в природе звери успешно лечатся от заражения паразитами и как индейцы не менее успешно перенимают у них эти практики. Даже сварила пару раз нам всем антигельминтное пойло из всяких разных трав, в основном горьких как лось знает что.

Айвен и сам пил, и в Крис запихнул, невзирая на ее отчаянное сопротивление. И долго жаловался мне потом, что вскрытый лосиный череп изредка является ему в кошмарных снах. Обзывал меня злой женщиной. И охотился исключительно на оленей, а горбоносых копытных обходил седьмой дорогой и плевался как верблюд, а не как медведь.

Мы шли, шли и шли через лес, форсировали реки, перебирались через невысокие горы, скорее похожие на холмы, останавливались на ночлег в удобных распадках. Зверья непуганого вокруг было видимо-невидимо, люди до этих благословенных мест еще не добрались и нагадить не успели. Мы даже почти не трогали сделанные на острове запасы рыбы, но упорно волокли их дальше на себе, потому что лучше быть готовым ко всему.

Наши с Айвеном отношения за это время словно вернулись туда, откуда все началось: у меня сложилось полное впечатление, что мы семья, причем уже давно и привычно, когда муж и жена понимают друг друга с полуслова, с полужеста и даже с полумысли. И вместе заботятся друг о друге и общем ребенке. Но... но и на этом все.

Понятно, что мы так уставали в дороге, даже будучи медведями, что на объяснения и выяснения отношений просто не было сил. Жаль, что на поцелуи и нечто большее тоже не было. В смысле — Айвен не делал попыток сблизиться, только обнимал лапами во сне и закрывал от ветра, я тоже к вечеру так выбивалась из сил, что не провоцировала никаких хулиганств. Хотя все время думала о них.

И так продолжалось всю дорогу, мне даже стало казаться, что мы вечно шли через этот лес и будем вечно идти дальше.

Но однажды мы проснулись оттого, что медвежьи носы уловили близкий запах дыма и пороховой гари. Запах человека. Запах опасности.

Глава 47

— Судя по моим расчетам и по той карте, что висела в конторе, до станции осталось всего с десяток миль. —

Большой медведь нервно подергивал ушами и шумно нюхал воздух. — Так что люди в этом лесу встречаются. Наверняка кто-то из обслуживающего персонала пошел на охоту, это нормально и не опасно.

— Угу, особенно не опасно нарваться на охотника с ружьем, если Крис, как всегда, выскочит из кустов первая и побежит кувыряться на опушке. — У меня не было ни малейшего доверия к гуманизму здешнего населения. — Мне кажется, лучше сделать крюк в лишней десяток миль, но не ходить в ту сторону, откуда так... воняет.

В последнее время у меня и в человеческой ипостаси резко обострился нюх. Мне уже не надо было перекидываться в мишку, чтобы почуять человека, шебуршащегося в кустах за пару холмов и перелесков от меня. Судя по тому, как реагировали на разные запахи Айвен и Кристина, у них все обстояло примерно так же. Интересно... вряд ли у меня в человеческом носу отросло столько обонятельных рецепторов, сколько есть у медведей. Тогда чем же я эти запахи чую?

А, не время для вопросов. Наше неспешное путешествие сквозь дебри севера закончилось слишком внезапно, и я в глубине души почти жалела об этом. Знаете, в лесу было... хорошо. Наверное, жить тут, имея только человеческий или только медвежий облик, трудно, но, если есть возможность совмещать, разом все становится гораздо проще и комфортнее. Жаль, что нельзя плюнуть на цивилизацию и остаться на год-другой...

Уф-ф-ф. Так, бесполезные мысли прочь. Следует занять мозги чем-то более конструктивным.

— Я знаешь о чем подумала?

Большой медведь, напряженно прислушивавшийся и принюхивавшийся к лесу, вопросительно шевельнул плечами, давая понять, что он меня внимательно слушает.

— В каком виде мы выберемся на станцию? То есть тот самородок, который мы нашли на острове, дорогу нам оплатит, конечно, но только если его у нас примут, а не попытаются обобрать трех бродяжек и выкинуть вон.

— Он не такой уж большой, чтобы ради него затевать... — начал было Айвен и замолчал.

— Вот-вот. Жадность иногда и на крохи зарится. Смотри, у нас несколько проблем, которые надо решить прежде, чем мы выберемся к людям. Во-первых, нам нельзя оставаться собой, но это мы еще на острове обсуждали.

Наша троица из мужа-белого, жены-метиски и дочери пяти лет мгновенно себя разоблачит, если на станции есть соглядатаи этого босса, как его там.

— Поодиночке не пушу! — мгновенно рассердился Айвен. — Это плохая идея. Ни тебя с Крис не пушу, ни тебя одну, понятно?!

— Да понятно, понятно, — отмахнулась я, вздохнув про себя по поводу его упертости. — Я уже усвоила и предлагаю сделать по-другому.

— Хм.

— Смотри, даже если нас будет трое, то пусть это будет не семейная пара с ребенком, а, например... бабушка с двумя внуками мужского пола. Одним совсем маленьким и одним просто молоденьким. Почтенная дама, возвращающаяся от непутевого сына-старателя и увозящая на большую землю его детей, чтобы дать им нормальное воспитание-образование и вот это все. М-м?

— Так. Судя по твоим хитрым глазам, а также исходя из того, что меня за подростка не примет даже самый пьяный станционный смотритель, изображать бабушку ты предлагаешь мне? — проницательно прищурился большой медведь.

— Мне кажется, что соглядатай босса, если он там есть, будет пристальнее всего вглядываться в тех, кто похож на взрослого блондинистого мужика нужного возраста, — пояснила я свою задумку. — Потому что ты для них самый опасный, а нас они в любом случае уже списали со счетов, даже если каким-то им неведомым чудом мы и остались живы. Что может полуграмотная девчонка-метиска против уважаемого белого мужчины? Кому она что докажет, что здесь, что в более цивилизованных местах? Поэтому как раз тебя надо прятать наиболее тщательно.

— Но почему в бабку?! Почему я не могу быть старым старателем, например?

— Потому что женщин, особенно старых, в принципе разглядывают гораздо реже и часто вообще не обращают на них внимания. От них не ждут никакой опасности. А мужчина, даже старый, все равно мужчина. Ты не артист и вряд ли сумеешь вот так с разбегу притвориться разбитым стариком, тебя движения выдадут, осанка, поворот головы, стоит на секунду забыть.

— А старой бабкой я притвориться смогу, по-твоему?! Как ты себе это представляешь? И рост мой куда денется, и движения? Даже не самый внимательный наблюдатель сразу разберется, что я не старушка, а ряженный мужик.

— О-о-о, вот тут ты не беспокойся. — Я несколько злорадно ухмыльнулась, не в силах сдержать немного нервную веселость. — Видишь ли... в этом веке принято надевать на женщину столько всякой крайне неудобной, но «приличной» гадости, что, напялив на себя все необходимые для старой леди вещи, ты просто физически не сможешь нормально двигаться. И все сразу поверят, что у тебя ревматизм, паралич и плоскостопие одновременно.

— Ты как-то неприлично рада по этому поводу, — уязвленно засопел Айвен. — И что-то я не помню, чтобы все леди на улицах городов выглядели как параличные и плоскостопые. Ты преувеличиваешь.

— Леди тренируются с детства, — хмыкнула я. — И все равно часто не могут даже просто добраться в нужное место самостоятельно. Именно потому, что в их сбруе это крайне затруднительно сделать. Я уже молчу про то, что в общественных местах, вроде павильона всемирной выставки, просто нет дамского туалета. И нигде в городе нет, вот и приходится тщательно рассчитывать свой маршрут и время в пути, чтобы банально не лопнуть по дороге.

— Тьфу! Извини. Я опять забыла, что вопросы нормальной человеческой физиологии у вас табу. Но ведь они от этого никуда не деваются, ты хоть понимаешь? Ну, все же столько дней уже вместе с нами в пути и Кристину сам в кусты ходил охранять.

— Знаешь, я, оказывается, превосходно жил без этого знания, — вздохнул Айвен. — Хорошо, что через шерсть просто не видно, как я покраснел. Конечно, у медведей с этим проще... Круг святой, я уже не уверен, что хочу обратно в цивилизацию. В этой природной простоте есть своя прелесть. Но я очень — очень! — тебя прошу: постарайся обуздать свою откровенность к тому моменту, как мы доберемся до людей.

— Постараюсь, конечно, — вздохнула я, заранее предвидя миллион трудностей и неловких ситуаций. — Только тебе придется мне помочь. Надо разработать систему сигналов, незаметных для окружающих, но понятных нам двоим. Или троим. Чтобы ты вовремя сумел меня остановить, если я вдруг забудусь. Ладно... это дело не такое срочное.

— А какое срочное?

— Ну как какое. Сначала нам надо придумать, где и как мы будем красть для тебя корсет и панталоны. Это не считая юбок и шляпки, естественно.

Глава 48

— Юбки, шляпки и шали придется покупать, тут ты прав, никуда не денешься, их легко опознать, — втолковывала я упрямо набывчившемуся Айвену. — А вот нижнее белье спокойно можно утащить: во-первых, у нас столько денег нет, чтобы за все по-честному сразу расплачиваться, а во-вторых, кто к тебе под юбку полезет проверять, краденые там панталоны или праведно заработанные?

— Мне не нравится сама идея что-то у кого-то красть, — довольно резко ответил мужчина, хмуро глядя в огонь.

Мы в человеческом виде сидели у входа в шалаш, сторожили Кристинкин сон и продолжали препираться. Этот спор начался еще днем.

— Айвен, а что ты предлагаешь? — Я устало откинула с лица прядь волос. — Если бы у нас были время и возможности, я сама бы предпочла честно заработать и купить все, что нужно. Но у нас их НЕТ. Нам нельзя появляться на станции в том виде, в каком мы сейчас, нам нельзя будет задерживаться там даже с учетом маскарада, потому что лишнее время на глазах у людей — это лишний риск разоблачения. А учитывая, что Крис хоть и научилась контролировать свои эмоции и обращаться в мишку, только когда мы разрешаем, но все равно еще ребенок и, если сильно испугается, рассердится или обидится, может не сдержаться... ну ты же сам все понимаешь.

— Да понимаю я! — махнул рукой Айвен. — Мне просто противно... и все внутри сопротивляется. Здесь людям их хлеб ой как нелегко дается, а уж сколько стоит приличная одежда — даже думать не хочется. Когда-то в городе я эти суммы за деньги не считал, пока не попробовал сам зарабатывать. И сейчас как подумаю, что почувствует человек, у которого мы украдем потом и кровью заработанное...

— Слушай! — после того как перестало першить в горле от вдруг откуда ни возьмись нахлынувших слез, вскинулась я. — Мы с тобой два дурня! Полных! Зачем красть насовсем?! Считай, что мы берем взаймы. Да, без спроса, но это потому, что у нас и правда нет другого выхода. Но кто мешает нам тщательно запомнить, даже записать, кому и сколько мы должны? А потом вернуть все не просто до цента, но и с приличной прибавкой за беспокойство?!

Айвен удивленно вскинул на меня посветлевшие глаза и неуверенно улыбнулся. Было видно, что его все еще одолевают сомнения, но то, что я предложила, уже не вызывает такого резкого отторжения. Да мне самой стало в разы легче — я ведь тоже не профессиональная воровка, и тырить у людей нижнее белье никогда не было моим любимым занятием. Мне самой эта идея поперек натуры... Кстати! Надо вообще грабить не частных лица, а магазин. Или лавку — как оно тут сейчас называется? Потом будет проще вернуть, это раз, и гигиеничнее носить, это два.

Короче говоря, вот так в спорах и моральных терзаниях мы еще два дня неторопливо шли в сторону станции, и к концу пути у нас таки сложился более-менее нормальный план, который казался осуществимым и не слишком сильно давил на совесть.

Итак, часть вещей придется «заимствовать», от этого никуда не денешься. А все, что можно будет честно купить,

— купим. Пусть даже это будет сложно. Какая-то довольно ограниченная сумма у нас будет. Во-первых, все три недели, пока мы шли, сыпал снег, и в связи с этим лес был полон свежеопушившихся белок, которых мы били десятками. В человеческом облике с помощью примитивной пращи Айвен их снимал с кедров просто мастерски, он и меня научил. Сами зверьки шли в похлебку, а шкурки я старательно припасала — необработанные, конечно, стоят буквально по паре центов за хвост, но это все равно деньги. Если взять объемом — вполне хватит на один сравнительно приличный комплект одежды.

А во-вторых, самородок из ручья с острова и еще несколько чешуек золота, что, играя, намыла там же Кристинка. Их обратить в монеты будет чуть сложнее, потому что опаснее, но, если как следует подготовиться, это будут деньги на билеты и буквально первые несколько дней в большом городе. А дальше, если верить расчетам Айвена, он получит доступ к своим счетам и мы точно не пропадем с голода. Я уже прикинула, что, как бы дело ни обернулось — ну мало ли, сразу денег снять не получится, или Айвена не признают в банке, или еще какие затруднения, — мы все равно справимся, пока будет идти письмо его родственникам. Здешние крупные города еще не успели так загадить все вокруг, что зверьям не прокормиться в окрестностях, в крайнем случае пропитание мы себе всегда добудем. Я пойду и поохочусь, а спать три медведя могут и в холодном подвале какого-нибудь заброшенного дома. Все же оборотнем быть гораздо легче, чем просто нищим бродягой без цента в кармане. И обидеть нас разным обитателям дна, с которыми мы можем теоретически столкнуться, будет затруднительно. Короче, прорвемся.

Айвен всю дорогу развлекался тем, что мысленно вел строгий бухгалтерский учет всего, что нам необходимо позаимствовать, прикидывал примерную стоимость и щедро умножал на пять,

составляя таким макаром смету на будущую раздачу долгов. Я ему не мешала, наоборот, мы только коллективным мозговым штурмом одолели весь список. Ну, просто потому, что Айвен отродясь не покупал женского белья и о том, как там все внутри под платьем у дамы устроено, имел самые смутные представления. Я в целом знала больше, но тоже, знаете, без подробностей. Когда-то я читала кое-что по истории костюма, это было интересно и нужно для школьной постановки. И уроки истории не прогуливала. Но это когда было! В средней школе. И в другом мире.

А нам ведь не только нашу пожилую «леди» надо прилично одеть. Надо еще нам с Крис притвориться мальчишками. Это в каком-то смысле проще, только с длинными волосами придется попрощаться. Как и с их цветом. Рыжий мальчишка-метис слишком примечателен даже в этих краях, нам не надо, чтобы на нас обратили внимание и запомнили. Пусть я буду просто метис — мало ли, сын старой леди женился на индианке, а вторую жену взял уже нормальную, вот и получился младшенький без примеси дикарской крови. Короче, это в наших краях дело обычное. В отличие от рыжих смесок.

Айвен был категорически против стрижки и покраски, но его удалось убедить. Он даже, со скрипом и ворчанием, помогал мне собрать нужные травы. Я его заверила, что цвет волос постепенно восстановится, когда краска слиняет при постоянном мытье головы, это ж не промышленная косметология, а всего лишь природные дары, они не такие стойкие. А длина... ну что длина, волосы — не голова, отрастут.

Крис идею притвориться мальчишкой приняла с восторгом и о своих длинных золотых локонах не сожалела ни секунды. Возможность бегать в штанах и плевать сквозь зубы, как уличные мальчишки в фактории, привлекала ее гораздо больше, чем принцессыны платьица и туфельки, как у хороших девочек.

Я ее понимала. А папаша только вздыхал, но помалкивал — он с моей помощью постепенно проникся феминизмом. Точнее, конечно, никаким не феминизмом. Просто родную дочь было жалко — не слепой же, видел, насколько живее, веселее и свободнее себя чувствует Кристина без всех этих «юной леди не положено».

Он только очень осторожно интересовался у меня, а не будет ли Крис вести себя как маленький медвежонок всю оставшуюся жизнь. Мол, все же ей жить среди людей... а потом что-то вспомнил, бормотнул про бабушкино поместье и успокоился.

Правда, с покраской волос ничего толком не вышло — после первого же оборота в медведицу я обнаружила на голове все те же ярко-рыжие кудряшки. Но хотя бы они не выросли до прежней длины и остались коротко стриженными. И то хлеб. Ладно, шляпу надену.

Глава 49

— Значит, смотри: доски тут трухлявые, один раз лапой вдарить — и только щепки полетят. Идеальный вариант, сразу будет понятно, что на склад залез медведь, что не сожрал, то порвал и утащил. Возможно, даже страховка у владельца есть на такой случай. Короче, частные лица не страдают.

— Хм-м-м... а ты уверена, что именно тут мы найдем то, что нам нужно?

— Ну, всяко лучше, чем лазить по задворкам жилых кварталов и ношеное белье с веревок тырить, — усмехнулась я.

— Ох... ну и лексикон у тебя, мне даже жутко немного. Кем, ты говоришь, была в своем мире?

— Биологом и немного егерем. — Я хихикнула. — Это ты еще не всю терминологию слышал. Ладно, не бухти, я же только с тобой могу расслабиться. Даже при Кристине стараюсь язык придержать, а то начнет повторять, все вокруг в обморок попадают. Не беспокойся, я умею вести себя прилично, честно-честно.

— Надеюсь... Так что с этой чертовой хибарой? Хотелось бы разом... — Айвену настолько не нравилась карьера записного воруги, что он явно желал ограбить кого-нибудь уже побыстрее.

— Это скобяной склад, там с другой стороны вывеска. Я читала о таких. Здесь есть вообще все, от рыбных консервов до кружевных трусов. Оптовая торговля, здесь же лавочники со всей округи заказывают товар.

Мы с Айвеном, как два прожженных косолапых домовника, окопались на задворках торгового склада, расположенного чуть поодаль от железнодорожных путей, и шепотом обсуждали будущую кражу века.

Стаптаун, как остроумно называлась эта дыра на краю цивилизации, вообще оказался весьма занятным местечком. Не просто последняя станция Северной железной дороги, а эдакий райцентр для огромного лесного края, в который за товарами съезжается население всех, даже самых дальних и глухих, поселков побережья. Из нашей фактории сюда тоже ездили, в основном лавочники и разного рода «деловые люди».

То, что мы при первом же обходе наткнулись на скобяной склад, можно было считать феноменальной удачей и даже знаком: все мы правильно делаем. Ну, во всяком случае, я себя этим утешала — мысль о преступном будущем меня не грела ни капли, как и Айвена. В том числе поэтому склад был прекрасной находкой: для оптового торговца нанесенный нами ущерб окажется незначителен, и этот самый торговец точно не умрет с голоду и не будет ходить голым, пока мы не доберемся до счетов Айвена и не пришлем ему компенсацию.

Ну и само собой, здесь можно разом взять все, что нам нужно. Даже из верхней одежды на мелкую: вряд ли кто-то будет приглядываться к небогато одетому пятилетнему мальчишке на предмет опознавания погрызенных медведями детских штанишек. Да и перешью я кое-что, перелицую там... Короче, берем.

— Ладно, чего тянуть, — вздохнул рядом большой медведь. — Ты, когда продукты будешь портить, не переусердствуй, ладно?

— Ага. — Я кивнула и принялась. — Кстати, я и правда чую запахи всякого вкусного для медведей припаса. Консервы вот... Мука, крекеры. Да много там чего. Рано или поздно сюда настоящий медведь забрел бы, так что, считай, мы сделаем благое дело. Дикий-то зверь чужое добро беречь не станет, а если кто не вовремя сунется на склад, он и его порвет. А потом прибегут люди с ружьями... Короче, мы с тобой вовсе не злые воры, а справедливые эти... которые предупреждают об опасности. Сейчас стенку им раскурочим немного, они

сообразят ее укрепить, и тем спасутся не только несъеденные сторожа, но и дикие медвежата. Вот.

— Демагог ты маленький, а не медведица. Пошли уже...

На улице было холодно, словно сейчас не октябрь, а как минимум февраль. Снег еще толком не выпал, но противная и колючая мелкая крупа довольно зло шуршала по доскам, на нее даже смотреть было зябко. Хорошо все же быть медведем, даже неуклонное желание забиться поглубже в какую-нибудь берлогу и проспаться до весны не отменяло ни густой шубы, ни толстого подкожного жирка, который мы успешно нагуляли на острове. Эх, зима медведю не помеха, если его правильно кормить...

А вот сторожа такую погоду не любят, особенно в четыре утра, самое противное время, когда

клонит в сон особенно сильно. На складе своего сторожа не было, но в течение ночи по поселку несколько раз прогулялись парни с сонными лицами и заряженными винтовками. А вот под утро они ушли на другой конец улицы и скрылись в приземистом строении местной мэрии. Чем мы и воспользовались.

Взлом взломом, а шуметь мы предусмотрительно не стали. Ну мало ли, вдруг кто из чутких соседей проснется. Доказывай им потом, что ты медведь, а не верблюд.

— Так, — хмуро пробухтел Айвен, протискиваясь между выломанными досками и для правдоподобия оставляя на них клочья черной шерсти. — Действуем строго по плану. Ничего лишнего не громим и не берем.

— Угу. — Я тихо хмыкнула, сунув нос под первую же полку и на ощупь вытягивая оттуда коробку с сахаром. — Нашел тоже погромщицу.

— Да кто ж тебя знает? — фыркнул большой мишка. — Планы ты составляешь как матерая медвежатница. Ты точно биолог?

— Помесь. Егеря с домушником, — захихикала я, художественно раздирая когтями мешок с крупой. — Так, сейчас я ровным слоем посыплю тут все овсянкой, и будем считать, что картина вандализма налицо. Ты нашел детскую одежду?

— Нет пока, только какое-то странное... что-то.

— Дай гляну. О! Хи-хи... хи-хи-хи...

— Ну начина-ается. Что это за чудо в перьях?

— По-моему, ты залез в раздел оборудования для... м-м-м... веселого дома. Это костюмы для канкана и прочее эротическое белье. Корсеты вот... точно с перышками. Не, тебе такой не подойдет.

— Круг святой, я за всю жизнь не узнал и не увидел десятой доли того безобразия, что буквально преследует меня после встречи с тобой. Пакость какая... — Медведь на кошачий манер брезгливо затряс лапой, которой только что вскрывал коробки с бордельными нарядами. — Это все покупается в магазине?! И лежит на соседней полке с детской одеждой и нормальными кальсонами?!

— А ты думал, в лесу на елке растет, что ли? Конечно, девушки со второго этажа салуна где-то покупают свои наряды. Почему бы и не в магазине? Хотя скорее, думаю, это дело выписывают по почте... а доставляют их тем же перевозчиком, что и товары для склада. И не криви так морду, кружева не заразные. Ищи лучше детское.

Невнятно бухтя под нос, Айвен пошел шуровать среди полок и мешков, я тоже времени зря терять не стала, мысленно ставя галочки в воображаемом списке необходимых вещей по мере того, как мы их находили и аккуратно стаскивали на свободное место посреди склада. Эх, обувь бы еще стырить... покупать ну очень дорого. Но тут есть вариант погореть. Или нет? Погрызть несколько пар и потерять, например, ботинок по дороге к лесу — и все на диких зверей спишетя? К тому же ботинки тут всего двух видов, и голову даю на отсечение, что половина округи носит вот эти тупоносые коричневые на шнуровке, а вторая половина — такие же, но черные. А, и сапоги... вот сапоги точно есть у каждого старателя, и куплены они с этого склада, к гадалке не ходи.

А-а-а, пропадай, моя телега, все четыре колеса! Придать одежде и обуви поношенный вид несложно, переделать и переокрасить я тоже сумею. А деньги надо беречь на билеты. Берем все!

Глава 50

— Самое главное — держись уверенно, но без бравады. — Айвен заметно нервничал и бесконечно повторял свои наставления, в сотый раз перепроверяя, как я запомнила правильный порядок действий. — Скажешь, что ты сын Рыжего Смита из Гринни Велли, провожаешь домой бабушку с младшим братом и пришел разменять золото на бумажки у Старого Тедди, потому что папаша, мол, считает его единственным честным малым в этих краях. Старый Тедди тот еще пройдоха, но своей репутацией в глазах настоящих старателей он дорожит, поэтому обманет по мелочи, но наглеть не станет. Будет спрашивать про отца и его дела — ссылайся на то, что папаша велел много не болтать, а кто станет вопросы задавать, тех запомнить и потом ему доложить. Рыжий Смит — мужик угрюмый, сильный как медведь и довольно вспыльчивый, а еще мстительный. Живет очень закрыто на своем участке, в факториях на побережье появляется редко. Про его семью известно только то, что она у него есть. Вроде жена откуда-то из большого города, сыновья. Короче говоря, в нашу легенду вписывается идеально.

— Ты мне это уже примерно в сотый раз повторяешь. Не беспокойся, я все выучила наизусть, и этот Рыжий Смит у меня от зубов отскакивает так же бодро, как и Старый Тедди. — Я успокаивающе погладила Айвена по руке. — Чего уже тянуть? Пора.

— Не нравится мне, что ты пойдешь туда одна, — в сотый же раз поджал губы мужчина. — Не нравится!

— Слушай, ну ты сам рассказывал, что женщины никогда не ходят в салуны, и тем более туда не вхожи пожилые леди. И уж конечно, женщины не носят частным скупщикам золотые слитки. Если какая почтенная вдова и решит продать оставшееся от мужа — она напишет записку и отправит ее с посыльным мальчишкой в контору. Оттуда к ней явится клерк, который сначала выставит расценки компании, потом высчитает в свою пользу нехилый процент. Короче, все, кто деньги считать умеет, стараются сделать это через родственников мужского пола. Так что у нас нет другого выхода. — Я пожала плечами. — Перестань ты нервничать, все триста раз обговорено и отрепетировано. Ты даже мальчишескую походку заставил меня отрабатывать и сквозь зубы плевать научил, чего еще надо-то? Все дело займет от силы час, учитывая дорогу туда и обратно. От отеля до салуна триста метров по прямой улице!

— Триста метров по враждебной территории, — угрюмо кивнул Айвен.

Я видела, как у него сами собой сжимаются кулаки. Это от бессилия — он вынужден был оставаться в маленьком и грязноватом номере единственного отеля. Мы поселились в нем сегодня утром, сделав вид, что

пришли от стоянки дилижансов на краю городка. Укутанная в теплую шаль рослая пожилая леди с простуженным голосом и крепкой тростью, на которую она опиралась при ходьбе, и двое ее внуков: старший, шестнадцатилетний подросток, и младший, пятилетний карапуз.

Те немногие наличные, что я без зазрения совести свистнула из жестяной банки на складе, были внесены в Айвенов список на возврат с процентами и сейчас пошли на оплату этого клоповника — нам надо было прожить тут два дня до того, как придет поезд с большой земли. За это время я как раз успела бы пошмыгать в виде отрока по городку, послушать новости в салуне (о медведях-грабителях, например), обменять наше золото на бумажные деньги, купить билеты, кое-что из тех аксессуаров, которые не удалось стыбзить со склада, и вообще

— разведать обстановку.

Бабушке и ее младшему внуку все это время придется провести в номере. Потому что, во-первых, затворничество старой дамы ни у кого не вызовет вопросов, это в порядке вещей сейчас. Гораздо подозрительнее выглядело бы, если бы старушка начала вести активную общественную жизнь в незнакомом месте. А во-вторых, Кристину надо все время держать под контролем и тоже желательно подальше от людских глаз. Она уже почти идеально умеет контролировать оборот, но... чем лось не шутит, пока медведь спит. Лучше не рисковать.

В мою задачу входило без приключений миновать часть города между отелем и салуном, пройти при этом мимо деревянного здания вокзала, а потом так же бодро и тихо добраться обратно. В самом салуне взрослые мужики ребенка — ну, то есть подростка — не обидят. Тем более если он представится Джоном Смитом, сыном Рыжего Смита. А вот на улице...

— Тут такое дело, — втолковывал мне Айвен, озабоченно морща лоб. — Ты новенький на чужой территории. Если повезет, днем все твоего примерно возраста недоросли, которые не в школе, будут заняты на работе и тебя не заметят. Ну или им некогда будет устраивать турнир в честь знакомства. А вот если у пары-другой оболтусов выпадет свободная минутка...

— То честно драться я не собираюсь, — сразу предупредила я. — Правой в челюсть и коленом по

яйцам, а дальше — ноги в руки. Стиль боевого зайца, знаешь такой?

— Да что ж такое-то, круг святой! — всплеснул руками Айвен, а потом непритворно схватился за голову. — За какие грехи у меня не жена, а какой-то маленький злобный агрессор с криминальными наклонностями?! Даже мальчишки на улице сначала разговаривают! Словами через рот. А не дерутся правой в челюсть и тем более коленом по... — Он аж содрогнулся. — В пах.

— А! — понятно кивнула я, сдерживая улыбку. Одна эта его оговорочка про «жену» дорогого стоит. Но пока отвлекаться рано. — То есть сначала положено это... как боевые петухи-рыцари? Обменяться ритуальными оскорблениями, станцевать танец вражды, распалить воображение и...

— И почти всегда потом мирно разойтись, договорившись встретиться не здесь и не сейчас. — Айвен отпустил свои волосы и посмотрел на меня с легким подозрением. Пассаж про ритуальные танцы и оскорбления, судя по всему, возражений у него не вызвал. — Вот и ты должен, в смысле должна, разойтись с противниками мирно!

Пообещав встретиться позже. Оно, конечно, не прийти потом на условленное место — это урон чести. Но поскольку нам категорически наплевать сейчас на репутацию Джона Смита, главное — вернуться с деньгами, придется разочаровать здешних пацанов. Придешь из салуна и будешь сидеть в номере вместе с нами до самого поезда, поняла?!

— Ага. — Я закивала. — Ты не беспокойся. Обзывать точно умею лучше местных недорослей. Соревноваться со мной в красноречии — это они заранее погорячились.

— Вот этого, собственно, я и боялся. Я тебя у-мо-ля-ю! Не надо выигрывать этот поединок всухую. Постарайся не шокировать детей слишком заумными словами, а то парни, когда перестают понимать, что происходит, они звереют и лезут в драку против всяких правил. Постарайся все же выдержать нейтралитет.

— Постараюсь. — Я с некоторым сомнением почесала бровь. — Ладно, я пошла. А то так до завтра можно пытаться обсудить все варианты, а на деле все равно выйдет по-другому. Закрой за мной дверь.

— Черт... удачи.

Глава 51

Чуть расхлябанной походкой заправского хулигана я направилась сначала по коридору отельчика, нарочно поддевая носками поцарапанных башмаков пыльный плюшево-зеленый ковер-дорожку, а потом мимо стойки портье на улицу, вдоль коновязи, по пыльному деревянному тротуару в сторону салуна.

Старый Тедди, по словам Айвена, всегда любил пропустить кружечку-другую пива после полудня, и независимо от времени года клиенты находили его за крайним правым столиком у окна, между полусохшим фикусом и кружевной захватанной занавеской.

Честно говоря, встречаться с местными неполовозрелыми аборигенами мужеска полу мне совсем не хотелось. Вот ни капли. И не потому, что я боялась драки. Точнее, не потому, что я боялась быть битой. Как раз наоборот. Мы тут на днях с Айвеном внезапно обнаружили, что у нас произошел некоторый апгрейд человеческой части организма. Например, я смогла поднять бревно и отнести его в сторонку, потому что оно мне мешало, и только по ошалелому взгляду мужчины поняла: что-то не так. Бревно я выкинула и лишь потом сообразила, что это был

трехсотлетний кедр. Который, по идее, без экскаватора с места не сдвинешь. И тем более его не поднять хрупкой невысокой девушке.

Это даже уже не медвежья сила была, а какая-то совсем... аномальная. Как в сказках.

Эти самые сказки я Айвену весь вечер у костра рассказывала, а на следующий день мы выяснили, что его силы тоже того... поапгрейдились.

Короче. Не в том дело, как бы мне морду не набили, а в том, чтобы я нечаянно никого не покалечила. Это я так лихо коленом-то обещала, а Айвен не зря испугался, потому что с непривычки я могу так долбануть, что у пацана тестикулы на затылке окажутся.

Ну и вот... по улице я шла, стараясь не выпасть из образа мальчишки-подростка и в то же время не слишком привлекать внимание. Шла и чувствовала — нет, закон подлости на этот раз обойти не получится. Чего-то мы с Айвеном не подрастчитали, может, у них тут внеплановые каникулы в школе, может, выходной какой в честь местного праздника. Иначе какого лысого лося целая компания мальчишек устроила внеочередное собрание аккурат у коновязи рядом с салуном, так что мимо них мне никак не пройти и даже не облететь?

Утешает одно — по здешним неписаным правилам кидаться толпой на одного не принято. Бить в спину, пинать лежащего — тоже. А то я бы точно нарвалась на неприятности, потому что в общей свалке наверняка прибила бы кого-то до смерти. Нечаянно. Только все равно, ну какого нехорошего пряника они именно сегодня трутся прямо на пути к деньгам, да еще и смотрят так заинтересованно?

Издали заметили, сволочи мелкие. Один поганец углядел, дернул другого за рукав, тот третьего, ну и в результате получилось, что к салуну я подошла как звезда Голливуда к красной дорожке — под пристальными взглядами кучи народу и даже со звуковым сопровождением: смешки, хлопки и свист посыпались из кучки пацанов, как горох из продранного мешка.

Так... так. Что же делать?

А-а-а, пропадай, моя телега, все четыре колеса! Наглость и натиск — вот наш путь!

— Хай, парни! — Я улыбнулась во все тридцать два зуба, ускорила шаг и уверенно вскинула подбородок. — Я смотрю, здесь не скучно. Всегда найдется отличная компания, чтобы хорошо провести время! — Под аккомпанимент собственных слов я рывком сократила дистанцию и дружески хлопнула по плечу самого рослого оболтуса, уже выдвинувшегося мне навстречу. Хорошо так хлопнула, от души, так, что тот аж присел. — Не возражаете, джентльмены, если я сначала покончу с делами, а потом присоединюсь к вашему в высшей степени интересному обществу?

— Че?! — выдохнул тот, которого я дружески поприветствовала.

— Ща приду, говорю, — еще шире улыбнулась я. — Тогда и познакомимся поближе. Вы же этого хотели? Поприветствовать новичка, показать себя и город с лучшей стороны. Я готов. А пока посторонись, у меня дела.

И пока никто не опомнился, змейкой просочилась мимо них в салун. Уф-ф-ф... полдела сделано.

— Ну только выйди! — опомнился кто-то там, снаружи. — Ты кто такое вообще?! Парни, сдается мне, этот нахал нас не уважает!

Упс...

Ладно, проблемы будем решать по мере их поступления. Сначала Старый Тедди и зеленые бумажки, а потом уже будем думать, как донести деньги и себя до отеля без потерь среди местного населения.

Слава богу, хотя бы с обменом валюты проблем не было. Я нашла в углу нужного персонажа и, вежливо поздоровавшись и попросив разрешения присесть, изложила свою вымышленную биографию. Старик в потертой шляпе и овчинной безрукавке довольно долго молча курил мне в лицо, разглядывая в упор блекло-голубыми глазками из-под седых нависших бровей, а потом молча ткнул корявым пальцем в довольно чистую деревянную столешницу.

Правильно истолковав его пантомиму, я быстренько выложила на указанное место полотняный мешочек с самородком и крупинками. Дед еще немного подымил, пуская кольца сквозь прокуренные моржовые усищи, и так же молча шлепнул на стол тоненькую пачку купюр. И прищурился с легкой насмешкой.

Не знаю, возможно, кто-то другой бы постеснялся, а я спокойно взяла деньги и пересчитала. По нашим с Айвеном прикидкам дед должен был дать за золото как минимум на двадцатку больше. Поэтому я так же молча положила пачечку обратно на доски и уставилась на скупщика заранее отрепетированным взглядом. Я его у Айвена подсмотрела, когда он в облике медведя завис над недоеденной косулей. Этакая безмятежная задумчивость — щас сожрать или погодить.

Дед впервые издал хоть какой-то звук. Хмыкнул, крикнул и шлепнул на стол еще три пятерки. Я не двинулась. Старик то ли одобрительно, то ли недовольно засопел и вынул из потрепанного бумажника еще одну купюру. И с неприступным видом сложил руки на груди, откинувшись на спинку стула.

— Благодарю, мистер Тедд, папаша не зря направил меня именно к вам. — Я расплылась в вежливой улыбке, забрала деньги и встала из-за стола. — Всего вам доброго, сэръ. Было приятно познакомиться.

— Далеко пойдет, если научится меньше болтать, — сказал мне в спину хриплый прокуренный голос, и посетители салуна, вроде бы всю дорогу занятые своими делами и своей выпивкой, дружно грохнули.

Я хихикнула про себя, учтиво раскланялась со всеми сразу, приподняв шляпу, и направилась к выходу. Та-ак, теперь осталась самая малость — вернуться с деньгами в номер отеля.

Глава 52

— Ну че, рыжий? — Едва я показалась в дверях салуна, еще даже не вышла на крыльцо, дорогу мне преградили три самых рослых парня из компании. — Че ты там вякнул про «позже поговорим»?

— Ну, давай поговорим, — миролюбиво кивнула я, быстро прокручивая в голове сразу несколько вариантов. — Как же не побеседовать с такими приятными джентльменами?

— Ну дык пошли? — Самый старший резко мотнул головой куда-то в сторону. Быстрый взгляд туда подтвердил мои предположения — проход между зданием салуна и почты, узкий, если о нем не знать, можно и не заметить, а ведет наверняка на задворки, где драке никто не помешает.

Черт, не хотелось мне драться. Именно потому, что я, глядя в глаза двоим самым бугаистым переговорщикам, как-то резко вдруг засомневалась в их благородстве и в том, что они будут соблюдать правила, о которых мне рассказывал Айвен. Эти засранцы не побрезгуют ударить со спины, а еще они подглядывали в окно и видели, что я взяла у старика деньги. М-да... Мозгов там немного, о том, что я пожалуюсь шерифу и они получат обвинение в грабеже, дурни сейчас не думают. А может, просто знают что-то, чего не знаю я, и рассчитывают

провернуть экспроприацию безнаказанно. И в этом случае уходить придется жестко...ых. Нет у меня опыта драк, я только со всей дури могу.

— Может, вы отложите разговор на потом, молодые джентльмены? — вдруг промурлыкали у меня над ухом, и на плечо мне легла мягкая женская рука с накрашенными ноготками, а уха коснулся чей-то надушенный локон. — Молодой человек, не хотите угостить даму стаканчиком хорошего виски?

Чуть повернув голову, чтобы одновременно увидеть, что это за новая напасть, и в то же время на всякий случай не выпускать из поля зрения бугая, я первым делом обнаружила у себя под самым носом весьма щедрое декольте, обильно декорированное кружевными оборками, которые скорее подчеркивали богатство содержания, чем что-то скрывали. А над всей этой красотой сверкала ослепительная улыбка и озорные, умело накрашенные зеленые глаза весьма симпатичной девицы лет двадцати пяти. Она была чуть повыше меня ростом, весьма фигуриста и очень уверена в себе. Золотисто-русые, круто завитые локоны задорно прыгали по оголенным плечам, из-под подола искусно подколотой верхней юбки сверкал водопад белоснежных кружавчиков, среди которых то и дело мелькало бедро в сетчатом чулке. Короче говоря, это был залп в упор и насмерть. Для всей почти половозрелой компании, кучковавшейся возле крыльца и на нем самом. Кроме меня.

Хотя, конечно, девица все верно рассчитала. Будь на моем месте настоящий рыжий Джонни Смит — капец бы ему. И его деньгам. К бабке не ходи — еще до наступления вечера вся тоненькая пачка купюр перекочевала бы в ловкие пальчики красотки. Причем абсолютно добровольно, никакого криминала и вымогательства, боже упаси.

И пацан остался бы всем доволен.

— Вы же не возражаете, джентльмены? — обворожительно улыбнулась девушка, обращаясь к бугаятам. — Может быть, молодой человек сначала угостит Мэнди выпивкой и только потом выйдет к вам, чтобы решить ваши общие, несомненно важные дела. Ведь пра-а-ава? — И она глубоко-глубоко «взволнованно» вздохнула.

— Э-э-э... — проблеял кто-то из несчастных парализованных юнцов. — Д-д-да-а...

— Ах, вы такие милашки все! — непритворно обрадовалась Мэнди и даже потрепала одного из этих дурней по щеке, чем окончательно ввела бедолагу в ступор. — Спасибо, мальчики! Пойдем! — Она подхватила меня под локоть и, ни капли не сомневаясь в том, что я тоже сражен насмерть, поволокла обратно в салун.

Я не стала сопротивляться, наоборот, весьма охотно приобняла красотку за утянутую в корсет талию и, не доходя до стойки с выпивкой, дернула ее в сторону, туда, где под лестницей, ведущей на второй этаж, в номера, была еще одна дверь.

— А ты шустрый малый, м-м-м? — хмыкнула девчонка, позволяя тянуть себя в нужном мне направлении. — Но, может, сначала немного выпьем? Для настроения... и храбрости? — Она зазывно улыбнулась и потерлась об меня сразу и бедром, и декольте.

— Обязательно, красотка, — хмыкнула я, заворачивая за угол так, чтобы нас хотя бы частично не было видно из коридора. — Разве можно отказать такой девушке?

Мэнди чуть прищурилась, глядя на меня в упор. Кажется, она поняла, что на одурманенного ее щедрыми прелестями юнца я не очень похожа, но пока не испугалась — а чего ей бояться в салуне,

где ей и стол, и дом, и наверняка защита местных вышибал?

— Ты что, больной? — с легким любопытством спросила она, провоцирующе скользя кончиками пальцев по моим волосам, по уху, по скуле и одновременно плотнее прижимаясь ко мне всем телом.

И вдруг замерла. Застыла, глядя на меня враз расширившимися глазищами как на привидение.

— Все верно, сестренка. — Я весело подмигнула, ловко дергая ее за крутой локон и щелкая по кончику носа. — Ты немножко ошиблась с целью для своих чар. Иначе, не сомневайся, любой мальчишка уже растекся бы лужей у твоих прелестных ножек. Вот только я не...

— Девка! — ахнула Мэнди, обретя наконец голос. — Ты девчонка! Черт тебя дерит!

— Угадала, милая. — Я снова подмигнула и в шутку еще крепче подхватила ее за талию, прижимая к себе. — Но даже я не могу не признать — ты чертовски хороша, подружка. И пять баксов твои, если покажешь мне окно, через которое можно быстро слинять.

— Черт тебя дерит, — повторила Мэнди, медленно моргая накрашенными ресницами. А потом вздохнула и вдруг хихикнула. — Черт тебя дерит! Не знаю, кто ты, сумасшедшая, но ты мне нравишься. Люблю рискованных девчонок! Пошли, выведу. И оставь себе свои баксы, считай, что Мэнди с подружек денег не берет!

— Была б я парнем — я б на тебе хоть щас женилась! — Веселый хулиганский дух, вселившийся в меня еще на подходе к салуну, так и нес меня ухабистыми тропами да все вскачь, поэтому я наклонилась и быстро чмокнула красотку в накрашенные пухлые губки.

Она ахнула, а потом мы вместе весело расхохотались.

— Черт тебя дерит! Пошли уже, сумасшедшая! Пока эти дурни не опомнились! — заявила блондиночка, отсмеявшись, и за руку потянула меня вглубь коридора.

— Скажи хоть, как тебя зовут, чудачка, — сказала она мне, помогая перебраться через подоконник на крышу конюшни и знаками показывая, с какой стороны к ее стене прислонена лестница. — Откуда ты взялась, даже не спрашиваю.

— Если б сама знала, — вздохнула я. — Голди меня зовут. Удачи тебе, сестренка. И того, чего ты сама для себя хочешь. Если даже не свидимся — за мной не заржавеет, поверь. Спасибо.

— Иди уже, — вдруг немного грустно улыбнулась Мэнди. — Ты первая, кто мне пожелал не стать приличной девушкой или там мужа найти, а того, что я сама хочу.

— Значит, обязательно сбудется. — Я хлопнула ее по плечу и спрыгнула на крышу конюшни. — Пока, красотка! Удачи тебе!

Глава 53

— Восемь долларов за почти сто беличьих шкурок, — со вздохом констатировал Айвен после ухода скорняка, которого по просьбе «старой леди» к нам в номер привел гостиничный портье. — Из них два доллара мы отдали посреднику. Негусто. После покупки билетов на все про все у нас осталось чуть больше двадцатки. В большом городе это даже при самых скромных запросах — максимум на два дня.

— Пробьемся, главное — до этого города живыми и невредимыми добраться, — отмахнулась я, перекусывая нитку и расправляя на коленях холщовый мешок с завязками, чтобы подвесить его к поясу под юбками. — Вот сюда клади все, что есть, в кошельке оставим самую малость. Двадцатка тоже деньги, и, если в толчее ее у нас украдут, будет обидно.

— До города-то доберемся... — задумчиво кивнул Айвен и подошел к кровати, где спала Крис, которую в связи с завтрашним ранним отъездом уложили пораньше. — Вряд ли нам уже кто-то помешает.

— Ну, лучше быть готовыми ко всему, — рассудительно покачала я головой, встала с кресла и тоже подошла к спящей дочери. — Мне не понравился тот кассир на вокзале. Он слишком пристально смотрел на мои волосы, когда я покупала билеты, и морщил лоб, словно что-то старался вспомнить. А в день, когда мы появились в городе, он сидел здесь, внизу, на террасе у отеля, и пил кофе. И очень внимательно разглядывал Крис, пока ты изображал немощную старую леди, а я разговаривала с портье. Короче, береженого бог бережет, я тут договорилась с компанией парней поменяться билетами. Правда, они едут не во втором классе, как мы сначала планировали, а в третьем, но лучше потерпеть неудобство, потерять в деньгах и остаться в безопасности.

Айвен недовольно нахмурился, но ничего не сказал. Ему не нравилось, что в последние два дня вся инициатива и все общение с внешним миром полностью принадлежали мне, но куда деваться? И к его чести, он даже не думал ныть, бухтеть или еще как-то ущемляться по этому поводу. Просто было видно, что ему неуютно и он за меня сильно волнуется.

— Давай лучше думать, чем мы первым делом займемся, когда доедем до Рочестера, — предложила я. — Как ты думаешь, там уже можно не бояться соглядатаев этого Джонса?

— Думаю, нет. — Айвен отвлекся от своей меланхолии и включился в разговор. — Слишком далеко.

— Отлично. Вот только у меня вопрос... У нас ведь никаких документов. Вообще. Это слава богу, что сейчас можно просто заплатить деньги и назвать имя, ни в отелях, ни в железнодорожной кассе меня не попросили удостоверить свою личность. Но в банке вряд ли выдадут наличные любому, кто придет и заявит, что у него здесь счет и дайте денег.

— Я думал об этом, — кивнул Айвен. — Но в Рочестере есть пара уважаемых людей, которые знают меня лично и могут подтвердить в полиции, что я не самозванец. Так что документы мне мы восстановим. И конечно, я сразу напишу ма... отцу. Другой вопрос, что это может занять время. Я не знаю сколько.

— Да нет проблем, подождем.

— У нас не хватит денег на отель, и...

— Айвен, ну ты что? — Я улыбнулась. — Все время забываешь, кто мы теперь. Зачем нам отель? Найдем какой-нибудь заброшенный подвал, в шубе не замерзнем. И с пропитанием что-нибудь придумаем.

— М-да? Хм. Знаешь... мне все время кажется, что эти превращения в медведей — сон. Не настоящему. И когда мы уедем далеко от острова, сон развеется сам собой.

— Э-э-э... — Я было напряглась, но потом прислушалась к себе и помотала головой. — Нет. Не развеется. Даю тебе слово.

— Я, конечно, предпочту поверить. — Мужчина улыбнулся, притянул меня к себе и быстро поцеловал в лоб, зарывшись пальцами в мои короткие рыжие кудряшки. Я только было настроилась на продолжение, но тут этот остолоп меня отпустил, отошел на пару шагов и выдал:

— Давай спать. Завтра вставать рано.

Тьфу, динамщик несчастный... Ладно-ладно!

Наш паровоз мирно фырчал, разводя пары, а я, уже стоя на подножке вагона, думала, что мы с Айвеном чертовски везучие медведи. Потому что этот поезд был последним, буквально на днях ждали настоящих холодов, обильных снеговых заносов и прочих прелестей северной зимы, во время

которой железная дорога не работает по причине того, что дикие медведи и прочие лоси напрочь отказываются сбиваться в бригадные подряды и каждый день чистить пути.

По случаю закрытия сезона отправление поезда было обставлено с особой торжественностью, и на вокзале толпилась целая прорва народа. Сам паровоз и все вагоны были щедро декорированы еловыми лапами, какими-то тощими колосками и мелкими озябшими астрами из чьего-то палисадника.

«Бабушку» и Крис в образе братика я уже проводила в вагон и теперь стояла на подножке, внимательно вглядываясь в толпу. Мало ли... может, замечу что-то подозрительное. Но нет, народ веселился, пил пиво из расставленных на вокзальной площади бочек, лопал барбекю и вообще неплохо проводил время перед длинными, скучными зимними вечерами.

Я уже собиралась уйти внутрь вагона, тем более что обеспокоенный Айвен задержался и торчал прямо у меня за спиной, ненавязчиво вцепившись сзади в пояс моих штанов, когда вдруг увидела на площади Мэнди.

Веселая девчонка в миленьком и всего лишь самую малость вызывающем платье в компании таких же прелестниц как раз шла мимо нас в сторону палаток со сладостями. Она заметила меня и весело мне помахала рукой в кружевной перчатке, а потом и вовсе подмигнула и послала страстный воздушный поцелуй.

За ее спиной кто-то восторженно засвистел, а я не удержалась, выдернула из украшений на вагоне букетик астр и метко запустила им прямо в Мэнди, сопроводив это таким же воздушным поцелуем и прочими жестами полного обожания.

— Это что сейчас было? — странным голосом спросила за спиной «бабушка», одним рывком втаскивая меня за ремень с подножки в вагон. — А?!

— Это была Мэнди, — мечтательно вздохнула я. — Самая красивая и веселая девчонка отсюда и до самого побережья. Мы в салуне познакомились, я просто забыла тебе рассказать.

— М-да? — Сквозь густую вуаль на лице «пожилой леди» было не разглядеть, чем таким интересным светятся глаза замаскированного медведя. — Судя по обмену любезностями... это было интересное знакомство. Чего еще я о тебе не знаю?

— Да много чего. — Я, воспользовавшись тем, что поезд тронулся и проводник отвлекся на бравурный, хотя и немного нестройный марш, грянувший на площади в честь отбытия, резко поднырнула под вуаль и коротко чмокнула своего несносного медведя в губы, а потом так же быстро отпрянула и приняла самый невинный вид.

— Пошли, а то Крис надоест играть с медвежонком из еловых шишек и она полезет знакомиться с соседями. Этот процесс лучше проконтролировать.

— Дай только до дома добраться, чертова девчонка, — пробухтел мне в спину Айвен. — Я тебе покажу...

Глава 54

— Как можно быстрее, как можно быстрее, — лихорадочно бубнил Айвен мне в спину. — Черт с ними, с деньгами, снимай любой, первый попавшийся номер, я уже не могу! Еще полчаса таких мучений — и я умру! На месте!

— Две недели как-то ведь выживал? — вздохнула я, крепко перехватывая Кристину руку и оглядываясь.

Вокруг шумело, трещало, скрежетало, орало и грохотало. Сизый смог струился над вокзалом, смешиваясь с паровозным дымом. Густая толпа крутилась вокруг нас, как варево в кипящем котле, куда ни глянь — люди-люди-люди, камни-камни-камни, здания, крыши, трубы, и все одинаково серое, грязное и закопченное. Ой-бай, вот никогда не любила фильмы про Лондон викторианских времен, и не зря... Именно там я видела такой ужас в городе, а теперь вот сподобилась попасть в него наяву.

— Я чуть с ума не сошел! — простонал за плечом «бабушк», судорожно одергивая вуаль. — Еще полчаса в этой чертовой пыточной клетке — и ты повезешь моим родителям труп вместо мужа.

— Это я тебя еще туфли на каблуках носить не заставила, скажи спасибо. А женщины в таких клетках всю жизнь вынуждены ходить, и ничего. Терпят как-то... Ну ладно, ладно, я тебя понимаю. Ты герой на самом деле, и это настоящее чудо, что мы сюда добрались почти без происшествий... Надеюсь, кстаи, что ты отплатишь мне взаимностью и никогда не будешь заставлять меня носить корсет. М-да... Только все же отел давай не будем первый попавшийся брать. Просто найдем тихое место и переоденемся, пару раз туда-сюда превратимся, чтобы проверить навык и сбросить напряжение. А то мне кажется, что у меня медведь внутри аж чешется, так ему хочется наружу, лапы размять.

— У меня не только медведь чешется, у меня весь я чешусь, — мрачно пробухтел Айвен. — Где ты тут тихое место найдешь? Черт, я отвык от такого количества народа. Откуда они все повылазили?

— Большой город, живут они тут, — вздохнула я и резко дернула «бабушку» и «братика» в сторону, уходя с пути какой-то конной тачанки с чемоданами по всему периметру и жутко крикливым кучером. — М-м-мать... Смотри, куда едешь, дурень! Ох, я уже хочу обратно на остров. Подумаешь, зима, за печкой бы отоспались. О! Вон туда! Пошли-пошли-пошли!

— Куда?! С ума сошла? Это же... Злата! Да нельзя туда, ты что! — Айвен по недавно усвоенной привычке ловко сцапал меня сзади за пояс штанов и так резко тормознул, что я чуть не упала на него. — О гос-с-споди, круг святой... Злата, ты в своем уме? Зачем нам в эту дыру?! Там помойка!

— Ну да, а еще там проход под платформу. — Я вытянула шею, всматриваясь через толпу каких-то оборванцев в повороты узкого простенка, ведущего с чистой части вокзала куда-то на изнаночную сторону роскоши для приличных людей.

— А под платформу-то нам зачем? — устало переспросил большой медведь, раздраженно передергивая плечами. Даже самый большой корсет, который мы тогда нашли и стырили на складе, был ему мал и нещадно резал под мышками, отчего мой бедный мужчина всю дорогу едва сдерживался, чтобы не начать чесаться как больной мопс.

— Лучше бабушке с внуками бесследно исчезнуть именно здесь, чем довести возможный хвост до отеля, где вечно любопытный портье сможет рассказать, что в номер вошла старая леди с мальчишками, а вышел молодой мистер с женщиной и дочерью, — пояснила я. — А кроме того, все эти лишние вещи в таком месте в течение пяти минут растворятся среди местного населения без остатка, концов никто никогда не найдет, понимаешь?

— Боже, да какой хвост! Нет за нами уже никакого хвоста.

— Лучше перестраховаться. У меня всю дорогу было впечатление, что между лопатками чешется, словно кто-то в спину недобро смотрит, — передернулась я.

— Черт... Учти, если на нас нападет весь этот сброд с целью ограбления, я даже драться не смогу в этой проклятушей... проклятушей сбруе, чтоб ее.

— Если нападут, потренируем оборот, не сходя с места, — успокоила я, уже без сопротивления увлекая Айвена с Кристиной на руках в самую гущу трущобной жизни Рочестера. — Одной городской легендой больше, одной меньше. Сказки о медведях, которые вдруг начнут рассказывать обитатели городского дна, никого не насторажат. Тут и без нас мистики с ужасиками порядочно.

Но никто на нас нападать не стал, хотя косились с подозрением — что такие чистенькие, хотя и не особо богатые граждане забыли вокруг вокзальной помойки и около дыры, ведущей, как я

правильно догадалась, под платформу. Но излишнее любопытство у здешних обитателей вряд ли входит в базовый набор выживания, так что к нам никто не приставал и даже не приближался. Парочка оборвышей, правда, попыталась незаметно двинуть следом, сохраняя приличную дистанцию, но, когда я обернулась и посмотрела на них в упор, сунув при этом руку за в карман куртки, оба существа неопределенного возраста и пола разом вспомнили о срочных делах где-то в другом месте.

— Ф-фу, ну и вонь. — По мере продвижения в темноту пахло все гадостнее, особенно учитывая наш обострившийся нюх, даже я не выдержала. Хорошо еще, что зрение тоже улучшилось, и мы не переломали себе ноги о всякий хлам, разбросанный неровными кучами.

— Вон оттуда вроде меньше смердит. — Айвен, как только мы скрылись с глаз «приличной публики», перестал изображать немощную старушку, выпрямился во весь рост и решительно занял место во главе процессии, отобрав у меня чемодан с вещами, взамен передав Кристину. И еще он почти сразу вооружился неизвестно откуда выдернутым дрынком. — Пошли. Фантазерка... Хвост у нее... Ладно, я уже на все согласен, только бы переодеться в нормальный костюм. Вот... сюда идите. Здесь сквозняк и холодрыга, зато точно никого нет и гадости всякой не так набросано. Оппа... Дай руку, осторожнее. Вот. Никого нет... Так, ботинки... У-У-УХ!

— Ну а в ключья-то зачем? — хихикнула я, глядя на со сладким удовольствием потягивающегося медведя в обрывках старушечьего платья, из-под которого редкими зубами торчали выломанные с корнем ребра корсета.

— Хорошо хоть, ботинки догадался снять, бережливый ты мой. Крис, не смей! Сначала разденься!

— А папа...

— А папе по попе никто не надает за такое хулиганство. Хотя надо бы. Снимай куртку, рубашку и штанишки, мало ли, мы пока до папиных денег еще не доехали. Будешь пока мальчиком.

— Ур-р-рх, — согласно кивнул большой медведь и снова со вкусом потянулся, выгибая спину и оттопыривая лапы, как довольный кот.

— Р-ря-а-а! — визгливо подхватила его фырк довольная медвежонка, кубарем скатываясь папе под ноги и не обращая внимания на не слишком чистый земляной пол выбранного нами отнорка. — Р-р-ры? Р-р-р!

И как сквозанула вдруг куда-то в сторону, я рот закрыть не успела.

— Крис! Кристина, вернись сейчас же! Да твою...

— Р-р-р-р-р-р! — Папа-медведь тоже опомнился, но сделать ничего не смог, ибо мелкая поганка уже ввинтилась в какую-то узкую щель, куда ни один взрослый потапыч не пролезет. Так что мне пришлось рвануть следом в человеческом виде.

Но влезть в дыру я не успела, потому что Крис уже вынырнула обратно, неся в зубах какой-то тряпичный сверток.

Сверток извивался и еле слышно пищал.

— Приехали, — растерянно сказала я, машинально перехватывая у дочери ее находку. — Вашу ж грушу... пацан. Только этого нам сейчас и не хватало.

Глава 55

— Что? — Я даже не поняла, в какой момент Айвен из медведя превратился обратно в человека и подхватил сверток с ребенком у меня из рук. — С ума сойти. С ума сойти! Как он здесь... Кристина! Где ты его нашла?

— Да вон в той дыре и нашла, — вздохнула я, поправляя тонкое одеяльце на слабо пищущем младенце. — Черт... Все это очень плохо пахнет. Видишь, какие пеленки? Это дитяtko явно не от нищенки, которая решила избавиться от нежеланного ребенка таким негуманным способом.

— Он там так жалобно плакал. — Крис обернулась обратно в девочку, стояла, как и ее папа, совершенно голая на сыром сквозняке и даже не дрожала — я вообще заметила, что мы трое как-то разом разучились по-настоящему мерзнуть. — Его запихнули в самый дальний угол и еще накрыли каким-то дырявым корытом. Если бы я не услышала, его бы никогда не нашли.

Мы с Айвеном молча переглянулись над головой дочери и так же молча уставились на найденыша. Ох ты ж, лоси лысые... Это дело не просто плохо пахнет. Оно смердит на всю округу огромными неприятностями. Ребенок... Не знаю, либо незаконнорожденный младенец какой-то богатой дамочки, от которого по приказу избавились вот так вот, либо...

— Если ребенка похитили и ищут, то мы сейчас в нешуточной опасности, — озабоченно сказал Айвен. — Документов у нас нет, откуда мы взяли, сказать будет трудно — даже в поезде нас никто толком не опознает. И вообще, получаемся подозрительные со всех сторон. Обвинение в похищении ребенка — это...

— И в убийстве, — мрачно кивнула я. — Если малыш столько времени провел на холоде, что уже еле пищит, то он уже схватил минимум воспаление легких, а с вашим уровнем медицины — считай, не жилец.

Мы все трое замерли, почти не дыша, даже Кристина, глядя на найденный сверток снизу вверх огромными недетскими глазами. Потом дочь резко выдохнула, протянула руки и дернула за покрывальце, так быстро и неожиданно, что мы с Айвеном даже не успели среагировать — малыш вывалился из одеяльца, и Крис подхватила его. Склонилась над посиневшим от холода и плача личиком, всмотрелась... а дальше я, вцепившись в руку Айвена и затаив дыхание, глядела, как искажается ее лицо, теряя человеческие черты, но в то же время не становясь медвежьим. Миг — и острые клыки вспороли кожу на предплечье младенца, он только пискнул тихонько, но розовый длинный язык уже зализал ранку, которая на глазах превратилась в крохотный шрамик, очень похожий на след от прививки. Я у мамы такой видела, мне-то уже оспу не прививали...

— Теперь не умрет, — немного виновато сказала Крис, поднимая на нас уже обычные свои, человеческие глаза.

— Только когда вырастет, мне придется на нем жениться... Как маме на тебе.

Айвен приоткрыл рот, а потом поднял руку. На предплечье красовался такой же шрам, бледный и маленький, почти незаметный. Мужчина несколько секунд смотрел на него во все глаза, затем перевел взгляд на меня, а потом вдруг выхватил затихшего и порозовевшего пацана из рук Крис и развернул одеяльце.

Я тихо выпала в осадок. На спине едва ли полугодовалого мальчишки красовалась та самая татуировка. Мелкая, ну, просто спинка-то там была как у мышонка. Но совершенно четкая и различимая. Правда, через несколько секунд она прямо у нас на глазах начала таять, впитываться в кожу и скоро исчезла без следа.

До поры до времени. Это мы все трое поняли вдруг так ясно, словно кто-то на ухо подсказал.

— Так, ну-ка, одеваемся-переодеваемся и уходим отсюда, — первым опомнился Айвен. — Быстро, быстро, девочки. Крис, дай ребенка мне и не стой голая. Злата, ты все же превратись разок в медведицу и обратно, но мужской костюм потом надень обратно, рано менять его на дамские юбки.

— Я и не собиралась, — расстегивая рубашку, кивнула я. — В штанах бегать удобнее. Только куда? И этот подарок еще...

— Я знаю, чей он, — выдохнул мужчина, убедившись, что дочь вполне споро облачилась в мальчишеский костюмчик, и отдавая ей мелкого обратно. А потом и сам быстро принялся натягивать кальсоны и брюки. — Во-первых, вон, монограмма на пеленках, как в романе, черт побери. А во-вторых, вот эту родинку затейливой формы я уже видел. — И он ткнул пальцем в висок мальчишки, чуть выше линии волос, где и правда красовалось родимое пятно в форме перевернутой вверх рогами подковки.

— Угу, а это уже как в индийских фильмах, — пробормотала я, быстро перекидываясь в медведицу и обратно. — Не бери в голову, потом расскажу, что это такое.

Айвен кивнул и продолжил:

— В университете видел, причем вблизи. У взрослого под волосами почти не заметно будет, когда отрастут. — Мужчина закончил с одеждой и забрал мелкого из рук дочери, зачем-то пояснив: — Если не знать, что она там, и не догадаешься. Это фамильный знак одного занятого семейства, сосед по комнате как-то спяну похвастался и рассказал. Короче... даже не знаю. Отсюда надо уходить, а потом хорошо подумать, как вернуть мальчика в семью. И стоит ли вообще возвращать, вдруг он внебрачный и от него таким образом избавились? Старый Гуччио тот еще мерзавец, этот мог. А его сын Лоренцо — мой друг и бывший сосед по комнате, подонком он никогда не был. Короче, надо все как следует разузнать. Если все, как я думаю, то очень скоро все наши неприятности закончатся.

— Не нравятся мне их имена, — пробормотала я себе под нос, уже направляясь вслед за Айвеном, который целенаправленно топал куда-то вглубь и в темноту дальше и дальше под платформу, одной рукой придерживая Крис за плечо, а другой волоча за руку сразу и чемодан и меня. Можно подумать, сама бы не дошла, потерялась бы... но его беспокойство где-то там, глубоко внутри, было приятно. Как и его решительность. — Только не говори, что это какие-то итальянские мафиози. Они вообще позже появились, во времена сухого закона.

Кажется...

— Я не знаю, кто такие итальянские мафиози, оба слова мне незнакомы. — Айвен высмотрел в дальнем конце тоннеля чуть брезжущий свет и двинулся в ту сторону. — Но Гуччио — очень известная семья с Латинянского берега. Графы. Младшая ветвь, ненаследная, да и семейство, если не ошибаюсь, давно обеднело. То, которое в Латинии осталось. А Пикколо Гуччио, дед Лоренцо, приехал в Северные Штаты больше шестидесяти лет назад, с двумя долларами в кармане и в одних дырявых ботинках.

Я и Крис внимательно слушали нашего большого медведя, но успевали еще и под ноги смотреть, потому что какой только дряни тут не накидали, мало того, что можно было перемазаться, так еще и ноги переломать — запросто. А вот Айвен пер к светлому будущему уверенно, как танк в атаку, словно знал, куда направляется, и ни секунды не сомневался. И продолжал вещать на ходу:

— С тех пор старший Гуччио сумел очень хорошо устроиться, заработать капитал и уважение в обществе. Поговаривали, что не совсем честно он все это заработал, но дело давнее, я не в курсе. Его сын, Леонардо, продолжил дело отца, а внук, Лоренцо, учился со мной на одном курсе в университете и даже жил в одной комнате. Мы не дружили взахлеб, но вполне тесно притягивались. Когда я уезжал на север, в свете ходили слухи о скандальной женитьбе Лоренцо на какой-то свеженькой латинянской эмигрантке, но я опять же не знаю подробностей.

— Короче, дело ясное, что дело темное, — хмыкнула я.

— Местами. Но мы это поправим, — заявил Айвен и остановился возле крепко-накрепко заколоченного выхода из-под платформы. Свет, который мы видели, еле струился в щели между досками. — Это нетрудно.

И одним ударом кулака проломил в стене здоровенную дыру, в которую тут же хлынули солнечный свет и свежий воздух.

Глава 56

— Очень жаль, очень жаль, — тихонько приговаривал Айвен, одной рукой придерживая меня, чтобы я не высовывалась у него из-за спины, а другой подцепив за шиворот Кристинку. Почти на весу держал, а то у некоторых после оборота и внезапного обретения жениха в одном месте поселилось гигантское шило, из-за которого она ни стоять, ни идти нормально не могла, все ей надо было бежать, скакать, лезть на все встречные стены и верещать во все горло. Последнее удалось купировать пирожком. Мы плюнули на зверские привокзальные цены и купили целый кулек этого яства у уличной торговки, я еще мысленно поплевала через плечо и решила, что медвежьему желудку жареные котята или там, не знаю, собаки не повредят, а этический вопрос мы замнем до лучших времен.

— Очень жаль... что мы не белочки, — закончил свою мысль наш большой медведь. — Шмыгнули бы по стене к окну и все, что надо, подсмотрели-подслушали. Эх... Высовываться на улицу перед домом с этим подарочком открыто нельзя, тем более подходить к особняку Гуччио с ним на руках. Не ровен час, примут за похитителей. А узнать, действительно ли ребенка ищут или сами же и прикопали, надо. Значит, так... Вы с Крис сейчас лезете в ту берлогу, что мы нашли в подвале, превращаетесь в медведей, чтобы не замерзнуть и не перемазаться, а я сделаю вид, что только приехал из фактории, ни о чем не в курсе и просто зашел навестить старого приятеля перед отъездом к родителям. Осмотрюсь, принимаюсь. Хм. То есть прислушаюсь. А дальше по обстоятельствам.

— У-у-у... — Я была недовольна, потому что очень не хотела разделяться, и представляла уже, как буду в том подвале дикобразов от беспокойства рожать, но куда деваться — Айвен был прав, и его план звучал разумно.

— Па-а-а! — в унисон со мной проныла Кристинка. — Не хочу в берлогу. Не хочу! — Она обиженно оттопырила нижнюю губу и надулась. Ох, мелкая. То она ведет себя и говорит почти как взрослая, и мы забываем, что ей всего пять, а то капризничает и хулиганит на все свои невеликие года так, что мы вдвоем еле справляемся...

— Так, дочь, — строго сказал ей Айвен. — Ты уже взрослая, практически замужняя дама. У тебя муж на руках, он маленький совсем, и ты за него отвечаешь. Разве можно сейчас капризничать и ныть? А мама? Ты ее одну хочешь бросить?

Оппа. Педагог, однако, откуда что взялось?

Кристинка сразу перестала кривить рот подковкой, изумленно распахнула глаза, посмотрела на отца, на меня и на малыша в моих руках. Серьезно кивнула, взяла меня за локоть, крепко и спокойно, и разом перестала нервно подпрыгивать на месте.

— Хорошо, пап. Я присмотрю, ты не беспокойся. Только ты приходи поскорее, ладно? Я все же еще не совсем большая, — сказала она и трогательно шмыгнула носом.

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться, Айвен тоже явно чуть не лопнул от попыток остаться серьезным, быстро присел, чмокнул Крис в нос, потом встал, притянул меня к себе и тоже... поцеловал. В губы. Однако.

— Быстро. Я отведу вас до того заброшенного домишки, так мне спокойнее будет, что вы на улице ни во что не влипли. Оставлю там и пойду к Лоренцо. Давайте, бегом!

Через полчаса, когда мы более-менее обустроились в подвале пустого дома, безжалостно выломав медвежьей Айвеновой силой висячий замок и повесив его так, чтобы он только создавал вид, что дверь заперта, я стояла на пороге и смотрела мужу в глаза. Вот вроде уходил он всего на час — ну от силы на два. И шел не в дикий лес и не на поединок со злыми браконьерами, золотоискателями и прочими сволочами. По городу собирался пройтись, в приличный дом заглянуть, к старому приятелю. А сердце билось в горле так, что голос пропал, и дурацкие слезы на глаза сами собой наворачивались.

— Ну здрасте, приехали. — Айвен быстро вытер мне лицо, пока Кристинка не заметила. — Ты что? Вот глупенькая.

— Боюсь, — шепотом сказала я. — Все понимаю, но боюсь. Этот город совсем незнакомый, чужой и страшный. Тут... пахнет плохо. Везде. И столько людей — ужас просто. Я постоянно ощущаю из толпы недобрые взгляды, не знаю почему, наверное, звериное чутье говорит об опасности. То ли обокрасть хотят, то ли чего похуже. Знаю, что мы со всем справимся, но...

— Держись, золотко мое. — Айвен наклонился и снова поцеловал меня в губы, и на этот раз в его движениях не было той томительной задержки, словно он каждый раз в последний момент сомневался, целовать или нет. — Я понимаю. Город — это не для тебя, и тут неудобно. Я и сам вдруг

разлюбил эту толчею, хотя раньше мне

казалось — вот заработаю свой капитал и с удовольствием вернусь к цивилизации, удобствам, светской жизни. А теперь... Ладно, этот разговор не ко времени. Ничего не бойся, я скоро приду. Уж где-где, а в каменных джунглях я точно не пропаду, я в них вырос. Все, превращайтесь вместе с Крис и ждите. Я пошел.

Я кивнула, отступила на два шага и быстро сбросила мальчишеский костюм, в котором так и ходила до сих пор. Оглянувшись на Крис, помогла ей выпутаться из рубашки, и через секунду мы обе уже вполне уютно себя чувствовали в медвежьей шкуре. Даже легкая усталость прошла, только в животе заурчало громче — пора было подкрепиться, а то о вокзальных пирожках только память и осталась.

Но сейчас мне было не до еды. Я смотрела, как Айвен кивнул, удостоверившись, что у нас все в порядке, поднялся по истертым подвальным ступенькам к двери, улыбнулся в последний раз и... ушел.

Не реветь. Не реветь, я сказала! Дура, ну что за глупости! Не смей думать о плохом! У тебя дети на руках, в конце концов! Быстро взяла себя в руки, в смысле в лапы, и пошла занялась делом!

Крис, казалось, ничуть не волновалась об отце и вообще уже забыла, что не хотела его отпускать и сидеть в берлоге. Она, как только превратилась, сразу поскакала к импровизированной люльке, которую я соорудила из чемодана, купленного еще в Стаптауне, и нашей запасной одежды. Сунула нос в одеяльце и ткнула в малыша.

Вообще, мальчишка нам попался на удивление подарочный — после того как Крис его покусала и он заметно поздоровел, дитенок все время либо спал, либо таращился круглыми глазенками и пускал пузыри из радостно улыбающегося рта. Он даже есть пока не просил. Его, казалось, ничто больше не пугало и все устраивало. А больше всего нравился мокрый медвежий нос, которым в него тыкалась будущая жена. Он сразу начинал заливаться радостным хохотом и ловить ее за шерсть на морде.

Я устроилась рядом с этим счастливым детским садом и попыталась отвлечься от дурных мыслей и беспокойства. Лучше мелкими полюбоваться, чем с ума сходить. Интересно, как зовут пацана? Тоже какое-нибудь красивое и звучно-итальянское имя? Здесь оно будет называться латинянским... Кстати, ему уже

месяцев шесть как минимум. А то и восемь. Не вчера родился. Если бы его мамаша решила избавиться от плода нежеланной беременности, она сделала бы это сразу после родов. А тут вон сколько времени прошло. И малец упитанный, ухоженный и в целом здоровенький. Был, пока его под платформой на ледяной земле в тонком одеяльце не бросили.

Ох, что-то тут нечисто, и действительно пахнет киднеппингом. Господи, только бы у Айвена все получилось! Только бы никуда не влип... не заподозрили бы в чем... Сколько времени прошло? Уже темнеет за маленьким окошком, что под самым потолком, или мне только кажется?

Глава 57

— Ма-ам, а мы обязательно должны его отдавать? — спросила Кристинка, и я вздрогнула, сбрасывая с себя морок ожидания. — Может, мы его сразу себе оставим? Он же все равно мой...

— Эм-м-м, нет, дорогая. — Я встала с пола, чтобы размять затекшую спину и лапы, и заглянула в импровизированную люльку — детенок сладко дрых, розовенький, хорошенький, прямо не младенец, а зайчик. Или мишка. Подарочный. Только на фиг, на фиг, мне одной Кристины хватает по уши. Пусть лучше его заберут обратно! — Если у него есть родители и они его ищут, разве мы имеем право отбирать у них ребенка? Им будет очень плохо.

— Ну ма-а-ам, разве это мы отбираем? — Крис вроде бы возмутилась, но я заметила, как хитро щурятся карие медвежьи глазки. — Мы его, наоборот, нашли! Если бы не мы, он бы умер. А эти, которые родители, они сами его потеряли. Или выбросили.

— Мы не знаем, сами они или нет. — Я села обратно и почесалась. — А ты хитрая маленькая коза. Отвлекаешь меня? Нарочно?

— Да, — спокойно согласилась Крис. — Не волнуйся, с папой все будет хорошо. Я чувствую. Он уже идет к нам. Только не один. Ой! Вот теперь один. У того дяденьки, который за ним следил, теперь будет долго болеть голова.

— Иногда ты меня пугаешь, деточка, — пробормотала я себе под нос, но внутренне вся напряглась и превратилась во слух. Кажется? Нет, точно! Точно! Шаги!

— Девочки, вы как? — На улице было уже темно, в подвале тоже, поэтому силуэт Айвена на фоне дверного проема едва угадывался. Но я сразу почувствовала родной запах, а еще — что настроение у мужа немного вздрюченное и вместе с тем приподнятое. — Превращайтесь и переодевайтесь в приличные платья. Мы идем в дом Гуччио, вместе с малышом. Его, кстати, зовут Микеле. Все хорошо. Сейчас я только... этого тут сложу.

Временно. Пусть его потом полиция забирает.

Только тут я разглядела, что Айвен спускается по ступенькам не один, а с каким-то посторонним грузом на плече.

У груза были ноги в клетчатых узких брюках и остроносых ботинках. Большой медведь легко стряхнул его где-то в дальнем углу и заботливо поправил на лежащем без сознания мужчине такой же клетчатый пиджачок.

— Черт его знает, зачем он за мной увязался, на людей из охраны Гуччио он не похож, на полицейского тоже, — слегка озадаченно сказал он. — И к Северному побережью точно никакого отношения не имеет, это сразу видно. Пусть полежит пока, от греха. Я его вполсилы, так что живой.

— Он похож на частного детектива, — поделилась я, подходя ближе и рассматривая стукнутого. — Правильно, пусть лежит. Расскажи, что там вообще? Ребенка все же украли?

— Какая-то нелепая дурацкая история, — поморщился Айвен. — И даже не про выкуп, как я думал сначала. Сумасшедшая нянька, которая влюбилась в Лоренцо и возненавидела Сесилию, его жену, начала творить круг знает что, ее собирались уволить, а эта ненормальная украла ребенка, написала записку, что, мол, вы никогда его не увидите, пошла и бросилась под поезд. Дурдом, они что, подпустили к ребенку няньку без рекомендации?

— Да всякое бывает. — Я аж плечами передернула. — Может, раньше она была нормальная, а тут взяла и спятила. Манифестация шизофрении может произойти в любом возрасте, если в генах есть. Особенно на фоне сильных переживаний.

— Я сейчас не понял, что ты сказала, но поверю тебе на слово, — поспешно согласился Айвен. — Но у нас в няньках будут только трижды проверенные пожилые особы. Чтобы никаких там... сильных чувств на горизонте. Ладно, короче, в доме Гуччио меня приняли, несмотря на горе — эта сумасшедшая украла ребенка еще вчера, а буквально несколько часов назад им сообщили, что она покончила с собой. И поскольку ребенка рядом не нашли, все решили, что она убила его раньше. Так что там горе, траур и истерика у Сесилии. Лоренцо все же настоящий друг — несмотря на этот ужас, принял меня, выслушал нашу историю, ну, с теми коррективами, что мы с тобой придумали, и обещал помочь. Только попросил, если возможно, прийти завтра. Но если нам негде остановиться, то... ну, сама понимаешь.

— А ты? — Я уже оделась под этот рассказ и в данный момент помогала Кристине застегивать платье на спине.

— Выразил сочувствие, велел не отчаиваться, — вздохнул Айвен. — Если бы я только заикнулся, что знаю что-то о ребенке, меня бы просто так не выпустили и сюда пришлось бы добираться, отбиваясь и от самого Лоренцо, и от толпы его родственников. Так что сейчас мы идем и рассказываем историю про младенца, подкинутого нам возле поезда какой-то ненормальной. Мол, мы так растерялись, к тому же устали после долгого пути, а тут еще город, от которого я отвык, а ты и не была никогда... короче, решили сначала устроиться где-то на ночлег, обогреть и накормить ребенка, а завтра идти в полицию. И тут я узнал... ну и так далее.

— Вполне правдоподобно. Только сыщик не вписывается.

— Этот за мной уже после выхода из дома Гуччио увязался. Его тоже полицейским сдадим, мы же законопослушные, добропорядочные граждане. Все, вы готовы? Даже Микеле переодели? А, в мою рубашку. В две рубашки. Отлично, идем.

Выглядели мы, когда подошли к шикарному особняку семьи Гуччио, наверное, не слишком презентабельно — центр, богатые кварталы, дамы и господа в нарядах из последней коллекции здешних домов моды. И мы такие, в платьях а-ля «что украли со склада для фермерш, то и носим». Но люди вокруг были воспитанные, никто в нас пальцем не тыкал, хотя по вечернему времени народу гуляло изрядно.

К счастью, дворецкий Гуччио сразу узнал Айвена, а потому нас без вопросов пустили в дом. И вот тут началось самое главное. Большой медведь сразу попросил, чтобы к нам спустился не Лоренцо, не его жена и даже не его отец, Айвен еще по дороге сказал, что эти трое почти вне себя от горя, хотя держатся. Он попросил позвать брата старого хозяина — дядюшку Лоренцо. Тот тоже горевал, но все же был слегка более вменяем.

Я, конечно, нервничала, пока мы этого дядю Францо ждали, но всеми силами старалась не показывать вида и не отпускала с рук подкидыша, а Крис, необычно серьезная и усталая, сама не отходила от меня далеко и незаметно старалась держаться за мой подол.

— Добрый вечер, Айвен, добрый вечер, леди, — поздоровался представительный седой джентльмен, спускаясь в холл по широкой мраморной лестнице с резными перилами. — Спасибо, что ты решил не беспокоить Лоренцо и позвал меня, это очень разумно и деликатно с твоей стороны. Пойдемте, я сам распоряжусь, чтобы вас поселили в гостевые комнаты и принесли вам ужин.

— Спасибо, синьор Францо. — Айвен учтиво склонил голову. — Но я позвал вас не только для этого, хотя вы правильно угадали — я не хотел волновать Лоренцо и внушать ему ложные надежды, прежде чем мы убедимся, что не ошиблись.

— О чем ты? — удивился дядюшка.

— О той истории, что произошла сегодня утром со мной и моей семьей на вокзале. Дорогая, покажи синьору Францо малыша, которого та сумасшедшая девушка сунула тебе в руки, прежде чем убежать в подворотню.

И без того бледноватый пожилой человек побледнел еще больше и схватился за сердце, дворецкий, все это время стоявший у нас за спиной, уронил подставку для шляп, а сбоку кто-то ойкнул женским голосом, кажется, горничная. Я вздохнула и вышла вперед, бережно держа на руках проснувшегося Микеле. Он радостно заулыбался навстречу заглянувшему в сверток дядюшке и агукнул.

Глава 58

Ну конечно, дальше начался дурдом. Пеленки с монограммой осмотрели, родинку на младенце даже пощупали,

хотя дядя Францо и та горничная, что пискнула первой, в один голос твердили, что это ангелочек, это Микеле, и Святая Дева в нашем лице не оставила его. Во как.

Потом позвали убитого горем дедушку пропавшего ребенка, самого синьора Леонардо, и, конечно, папу Лоренцо. Два здоровенных мужика, очень похожих на классических мафиозо из фильмов тридцатых годов, чуть не окоchureлись от потрясения, а потом и счастья прямо в холле. Они хватались за сердце, вопили про Святую Деву и трясли руку Айвену так интенсивно, что я даже удивилась, как они ее не оторвали и почему на весь этот шум-гам-тарарам не пришла та, кто тут, собственно, был нужнее и уместнее всего — мама малыша.

Как-то незаметно в холл подтянулось еще итальянских родственников, почему-то исключительно мужского пола, этих нам даже не представили, потому что было не до того. Новички сразу включились в общий хор, и я едва успевала уворачиваться от горячих объятий и заверений в вечной любви и преданности каждого члена досточтимого семейства Гуччио, а ведь у меня на руках все еще был их драгоценный Микеле — уж не знаю почему, но никто из этих итальянских сумасшедших так и не решился забрать у меня пацана. Суеверие какое-то, что ли, типа у мужчины руки и... хм... еще какие важные части организма отвалятся, если они с дитем понянькаются? Я уже ничему не удивлюсь...

В конце концов мы вместе с Крис спрятались от этих ненормальных за спину Айвена, но, когда очередной черноглазый горячий кузен хозяина попытался меня оттуда выудить, чтобы расцеловать рукава моего платья, я озверела и рывкнула на весь холл:

— А ну тихо! Синьоры, сейчас же прекратите галдеть! — И, убедившись в потрясенной тишине, уже спокойнее, но уверенным тоном продолжила: — Ребенок целый день на холоде, нам его нормально переодеть было не во что, и покормить его желательно материнским молоком, а не козьем. И обрадуйте же, наконец, мать ребенка! Она там с ума сходит, а вы тут непонятно чем занимаетесь!

— Злата-а-а... — шепотом простонал Айвен. — О боже...

Я испуганно моргнула, поняв, что только что напрочь и совсем испоганила весь свой образ светской леди.

— Ну слава Святой Деве, голос разума! — раздалось вдруг откуда-то сверху, и к нам по лестнице быстро спустилась женщина лет пятидесяти, все еще очень красивая, может, чуть более ярко одетая, чем я видела на улице, но при этом элегантная и без налета вульгарности. Правда, прическа у нее растрепалась, и она быстро, на ходу, поправляла ее, а лицо выглядело утомленным и заплаканным, но черные глаза сверкали счастьем и уверенностью.

— Пойдем, дорогая, пойдем скорее, пока эта толпа несносных мальчишек не свела тебя с ума окончательно! Пойдем обрадуем Сесилию, бедняжка вне себя от горя... Лоренцо, прикажи приготовить лучшие комнаты гостям!

— это женщина бросила хозяину дома уже через плечо, не сомневаясь, что все будет сию секунду исполнено. — И распорядись насчет ужина! Пойдем, дорогая, пойдем. — Она повлекла меня к лестнице.

И к нашему обоюдному с Авеном изумлению, хор сумасшедших итальянцев, то есть латинян, вовсе не оскорбился, совсем наоборот, они вдруг стали втрое почтительнее и к этой громогласной синьоре, очевидно жене хозяина, и ко мне. Причем и члены семьи, и слуги как-то разом начали осмысленно двигаться в нужных направлениях. Я так и несла ребенка, Кристина все еще держалась за мой подол, но тут ее подхватил на руки очередной кузен и понес следом, рассказывая, какая она чудесная и красивая синьорита.

Уже уходя, я услышала, как старший Гуччио одобрительно хлопнул Айвена по спине и сказал:

— А ты парень не промах, Айвеницио, нашел себе в жены настоящую женщину, с характером! Не то что эти ваши бледные северные моли, что только и умеют томно вздыхать и падать в обморок. Настоящая синьора дома должна иметь огненный темперамент! Чтобы ух! Тогда и в семье будет порядок, и муж будет доволен и не заскучает. Твоя жена найдет общий язык с нашими женщинами, не сомневайся! Синьоры, за это надо выпить!

Галачио, распорядись подавать ужин в парадную столовую! И чтобы лучшие блюда! Кто-нибудь, пошлите за вином в погреб! Сегодня в доме Гуччио будет настоящий праздник!

Через четыре дня мы снова ехали в поезде, но, конечно, совсем в другом вагоне и в других условиях. Я была рада, что мы наконец вырвались из горячих объятий семейства Гуччио, хотя на самом деле они мне понравились. Хорошие люди. Со своими тараканами, но все равно хорошие. Только очень шумные...

Было, признаться, страшно. Что там будет, в столице, в роскошном и строгом доме Даунтонов? Это тебе не веселые темпераментные латиняне, это родители мужа... Золотинкиного мужа. Для которых я — северная дикарка и приживалка при их единственном сыне.

Да и я сама, сумею ли нормально адаптироваться в этом патриархальном мире, полном запретов и предрассудков? А главное — нужно ли оно мне? Ох... насколько легче все было на острове, вот я дура, что согласилась уйти оттуда... Зачем нам эта справедливость и права на участок? Зачем было...

Нет. Айвену все это важно. И его семья — он же их любит, даже отца, несмотря на все их разногласия. Разве он мог допустить, чтобы родители сходили с ума от горя, считая, что их сын погиб?

Так что все правильно. Только страшно и неудобно, и... даже вагон первого класса и шикарный гардероб, что мне помогли подобрать безумно счастливая возвращением сыночка Сесилия и Магдалена — мать Лоренцо, жена хозяина дома, не успокаивали и не приносили удовольствия, скорее наоборот. А каких сил мне стоило отбрыкаться от корсета?! Только твердые слова Айвена, что он не позволит жене носить то, что вредит ее здоровью, и помогли. Мол, это новейшие медицинские исследования, и, если мужчины хотят иметь здоровых детей от своих жен, они должны запретить эту гадость во веки веков.

Угу, Гуччио сейчас были готовы верить любым словам своего спасителя, даже если бы он сказал, что лун на небе должно быть две. Смешно, но все синьоры и синьориты благородного дома тоже остались без корсетов... хорошо, что мы уехали, а то я не совсем уверена в прогрессивности взглядов темпераментных латинянок.

Кристина была тоже недовольна своим новым гардеробом — привыкла бегать и играть в свободной одежде, не стесняющей движения, а тут ее упаковали в принцессины платица и красивые, но неудобные девчачьи туфельки. И велели вести себя прилично. Дочь терпела, но периодически срывалась, и мне стоило большого труда ее уговорить... Хорошо, что в доме Гуччио она почти все время сидела возле Микеле и играла с ним, вызывая водопад умиления у всех вокруг.

Мне, кстати, было сначала немного страшновато — вдруг мелкий начнет спонтанно превращаться в медвежонка вот прямо сейчас?

Но Крис глубокомысленно объяснила, что это случится не раньше, чем он вырастет, приедет на остров Великой Матери и рискнет жизнью. Тогда, мол, они встретятся и поженятся, а пока пусть подрастет. Как папа, которого мама укусила во время индейского брачного ритуала, — он же не стал сразу мишкой, только в нужный момент...

Ну хоть тут возникла ясность. С прошлым вроде разобрались. А вот что будет дальше?..

Глава 59

— А может, мы не пойдём... — жалобно спросила я, глядя из окна кэба на огромный пафосный особняк с мраморными колоннами на фасаде. — Может, ты сходишь быстренько, покажешься родителям, и мы домой поедём?

— Злата! — Айвен рассмеялся и быстро поцеловал меня куда-то в ухо. — Ну ты что? Вот уж не ожидал, ты же всегда была такая смелая. И вдруг в последний момент испугалась? Чего? Моих родителей? Ну не съедят же тебя.

— Кто их знает, — сквозь сжатые зубы (чтобы не стучали) процедила я и повела плечами, стараясь хоть чуть-чуть расслабиться. — Как они нас с Кристиной примут. Твою женитьбу, помнится, они не одобрили и свое благословение дать отказались.

— Это было давно и значения не имеет, — серьезно проговорил Айвен. — Ты моя жена, и Кристина наша законная дочь. Я оставил запрос для мэрии Стаптауна. Как только возобновится железнодорожное сообщение, оттуда пришлют документы, а пока обойдемся подтверждением, переданным по телеграфу. Оно должно прийти со дня на день. Так что соберись, и идем знакомиться.

Лоси лысые, как же я не хочу-у-у-у! А куда деваться? И Кристинке же надо подавать правильный пример. Так что я нервно поправила шляпку, судорожно проверила, не задрался ли подол на распроклятом модном платье из ста всевозможных слоев, хорошо хоть без корсета, и, выдохнув, шагнула из экипажа следом за мужем, оперевшись на протянутую им руку.

Кристинку муж держал на руках, потому что она тоже нервничала и выглядела насуспенной — ей хотелось на волю, в лес, и побыть мишкой, а приходилось ходить в платьице и все время делать книксены.

Вот такой настороженно-насуспенной группой мы и вошли в великолепный особняк потомственных финансовых королей. Сначала все шло именно по тому сценарию, что я себе с самого начала представила: чопорный дворецкий довольно сухо поздоровался с «молодым хозяином» и не спеша удалился доложить хозяину дома, что прибыл мистер Айвен Даунтон с женой и дочерью.

Потом, после довольно продолжительного ожидания, во время которого я все больше нервничала, а Айвен держался с удивительной невозмутимостью, к нам в холл спустился... кхм... спустился еще один Айвен. Только заметно старше, массивнее и с таким холодно-брезгливым выражением лица, что мне сразу захотелось то ли туплей в него кинуть, то ли неприличный звук какой издать, просто назло. Очень уж этот старый «Айвен» на нас с Кристиной смотрел... недобро.

— Добрый день, отец, — спокойно произнес большой медведь. — Познакомься, это мои жена и дочь.

Я почувствовала, как мужская рука обняла меня за талию, и, искоса глянув на мужа, увидела, как затвердели черты его лица, когда он прямо и без доли смущения посмотрел на своего отца. И подумала — какого черта? Ну правда! В конце концов, даже наш остров — не единственное место в мире, где нормально могут выжить три медведя-оборотня. Главное — Айвен и Крис всегда будут со мной. Даже если не удастся начистить рыло тем, из-за кого мы сбежали с золотоносного побережья, — и что? Главное — мы живы. И плевать мне на высший свет этих допотопных Штатов, и на «свекра» с его презрительной складкой у губ плевать. И на деньги его. А значит, бояться и смущаться я больше не буду.

Сразу стало легче, я выпрямилась и твердо посмотрела в глаза отцу Айвена. Он вскинул подбородок и явно что-то хотел сказать, но не успел.

— Ванечка! — Мимо мистера Даунтона по лестнице стремительно пронеслось что-то тонкое, золотистое, невероятно изящное и совершенно наплевавшее на все правила приличия. — Живой, живой! Господи, Ванька! Противный мальчишка, да задницу тебе надрать некому! Разве можно так?!

— Мам, — растерянно и хрипло пробормотал Айвен, разом теряя всю свою готовность к бою и обнимая хрупкую невысокую женщину с очень молодым лицом и заплаканными глазами. — Мамочка, ну прости, я дурак такой... прости. Познакомься, это моя жена Злата и моя дочь Кристина. — Напряжение в его голосе все же слышалось, причем, наверное, даже большее, чем когда он заговорил с отцом. Да и у меня сердце сжалось.

— Господи, дурень ты, дурень! — всхлинула леди Даунтон, постучав пальцем по лбу сына, и бесцеремонно выхватила у него с рук притихшую Кристину. — Деточка, миленькая, да радость-то какая! Сладкая моя... я твоя бабушка, детка. Джей, сию секунду прекрати изображать столб со спесью и иди обними сына с невесткой! Внучку я тебе не отдам, и не проси! Господи, я уже и не надеялась! Злата, детка. — Она кинулась обниматься ко мне, не спуская ребенка с рук и игнорируя

как-то разом обмякшего за ее спиной мужа.

Мистер Даунтон теперь переступал с ноги на ногу, явно не очень зная, что делать дальше и как выбраться из этой неловкой ситуации. И стало видно, что прежняя его надменность — просто от неумения сразу перестроиться и желания скрыть все эти непривычные ему и вроде как «неприличные» эмоции от встречи с сыном. И поссорились же они, а как мириться, этот привыкший к власти человек не знал, и много там всего...

Ситуацию разрешил Айвен. Его золотиносное побережье все же научило многому из того, что в кругу жестких финансовых воротил не принято, но при этом для жизни полезно. Поэтому он, оставив мать тетешкать разулыбавшуюся от такого приема Крис и слегка растерянную от напора слез и поцелуев меня, подошел к отцу и крепко его обнял, не обращая внимания на то, что тот поначалу застыл каменным изваянием от такой простоты. А потом разом оттаял и тоже обнял сына, да так крепко, что тот аж крикнул.

— Добро пожаловать домой, Айвен Даунтон. — Просто назвать сына Ванькой старый волк все же не сумел, но все равно было видно, насколько его, что называется, отпустило. — Я рад, что ты вернулся. И твоей семье... рад, — мистер Даунтон проговорил это очень четко, словно сам себе отсекая все пути назад.

— Спасибо, пап, — улыбнулся Айвен. По его рассказам я помнила, что с отцом у него всегда были трудности именно в плане непринужденного общения — обожая и боготворя родителя, сын никак не мог пробиться через эту маску сурового дельца и безукоризненного поборника этикета.

Но так было раньше. А сейчас большой медведь, видимо, достаточно повзрослел, чтобы просто любить этого сложного человека и не скрывать своих чувств, не бояться быть бестактным по меркам высшего света и вести себя естественно. И это оказалось самое правильное, потому что принесло облегчение обоим — это вот глазами было видно.

— Господи, круг святой, спасибо тебе, — шепотом сказала мама Айвена, прижимаясь мокрым лицом к Кристинкиным оборкам. — Два упрямых осла, я уже и не надеялась... И тебе спасибо, деточка...

— Да мне-то за что? — удивилась я.

— За все. Неважно. Так! Семья! Давайте не будем толпиться в холле, как цыгане на базаре, а пойдем, наконец, в гостиную, сядем нормально... или вы голодные? Я сейчас же прикажу накрыть обед. Как раз ма с па вернуться из Сити, вместе и пообедаем!

— Бабушка и дед здесь? — удивился Айвен, а у меня в очередной раз засосало под ложечкой. Эти бабушка и дедушка знали Золотинку лично, и вообще...

Глава 60

— Да все здесь, все! — радостно прошептала свекровь. — Просто мама с папой поехали в полицейское управление, чтобы заявить о твоей пропаже и заручиться поддержкой властей. Мы же собирались к тебе ехать! Писем нет, слухи только какие-то ужасные, работодатели твои что-то мямлят несусветное, хотя отец из акционеров этой компании едва душу не вытряс... Ты не представляешь, как мы все испугались. Я написала Агрневым, конечно, они все сразу прилетели на всех парах.

— Все?! — Айвен сделал большие круглые глаза и оглянулся на меня немного испуганно. — М-м-м... И дяди, и тетя, и...

— И кузены, и племянники, — ворчливо подтвердил мистер Даунтон. — Я едва не рехнулся. Я очень уважаю своего тестя и с безмерным почтением отношусь теще, а также ничего не имею против твоих родственников, дорогая, но...

— Но они тебе мозг маленькой ложечкой съели, да, дедушка?

Это совершенно неожиданное Кристинкино выступление на пару секунд лишило нас дара речи, а я даже успела испугаться, что солидный джентльмен, привыкший к строгости и почтительности окружающих, ее сейчас одернет. Но мистер Даунтон неожиданно захохотал и выхватил внучку из рук своей жены, подбросил вверх, под счастливый визг, а потом крепко расцеловал в обе щеки и сказал:

— Точнее и не скажешь. Зришь в корень. Моя кровь.

— Эмили мужем с дочерьми поехали по магазинам, закупать теплую одежду, — с улыбкой глядя на мужа и внучку, поведала мать Айвена. — Лисандр, Шон и остальные мальчики штурмуют управление Северных железных дорог, чтобы нам выделили спецрейс до Стаптауна, твой папа все оплатит... оплатил бы. Господи, Ванечка. — У нее в очередной раз из глаз покатились слезы, и она прижалась к сыну, пряча лицо у него на груди.

— Все-все... Я уже перестала! Это от радости... Злата, дорогая, можешь называть меня Кристис, у нас в семье все по-простому, надеюсь, тебе и самой так легче будет. Моего мужа и твоего свекра зовут Джейстин. Он, конечно, ворчун и придира, помешанный на приличиях, но на самом деле очень хороший человек. И добрый. — Она оглянулась на сдвинувшего брови мужа и с улыбкой добавила: — К своим. Когда в настроении. Но если станет тебе досаждать — не пугайся и зови меня, я живо разберусь... Пойдемте. Пойдемте в столовую сразу, там и остальных наших дождемся.

Я уже настолько ошалела от всего происходящего, что только кивала, как болванчик, и вертела головой, крепко вцепившись в локоть мужа. Айвен мне явно сочувствовал, потому что все время старался поддержать, приобнять за талию или просто погладить по руке. Одной Кристине, названной, как я вспомнила, в честь бабушки, было хорошо и комфортно на руках у деда, она обняла его за шею и сидела довольная, как слон.

Я и осмотреться не успела в роскошной столовой, как в нее влетела сразу толпа людей. Все они шумно радовались, тискали Айвена, обнимали меня, смеялись, перешучивались, называли свои имена, которые у меня моментально перемешались в голове... Я запомнила только сестру и братьев свекрови: Эмилину — очень красивую женщину с синими глазами, Лисандра — строгого мужчину в военной форме и Шона — милого весельчака со шkodным прищуром. Почему-то они были не Агрневы, как я сначала подумала, а Аддерли. При этом два других брата Кристис — Олег и Мечислав — были как раз Агрневы... Ой, потом разберусь. Все равно пока голова кругом.

Я так и сидела в этом веселом хороводе родственников, хлопая глазами, как сова в полдень, пока в комнате вдруг не раздался негромкий, но глубокий и уверенный женский голос.

— Дети, тихо. Ти-хо. Перестаньте мельтешить и дайте мне пройти.

Все и правда как-то разом примолкли, а у меня отчего-то сердце провалилось в желудок. Я узнала этот голос — из Золотинкиных снов-воспоминаний. И эта женщина, невысокая, с проседью в густой русой косе, перекинутой через плечо, и едва заметными морщинками у глаз, она тоже была мне знакома. Как и мужчина, возникший у нее за плечом. Огромный, тоже полуседой, но ничем иным возраст на нем не проявился — могучий разворот плеч и легкие, почти звериные движения. Такие... медлительно-косопалые на первый взгляд — я даже не знаю, откуда у меня в голове возникло это сравнение. А! Он же... он тоже медведь?!

— Ну и чего ты так испугалась, дурочка? — Женщина по имени Бераника прошла через комнату и остановилась напротив меня, протянула руку и ласково потрепала меня по коротко остриженным волосам. — Бедная маленькая девочка, совсем тебя замучили? Ничего, теперь отдохнешь. Это не всем по силам, прийти так издалека. — Последнюю фразу она сказала как-то... У меня холодок

пробежал вдоль позвоночника, потому что мне показалась — она не про расстояние до нашего острова говорит.

Бабушка Айвена взяла меня за руку и потянула за собой, на ходу бросив остальным, в том числе и встревоженному Айвену:

— Вы тут пока сами поболтайте. Ваня, с тебя отчет деду, понял? Это безобразие так просто оставлять нельзя. А мы пока пойдем устроим твою жену, дадим ей отдохнуть с дороги и пошепчемся о своем, о женском. Злата, не беспокойся, за Кристинкой тут есть кому присмотреть, а потом ее познакомят с нашими младшими, ребенок не соскучится. И накормят, и умоют, и переоденут, и спать уложат. А тебе самой надо отдохнуть.

Я за ней пошла, как загипнотизированная. И где-то шагов через десять поймала себя на том, что перестала бояться. Рука у нее была теплая, а глаза добрые...

— Совсем тяжело пришлось, маленькая? — спросила она меня, когда мы остались одни в большой уютной спальне. Бабушка Айвена усадила меня на кровать, а сама села напротив, все еще держа меня за руку. — Еще бы. Мир чужой, время чужое... Ты не представляешь, как я благодарна тебе за то, что ты справилась.

У меня аж язык отнялся от такого заявления. Откуда?! Откуда она знает и почему... то есть...

— Вы... что я не Золотинка?! — только и сумела пролепетать.

— Ох, девочка, — покачала головой Бераника. — Все намного сложнее. Я тебе расскажу все, что знаю, но и у меня не так много информации. Скажи мне, откуда ты пришла? Из будущего или из прошлого?

— Из будущего...

— Ох, это еще тяжелее в каком-то смысле. А в каком-то, может, и помогло тебе, верно? По русски-то ты говоришь так чисто, что я в тебе сразу соотечественницу угадала. Хотя крови в тебе намешаны очень разные, и индейские в том числе. Потому в тебе сила-то и проснулась. Из какого ты века?

— Э-э-э... из двадцать первого. Но откуда вы знаете? И что все это значит?!

— Вот послушай. Когда мы в первый раз приехали навестить внука, я сразу поняла, что жена у него не простая индеанка...

Глава 61

— Вот послушай. Когда мы в первый раз приехали навестить внука, я сразу поняла, что жена у него не простая индианка, а та, что несет кровь Матери племени. Недаром же я веда-то, уж свою сестру не пропущу. Она ведь, Золотинка, Ваньку нашего себе не просто так выбрала и в свой род увела, подарив второй облик. Муж мой его зверя сразу почуял, в роду Агреновых тоже предок непростой, но там другое. — Бабушка Бераника многозначительно и немного мечтательно улыбнулась. — Не может он легко по своему желанию оборачиваться, только в минуту смертельной опасности превратился всего раз и чуть было не ушел в лес диким зверем. Едва- едва вернула тогда. А Ванька-то даже не Агренов, Крестинка мне по душе родная, а по крови — приемная. У Аддерли свои духи предков, не знаю я их, чужие они. Но раз Ваньку Великой Матери отдали, значит, свои резоны у них.

— А про другой век вы откуда знаете? — От обилия мистической информации у меня голова кругом пошла, но не верить-то никак. Сама свидетельница, больше месяца в черной шкуре между кедроми шастала. И с Золотинкой разговаривала... так что теперь смотрела на бабушку Беранику с надеждой: похоже, она в курсе, что такое с нами со всеми приключилось.

— У индейских шаманов с миром духов свои счеты и связи, — вздохнула та. — И с гранью тоже. Когда теб... когда Золотинку убили ироды эти, там, на острове, она сделала что-то не до конца мне понятное. А потом пришла в мои сны и все рассказала. Чтобы мы не беспокоились зря, но и с помощью не тянули.

Бабушка Бера — она так велела себя называть еще раньше — взяла мои ладони в свои, сжала и посмотрела мне прямо в глаза:

— Самое главное, детка, что ты не гостья и не самозванка. И Ванька наш, и дочка — они твои. Когда злодей тот у матери жизнь отнял, она, чтобы дите свое ему на расправу не отдавать, призвала силу Великой Матери и с ее помощью заняла у самой себя жизнь.

— В смысле, заняла?! — обалдела я.

— Миров много. Время в них идет по-разному. А душа — она одна, вечная странница, играет с разными судьбами, как дитя в игрушки, то одно попробует, то другое. У древних людей Севера есть такая уловка: если жизнь твоя здесь обрывается насильно, раньше времени, то можно как бы займы взять у самого себя, но из другой игры, или грани. Из другого времени, понимаешь? Так что память у вас с Золотинкой разная, потому что прожили вы ее в разных мирах. А вот душа одна. Она — это ты.

— То есть я там, у себя, умерла, потому что Золотинка...

— А ты не умерла. Та жизнь, что займы взята, как бы на паузу встала. Проживешь здесь, сколько отпущено, и вернешься в то же мгновение, из которого ушла. Не зря же это именно «займы», а не просто так отнято.

Понимаешь?

— Не очень, — честно сказала я. — У меня голова кругом. Жизнь займы, надо же... и я смогу вернуться...

— Поэтому ты почти о том своем мире и не вспоминаешь. То есть умом помнишь, а сердце не болит, верно? Не скучаешь, не беспокоишься ни о друзьях, ни о родных. Потому что душа твоя знает, что они твоего отсутствия даже не заметят и больно им не будет. И тебе не будет — встретитесь ведь еще.

— Правда?! — Я жутко обрадовалась и выпалила сразу все, что меня беспокоило: — А то я думала уже, что-то со мной не так. Тварь какая-то получаюсь, бесчувственная. Вот маму вспомню, вроде бы надо за нее испугаться, но не получается, а через секунду отвлекусь и сразу забываю обо всем, начинаю жить здесь и сейчас. Это... а когда я тут умру и туда вернусь, я буду помнить? Об этом мире, о Крис, об... Айвене?

— Вот этого я не знаю, детка, — вздохнула бабушка Бера. — Это мне неведомо. Хотя я и веда, и многие вещи из снов узнала, а до каких-то сама, своим умом дошла. Но чего сейчас об этом задумываться? У тебя тут вся жизнь впереди. Ты, главное, не бойся ничего и не тушуйся. И Ваньку, дурня такого, за ушко да на солнышко. Ишь, мнется он, ирод, душой жену чуёт, любит, а телом все сомневается. За шиворот и в спальню, да и весь разговор.

Я отчаянно покраснела, одновременно прикусывая губу, чтобы не хихикнуть. Было, с одной стороны, ужасно неловко слышать это от пожилой вроде как женщины, да еще бабушки мужа, а с другой — ужасно смешно. И... весело как-то. Легко стало от этих слов, словно у меня камень с души

сняли.

— Беги уже, беги, лови своего медведя, — рассмеялась бабушка Бера и встала с кровати. — Остальных я найду чем занять, и за Кристинку теперь не беспокойся, тут желающих понянчиться довольно будет. А то, пока втроем шли да ехали, и уединиться толком негде и некогда было, верно?

— Верно, — кивнула я, чувствуя, что еще немного — и я начну ногами на месте перебирать, такое меня обуяло нетерпение. Не знаю, почему вдруг, но мне вот сию секунду жизненно необходимо было увидеть Айвена и это... за ухо и в постель. Потому что безобразие какое-то: если я настоящая жена, а он настоящий муж, то... то он мне супружеского долга задолжал на миллион! На два миллиона.

— Беги! — снова засмеялась бабушка и даже подтолкнула меня в спину. — Стоит она, мнется. Сейчас вот мужики утащат Ваньку куда-нибудь из дому, неотложными делами заниматься, и будешь до вечера маяться!

— Спасибо! — выпалила я, подчинилась порыву и быстро поцеловала бабушку Бера в щеку. А потом... потом побежала.

Я чуть было не опоздала, потому что мужчины, оживленно переговариваясь, уже топали куда-то по коридору, некоторые даже спускались по лестнице в холл, а Айвен шел последним и на ходу надевал пальто. Ух! За это пальто я его и поймала, воспользовалась на секундочку неожиданностью и своей медвежьей силой, и как дернула на себя! Я как раз остановилась в дверях какой-то пустой комнаты, даже не разобралась какой, главное, унюхала, что там никого нет.

Дернула, значит, да так сильно, что мы вдвоем в эту дверь и влетели, я чуть не шлепнулась на попу, а крайне изумленный Айвен — на меня сверху. Ну, ничего не имею против, только этот медведь сам на ногах удержался и меня удержал.

— Ты что творишь?! — сделал большие глаза мой муж и пару раз моргнул длиннющими ресницами. Вот почему я раньше не замечала, что они настолько... настолько длинные и соблазнительные? И губы у него шевелятся, когда он вопросы задает, это же просто с ума сойти как возбуждает, сил никаких терпеть!

— Зла... — еще успел выдать он, прежде чем я рывком притянула его к себе и впилась в его губы таким поцелуем, что сразу зазвенело в ушах. И сквозь этот звон я еле-еле расслышала, как щелкнул замок на двери, когда ее заперли снаружи, а бабушкин голос решительно произнес:

— А ну идите все отсюда. Идите-идите, куда вы там собрались. А Ваня занят. Надолго. Брысь, я сказала.

Глава 62

Айвен:

— А я, знаешь... — она лежала на мне, положив голову мне на грудь, и в такой позе слушать ее рассуждения о высоких материях было особенно приятно, — все время чувствовала, что как будто помню все, что было у вас... то есть у нас с тобой. Как будто по краешку сознания ходят образы, как бывает утром, когда проснулся, сон еще вот тут, но уже уплывает, и ты знаешь только, что он был ужасно прекрасный.

— Ужасно прекрасный. — Я засмеялся. Вечно как сказанет! Злата тут же заерзала и скомандовала:

— Лежи смирно, чего ты пружинишь? Я хочу наслаждаться тем, чего мы за столько дней не добрали.

— Чудо ты мое. Сказка. — Я рывком перевернулся и навис над ней, придавив свое золотко к мягкому длинноворсовому ковру. — Медвежья сказка. Я чуть не рехнулся от того, что видел и чувствовал разное. А ты еще сама подтвердила, что ты пришлица из другого мира, а вовсе не моя жена. И запах же... от тебя пахло чужим, чем-то незнакомым, холодным, как железо. Я сам не понял, в какой момент этот чужой запах стал родным, потому что я его тоже вспомнил. Как будто всегда знал.

— Это все слишком сложно, — смешно наморщила нос Золотинка, и я не выдержал, потянулся за поцелуем. Но она завозилась, высвободила руку и прижала палец к моим губам:

— Погоди секундочку. В общем, так. Я просто отлучилась в другую жизнь. Ну, так получилось. И пока я там жила, я немножко забыла, как жила здесь. А теперь я вернулась. Понятно? И ни-ко-му тебя не отдам. Ты мой медведь. Навсегда. Насовсем.

— И на все жизни, куда б ты ни решила сходить пожить, — согласился я. — Жена, тебе не кажется, что хватит уже надо мной издеваться?

— В смысле?! — Она сделала большие глаза, но на дне их явственно плясали хулиганские черти.

— Вот тебе и в смысле. Я не могу разговаривать на такие заумные темы, когда ты... да что ж ты... делаешь... когда ты так делаешь! Все. Не знаю, как у тебя с кредитной линией, а долги я намерен гасить немедленно!

— Гаси, — согласилась она и опять провоцирующе поерзала подо мной. — Посмотрим, насколько тебя хватит, а то ведь так и останешься в пожизненных должниках.

— Ну все... сама напросилась! — Я засмеялся и поймал ее губы в поцелуе. А потом... а потом было слишком хорошо, чтобы помнить детали.

Из курительной комнаты, куда волею случая и нетерпеливой Златы нас вчера занесло, мы выбрались только утром. Хорошо, здесь ковер такой толстенный, теплый, да и дом у нас из-за моей нелюбви к холоду оснащен паровыми батареями, новейшим чудом техники, так что не замерзли. Хотя после жизни в лесу сомневаюсь, что нам помешали бы такие мелочи.

Только вот проснулись мы оба голые и голодные, натурально дикие звери. А поскольку я вчера немного погорячился в своем рвении и порвал на жене платье, на разведку и за припасами мне и пришлось отправляться. Благо дверь в комнату можно было открыть изнутри, повернув рычажок.

Первое, на что я наткнулся у самого порога, — это большой поднос, полный еды и даже с кофейником, в котором был горячий кофе. Видимо, прислуга время от времени подносила свежий. Я сначала слегка смутился, представив, что они могли услышать, а потом плюнул — да к черту. Мой дом. Моя жена. Что хочу, то и делаю.

Вот эдак, плотно позавтракав, мы еще до обеда что хотели, то и делали, пока за дверью Злата не услышала голос Кристинки. Тут уже выхода не осталось, пришлось под слегка насмешливыми взглядами родни нести одежду жене и потом вместе с ней перебазироваться в спальню. Там и ванна уже была приготовлена, великое дело — цивилизация и водопровод!

После обеда мы все, включая по уши погрузившуюся в общение с кузенами и кузинами Крис, решили сходить все же в полицейский участок. Во-первых, мне надо было показаться и заявить, что все в порядке, заявление

родственников отзывается. Во-вторых, дед настоял, чтобы я тоже оставил заявление — о покушении на убийство меня и моей семьи. В целом я был согласен, только пришлось согласовывать и трижды

повторять легенду, чтобы убрать из нее мистику и превращения в медведей.

Кстати, я сам удивился, но, когда Кристинка из-за какой-то мелочи заспорилась с одним из наших мальчишек, она хоть и рассердилась, но даже попытки не предприняла обернуться в зверя. А на мой внимательный и настороженный взгляд вздохнула эдак по-взрослому многозначительно и пожала плечами. А потом посмотрела в окно, из которого даже ни одного нормального дерева не было видно, сплошь каменные джунгли с чахлыми сквериками. И я как-то сразу понял: дочь говорит, что медведям место в лесу. А посреди города — что она, глупая?

Я даже расчувствовался, какая у меня умная и рассудительная девочка выросла. А Златка рядом только захихикала и толкнула меня в бок локтем. Эти ее мальчишеские хулиганские привычки совершенно не вписывались в местный этикет, но я ни за что не хотел бы, чтобы она изменилась. Нет, пусть остается вот такой: веселой, немножко вредной, непосредственной и искренней. А город... сейчас погостим немного, разберемся с делами, устроим Джонса и поедем домой. На наш остров. Теперь наше место там, а золото... пусть в земле лежит. Не стану я тот участок разрабатывать и обнародовать истинные размеры жилы — их ведь даже наши враги не знали, польстились на самородный ручей, что в стороне от основного месторождения, а он хотя и богат, но быстро истощится. Одному Джонсу на сладкую жизнь хватит, не больше. Так что пусть все лежит в земле, иначе слетятся всякие авантюристы, как мухи на мед. А нам этого не надо. И денег много не надо, на самом-то деле. Долги я погасил — уже отправил и всю сумму владельцу склада, и, по настоянию Златы, тысячу долларов какой-то Мэнди Колхаун, девице из салуна. Для нее это бешеное богатство, может или уехать, или прямо там устроить свою жизнь, как сама захочет.

Короче говоря, жизнь налаживается, планы на ближайшее время ясны. Только почему Златка, стоит нам выйти в город, начинает беспокоиться и все время шевелит носом, словно в медвежьей обличке?

— Слушай, — жена крепче взяла меня под локоть, — а ты того клетчатого же сдал в полицию? Да? Мне показалось, что я его только что видела.

Глава 63

— Где?! — мгновенно насторожился я и тоже невольно принял. Запах клетчатого соглядатая я запомнил прекрасно, но сейчас не уловил даже намека на него. — Может, показалось?

— Может. — Злата не очень уверенно кивнула. — Но, знаешь, второй день у меня такое чувство, словно кто-то смотрит в спину. Не все время и не везде, поэтому я не могу определить, точно ли стоит тревожиться, или у меня паранойя разыгралась от всех этих приключений.

— Знаешь что, — за время путешествия я не раз и не два убеждался, что чутью жены стоит доверять, даже если мое собственное молчит, — давайте-ка вернемся домой. Там точно никакие взгляды не страшны, и будет время разобраться, кто такой умный или клетчатый появился на горизонте.

— Да это может быть какой-нибудь внезапный поклонник. — Злата пожала плечами и улыбнулась. Я почувствовал, что таким образом она пытается меня успокоить. — Или, например, тот соглядатая просто доделывает работу, порученную агентством. Или он вообще полицейский под прикрытием. Короче, ничего страшного. Но Кристинку точно надо отвести домой, и пусть сидит!

Последние слова и беспокойство, прозвучавшее в них, прямо противоречило тому, что она только что говорила, но я только кивнул, крепче подхватил жену под локоть, оглянулся на деда и старшего из дядьев — Лисандра.

Им даже слов лишних не понадобилось — оба моментально подобрались и вполголоса начали раздавать команды. Наша процессия — вся семья выбралась за покупками в Сити — мгновенно перестроилась, спрятав женщин и детей внутрь оцепления из взрослых мужчин. А дед быстро махнул рукой, останавливая проезжавший мимо наемный экипаж.

— Все, сейчас быстро доберемся до дома, и дальше не надо будет никуда торопиться. Можно даже будет вызвать того полковника из управления полиции, с которым в приятельских отношениях мой отец, — успокоил я Злату, подхватывая на руки дочь и шагая к кромке тротуара. Закрытый экипаж уже остановился, почти касаясь подножкой бордюрного камня, и кучер нажал на рычаг, открывая дверь. Хороший кэб, современный. Только тесный.

— Так, все равно туда все не влезем, — констатировал дед. — Езжайте втроем, я сейчас зайду в один из офисов и телефонирую в особняк Даунтонов, вас там встретят. Мы доберемся своим ходом, тем более что сами по себе мы никому не нужны.

— Хорошо. — Я посадил жену и передал ей дочку, а потом сам впрыгнул в экипаж и закрыл дверцу. Кивнул оставшемуся на тротуаре семейству и скомандовал в переговорный рожок, выведенный в салон: — Трогай, особняк Даунтонов. Плачу двойной тариф за скорость и аккуратность.

— Есть, сэр! — через рожок голос кэбмена звучал немного приглушенно, но достаточно четко. Экипаж тронулся с места и бодро двинулся в объезд Центрального парка, а я с облегчением откинулся на подушки.

Через пять минут мы проехали основную толчею на улицах Сити, и экипаж пошел быстрее, а я окончательно выдохнул. Если и могли выстрелить из толпы, так только там. Ничего, скоро будем дома. Злата тоже расслабилась, и даже притихшая Кристина чуть отогнула занавеску на маленьком окошке и с интересом наблюдала, как проплывают мимо вековые дубы Центрального парка. Умиротворяющее зрелище.

Мы почти обогнули это чудо природы, специально сохраненное посреди огромного города, как вдруг экипаж начал замедляться. Я подумал было, что мы выехали на перекресток и пропускаем другой экипаж, как вдруг Злата взвилась с сиденья и закричала:

— Оборачивайтесь! Крис, прыгай и беги к деревьям! Живо! — И она рванула дверцу кэба уже начавшими покрываться шерстью руками, выдирая ее с мясом и с замком, который оказался заперт.

Я, не рассуждая, тоже начал оборот, но отчего-то на этот раз он шел медленно, будто с трудом и с неожиданной болью, которой раньше не было. Краем сознания я отметил, что дочь тоже оборачивается медленнее, чем обычно, и кричит при этом, словно тоже от боли. И только Злата продолжала выламывать дверь кэба полностью медвежьими лапами. Кровавая пелена затопила все вокруг, я не понимал, что происходит, но был в ярости оттого, что кто-то опять посмел покушаться на мою семью.

— Врешь, с-с-сука, никуда не денешься! — вдруг раздался в этом бедламе злой и радостный голос. Передняя стенка кэба упала, открывая окно, в которое тут же просунулось дуло крупнокалиберного ружья. — Всех вас придавлю, дикари проклятые, никакая мать вам не поможет! Теперь не уйдете!

Пусть я все потерял, но и вы сдохнете!

Я взревел и кинулся наперерез выстрелу, но мне в грудь словно ударило огненной кувалдой, откидывая на сиденье. Рана была не смертельна, я это сразу почувствовал, но тело словно парализовало, и я мог только беспомощно слушать радостный хохот подонка и смотреть, как медленно вспыхивает черный зрачок дула, чтобы выплюнуть следующий заряд, на этот раз смертельный.

— Не-е-ет! — Крик и звериное рычание слились в одно, я еще видел, как Злата одним невероятным движением выносит боковую стенку экипажа и выкидывает дочь куда-то в медленно проплывающие мимо едущего кэба кусты, в их почти облетевшую листву, в спасение... а потом таким же слитным, стремительным броском прошедшего полный оборот зверя перекрывает траекторию выстрела.

Грохот, рев и вопль Джонса слились в одно, когда Злата буквально проломила переднюю стенку и, не обращая внимание на то, что враг продолжает истерически жать на курок, посылая в нее заряд за зарядом, обрушилась на него всем огромным медвежьим телом.

И стало тихо-тихо. Даже трясоти прекратило — лошади встали. Остро воняло сгоревшим порохом и кровью. Я пересилил дикую боль в груди и попытался встать, машинально отмечая, что оборот так и не завершился — я все еще получеловек, полужверь. Но это не важно, важно только то, что Злата лежала неподвижно в проломе стены и не издавала ни звука. Доползти до нее мне стоило огромного труда, я вцепился в черную шерсть и осторожно потянул. Медвежье тело неожиданно легко соскользнуло на пол, я едва не заорал от ужаса, но тут же осекся, потому что она была жива и смотрела на меня совершенно осмысленным взглядом, несмотря на то что вся грудь была разворочена и сквозь ставшую алой шерсть торчали белые обломки ребер.

— Все нормально, выломай вторую дверцу и обернись до конца, рана заживет.

К этому «голосу в голове» я так привык за время путешествия, что, услышав его, выдохнул с облегчением. Но тут же снова все внутри сжалось от непонятого предчувствия.

А Злата смотрела мне прямо в глаза и торопливо объясняла:

— Там в дверцах какая-то дрянь, она мешает обороту. Не знаю, почему мне не смогла до конца помешать, но для вас она сильна. Найди Крис, там, среди деревьев, она уже превратилась, и с ней все хорошо, но ребенок сильно напуган. И... Айвен...

— Ты тоже превращайся, раз оборот лечит раны. — Губы смерзлись, но в этом разговоре они и не нужны были.

— Я... постараюсь. Иди найди Крис! Это срочно. Беги давай! Быстро.

Она была сто раз права, я это понимал, но, выламывая вторую дверцу и спрыгивая на мостовую уже полностью в медвежьем обличье, я чувствовал, как внутри что-то нестерпимо саднит и сжимается. Словно...

— Крис! — Несколько шагов вдоль живой ограды парка на медвежьих лапах, потом обратный оборот — и вот я уже иду человеческими ногами. Мелькнула мысль — как так, ведь у меня не было зрительного контакта со Златой, как прежде при любом обороте... значит, получилось само? И там, в экипаже, жена тоже начала превращаться без этого «глаза в глаза». Ладно, потом, сейчас не до того, надо искать дочь. Благо улочка пуста, иначе далеко не убежал бы голый. — Крис! Кристинка!

— Папа! — Черный меховой мяч выкатился из зарослей и с плачем повис на мне, дочь тоже превратилась из медвежонка в девочку буквально в прыжке.

— Слава кругу, детка. — Я прижал ее к себе и кинулся обратно в экипаж. — Сейчас мы вернемся к маме, и все будет хорошо!

Всего несколько шагов — и я нырнул в разломанный кэб, уже прикидывая, как нам добраться домой в таком виде. И резко остановился, словно налетев на стену. Прижал Кристину голову к плечу так, чтобы она не могла обернуться и посмотреть.

Густая алая кровь медленно капала с подножки на пыльную мостовую. Едва заметный ветерок шевелил черную шерсть на теле мертвой медведицы, смотревшей в серую осень опустевшими глазами.

Глава 64

— Так нечестно, — растерянно сказала я, глядя на экран, на котором отображалось, как мужчина прижимал к себе плачущего ребенка и потемневшими от горя глазами смотрел на мертвое тело черного зверя. — Так нечестно!

Хотелось заорать, ударить кого-нибудь, швырнуть, разбить... Так нечестно! Почему?!

Нет, я ни о чем не жалею. Сделала бы так еще раз и еще. Если бы на месте мертвой медведицы был медведь или медвежонок, было бы в сто, в тысячу раз хуже. Но все равно... так нечестно. Они там, а я здесь.

Кстати. А где это я?

— Не знаю.

Оппа. Еще одна я. Нас тут две? А, нет... это еще один экран. Или не экран? Зеркало? Точно, зеркало. И мое отражение мне оттуда грустно улыбается.

— А кто знает? — Перебранка с отражением в этой ситуации — самое идиотское, что только можно придумать. Но у меня помимо воли в голосе сварливые нотки неудовлетворенной старухи. Потому что... что за нафиг такой! Откуда этот чертов босс Джонс взялся в Нью-Айрке, где он раздобыл дилижанс, кто его надоумил вшить в обивку дверей какую-то поганую траву с медвежьей кровью — индейский амулет против вражеских оборотней? И какого лося лысого вообще!

— Трусливый индеец подсказал, — вздохнуло отражение. — У Джонса после возвращения с острова все начало рушиться даже без вмешательства семьи Айвена. Удача отвернулась, все из рук стало валиться, все, что могло пойти хуже некуда, — пошло. И деньги терял, и здоровье. Ну и вспомнил, что там его подручный про Великую Мать орал. В такой ситуации даже заядлый материалист поверит во что угодно. Вот и этот пошел к старому шаману, не нашему, пришлому, с северных островов. И тот ему дал амулет против вражеских воинов-оборотней. Ну а дальше просто все — ты не зря слезку все время чувствовала. Все же какие-то деньги у Джонса остались, и какие-то помощники... Даже детектива нанял. Вот и выследил. Подготовился. От такого врага сложно уберечься, как ни старайся.

— И что теперь? — Я снова оглянулась на «экран» — теперь мне казалось, что изображение на нем не плоское, что оно дышит, и это просто окно в тот мир, где остались Айвен и Кристина.

— Я думаю, — вздохнуло зеркало. Странно, я даже перестала воспринимать ее Золотинкой, отдельной личностью. Нечто внутри меня знало, что это тоже я. Действительно я, просто отражение. Часть меня с другой памятью и знаниями. — Там убили медведицу... не человека...

— И? — Еще не понимая, к чему она клонит, я все же на что-то надеялась. Так надеялась, что сердце билось в горле.

Зеркало вдруг затуманилось, и я сама не поняла, отчего это меня так напугало. В голове вспыхнуло одно решение — разбить! Немедленно! Иначе случится что-то страшное! Я по наитию ударила в стекло обоими кулаками. Изо всей силы. Раз, другой... и даже не почувствовала боли, когда стеклянное крошево посыпалось алыми от моей крови искрами куда-то в пустоту. Две памяти слились в один поток, но при этом я четко осознавала, где память этого мира, а где того, будущего. Словно воды двух рек, они не смешивались, только переплетались струями. И из этого переплетения сама выплыла подсказка.

Третью жизнь взаимы взять уже нельзя. Но можно сделать по-другому. Отдать силу моего зверя человеческой части здешней меня. Сложно, непонятно, но сработает. То есть я уйду в свой мир, вот эта «я», что прожила кусочек жизни на острове и в дороге, а настоящая «я» этого мира сможет вернуться к своим любимым. Но мы обе потеряем возможность превращаться в зверя, вообще способности оборотней потеряем, будем просто людьми.

Да и фиг с ним! Я люблю свою медведицу, свое единение с лесом и свою силу, но Айвена и Кристину я люблю гораздо больше. Если для того, чтобы вернуть им жену и мать, надо отказаться от оборота, я это сделаю с легкостью!

Жаль только... жаль только, что часть меня с земной памятью уйдет в другой мир, где нет ни Крис, ни Айвена. Я ведь буду их помнить и скучать. Но главное-то, главное! Им будет хорошо!

Все эти мысли пронеслись в голове за долю секунды, я даже не колебалась, принимая решение. И стоило его принять, как мне даже делать ничего не пришлось, я снова разделась на две части, и та, которая была Золотинкой, улыбнувшись мне, шагнула из пустоты прямо на мертвое медвежье тело.

Я еще успела увидеть, как черная шерсть тает в воздухе и на дне кареты садится и начинает кашлять молодая женщина с золотисто-рыжими волосами. Как резко оборачивается Айвен, как он едва не падает и не роняет дочь, когда бросается к ней.

Как обнимает. Как плачет между ними Кристинка, обхватив маму за шею. Плачет от облегчения и счастья. Как в конце улицы возникают люди, и это свои — я вижу бегущих кузенов Айвена и его деда, а из подъехавшего экипажа выходит бабушка Бераника.

Она далеко, но мне вдруг кажется, что она смотрит мне прямо в глаза. Не той мне, что сейчас заливает слезами вновь обретенных мужа и дочь, а той, что стоит в стороне и уже готова уйти навсегда.

Бераника смотрит и вдруг... подмигивает. И улыбается.

Узкая улочка на окраине Центрального парка растворяется в этой улыбке, и я резко вдыхаю, словно выныривая из воды и судорожно глотая воздух.

— Голди! Голди! О господи, девочка! Жива! Слава богу! Голди, слышишь меня? Открой глаза, давай!

Я открыла глаза и увидела склонившегося надо мной Джексона, его красная бейсболка на фоне невозможно синего неба пламенела как флаг. А с другой стороны надо мной навис капитан катера, и он тоже выглядел смертельно испуганным.

— Все нормально, я в порядке. Вроде бы... — Я с некоторым трудом села и покрутила головой, пытаюсь избавиться от онемения в плечах и шее. — Что это было?!

— Это был идиот, — зло прошипел Джексон. — Хорошо еще, сам не убился.

— Оставь, — выдохнул капитан и вытер пот со лба. — Все мы были молодыми и перед девчонками выделывались. А он даже правил не нарушал, к береговой линии на запрещенную дистанцию не подходил, этот камень последним штормом принесло. Раньше его тут не было. Мотоцикл разбил, конечно, но главное — оба живые и даже не поцарапанные.

Я резко обернулась и...

Гринч. Белый, как стенка, губы трясутся. Сидит на пирсе в метре от меня и смотрит. Глаза серые-серые, и...

У меня стало горько во рту оттого, что мгновенно вернувшаяся память залила душу такой болью... Вот же он, такой похожий. И не он. Не тот... Не Айвен. Айвен остался в другой жизни, и вряд ли я встречу его в этой. А даже если встречу — он меня не узнает.

— Так, ребята, решайте: идем обратно на большую землю, к медикам, или все нормально и продолжаем разгрузку? — сбил накал паузы капитан.

— Голди? Ты точно окей? — переспросил Джексон, с некоторым сомнением глядя на меня.

— Конечно! — Я ухватила за его протянутую руку и встала. Огляделась. — Разгружаемся. Это мой остров, и лося лысого вы меня отсюда увезете!

— Упрямая коза, — усмехнулся Джексон и поволок по мосткам ящик с оборудованием. — Эй, парень! — бросил он на ходу Гринчу. — Не сиди, раз уж здесь оказался, помогай! Глядишь, девушка оценит больше, чем разбитый мотоцикл.

Капитан засмеялся, хлопнул медленно поднявшегося с пирса Гринча по плечу и вручил ему какой-то мешок. А я, нагло пользуясь тем, что я хоть и феминистка, но все равно девочка, пошла на берег без тяжестей в руках.

Просто ступила на прибрежную гальку и присела у самой беспокойной кромки воды, опустив пальцы в холодную прозрачность.

Мой остров. Хоть ты у меня остался...

Эпилог

Разгрузка почти закончилась, мужчины перетаскали все ящики и мешки от береговой линии к станции и сложили в сарае, кое-что уже и распаковали. Солнце медленно катилось по ворсистому гребню западного склона, похожего на спину спящего медведя. Я протестировала рацию, сходила на мыс, проверила метеорологические приборы, сняла показания, расписалась в журнале, все это слегка заторможено. Но Джексон смотрел понимающим взглядом.

— Ну что, Голди, пора. Точно остаешься? Уверена?

— Да. — Я кивнула и улыбнулась. — Валите уже. Жду не дождусь, когда же, наконец, останусь королевой острова.

Джексон засмеялся и пошел к катеру. А я невольно поискала глазами Гринча — он вроде бы участвовал в погрузке, но в то же время как будто старался не попадаться мне на глаза. Неужели устыдился своего мальчишества? Что-то верится с трудом. Скорее, злитесь за разбитый мотоцикл, у таких всегда все вокруг виноваты. Ну и пусть плывет с глаз долой, хоть несколько месяцев не увижу — и то хорошо.

— Эй, Винс! — тем временем заорал Джексон уже с катера. — Где тебя морские черти носят? Отплываем!

Я хмыкнула, отвернулась от пирса и ушла в дом. Здесь, на станции, был отличный сруб, кедровые бревна лежали плотно, вселяя чувство уверенности. Такой дом сто лет простоит. Даже та временка, в которой мы... так, а вот об этом сейчас думать не надо.

У берега взревел мотор катера, и я выдохнула. Отчалили. Хорошо. Теперь можно поплакать.

Шаги на крыльце стали полной неожиданностью. Я даже не успела испугаться. Гринч шагнул ко мне с порога и...

— Злата, — сказал он без малейшего акцента, и в серых глазах промелькнул такой знакомый уверенный огонек.

— Дурочка. Разве я мог тебя потерять? Ну забыл, прости... но вспомнил же?

— Ай... Вань?! — не веря самой себе, переспросила я. У меня колени ослабли, села бы на пол, если бы он не подхватил. — Черт! Невозможно... но... Гринч?!

— Вот придумала кличку, хулиганка, — проговорил на чистом русском он и засмеялся. — Дурында.

— Ва-а-ань... — Слезы ливанули горным селем, сметая все на своем пути, в том числе и сомнения. — Ва-а-анька... дурак!

Он ничего не ответил, просто поцеловал, и если на самом дне души еще было какое-то неверие, то оно растаяло в этом поцелуе окончательно.

— А как там... ну там... — спросила я вечность спустя, отрываясь от своего медведя и глядя на него зареванными глазами.

— Да отлично там, — усмехнулся он, привлекая меня обратно и обнимая большими теплыми руками. — Мы прожили великолепную жизнь и...

— А Крис? — Я понимала, что это уже совсем глупость — в этом мире ни у Гринча, ни у меня никаких детей не было. — Как ты думаешь, а...

— Глупенькая ты моя. Шаманка лесная. Радость бестолковая. Сама не догадалась? М-м-м?

— О чем?

— О том, как сделать Кристинку в этом мире, — хмыкнул этот паразит. — Да и не только Кристинку... Я тут вспомнил, что мне понравилось быть многодетным папой.

Конец